

ВЕЛИКИЙ
ДРУГ

Великий друг

В этой книге публикуются воспоминания старых большевиков-ленинцев, активных деятелей профсоюзного движения.

Судьба одарила их огромным счастьем.

Многие из них неоднократно видели и слушали В. И. Ленина, встречались с ним, беседовали, испытали на себе влияние ленинских идей, мыслей.

У Ленина учились они беззаветному служению народу, революции.

Рассказы ветеранов ярко свидетельствуют, что Ленин не только теоретически обосновал роль и задачи профсоюзов в период борьбы пролетариата против господства буржуазии и после завоевания им политической власти, но и всегда заботливо направлял их

деятельность. Через всю книгу проходит образ

В. И. Ленина — гениального вождя масс, простого и великого, скромного и отзывчивого, самого близкого и преданного друга рабочего класса, его массовых организаций.

ВЕЛИКИЙ ДРУГ

ПРОФИЗДАТ
1970

ЗК26
Л45

**В подготовке книги к изданию
приняли участие
Б. Бочков, И. Марков.**

1—9—2
126—69

ПО ПУТИ, УКАЗАННОМУ ЛЕНИНЫМ

Название книги «Великий друг очень верно передает отношение В. И. Ленина к профессиональным союзам. Действительно, с момента зарождения и на всем пути своего развития советские профсоюзы пользовались огромным вниманием и поддержкой Ленина и созданной им Коммунистической партии. Вождь революции видел в профсоюзах великую силу объединенного и организованного рабочего класса и делал все возможное и необходимое, чтобы они твердо стояли на «марксистской почве», как он говорил.

Владимир Ильич в первую очередь заботился о том, чтобы массовые организации рабочего класса сразу же после своего возникновения в боевом 1905 году пошли не по реформистскому, а по революционному, большевистскому пути, чтобы они не были «нейтральными» к историческим судьбам пролетариата, выступали его боевыми организаторами в борьбе с капитализмом.

«Российской социал-демократии, — писал Ленин в октябре 1905 года, — важно в самом начале взять верную ноту о профессиональных союзах, сразу создать традицию социал-демократического почина по этой части, социал-демократического участия, социал-демократического руководства». И эта

верная нота была взята, в большевистской партии навсегда укрепилась ленинская традиция активного участия в профсоюзном движении, традиция политического руководства этим движением. Благодаря самоотверженной борьбе передовых, сознательных рабочих-коммунистов, среди которых были и многие авторы этой книги, огромная масса объединенных в профсоюзы пролетариев шла на штурм старого мира под лозунгами большевистской партии.

Ленину принадлежит заслуга теоретического обоснования роли и задач профсоюзов как в период борьбы пролетариата против господства буржуазии, так и после завоевания им политической власти. Авторы воспоминаний не теоретики, они познавали марксизм-ленинизм, главным образом, в практике революционной борьбы.

Вспоминая о встречах с Лениным, старейшие деятели профсоюзного движения одновременно рассказывают о том, как воспринимали трудящиеся массы ленинские идеи и лозунги, как боролись за их осуществление. В этих рассказах — героика боевых и трудовых подвигов народа, живая история нашей революции. И Владимир Ильич предстает перед читателем в нерасторжимой связи с массами, в общении с людьми, в работе для людей, что составляло самую характерную, самую существенную черту вождя нашей партии и госу-

дарства. Воспоминания старого путилловца А. Е. Васильева или бывшей портнихи, а впоследствии члена президиума ЦК профсоюза швейников А. Ф. Платоновой, или одного из организаторов Московского союза пиццевиков А. Г. Носкова и других ветеранов дают читателю возможность воочию представить себе, что означало в действительности классическое ленинское определение профсоюзов как школы управления, школы хозяйствования, школы воспитания, школы коммунизма.

На профсоюзы, писал Ленин, «в первую очередь ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма». И в книге мы находим обстоятельные и правдивые рассказы о том, как рабочие организации выносили на своих плечах всю тяжесть первых лет восстановления и развития народного хозяйства, как они обеспечивали трудящихся продовольствием, топливом, как помогали Красной Армии. На призыв Ленина работать по-революционному профсоюзы откликнулись организацией коммунистических субботников. Они оказали неоценимую помощь партии и государству в создании первых советских хозяйственных органов, неустанно вовлекали рабочих в управление государственными делами.

Враги партии и государства не раз пытались столкнуть профсоюзы с того

пути, на который вывел их Ленин. Читая воспоминания ветеранов, мы становимся свидетелями острой и напряженной борьбы, которую пришлось выдержать партии, ее Центральному Комитету, чтобы отстоять и сохранить в чистоте марксистско-ленинское учение о профсоюзах, чтобы отбить атаки троцкистов, анархо-синдикалистов, правых капитулянтов. В этой борьбе Ленин проявил огромную энергию, гениальность мыслителя, партийную принципиальность и страстную непримиримость к оппортунизму.

Благодаря постоянному вниманию и поддержке партии, Центрального Комитета и лично В. И. Ленина профессиональные союзы успешно преодолели трудности начала 20-х годов и активно включились в строительство социализма.

Все, что сохранилось в памяти старых большевиков о Ленине, представляет огромную ценность. Их воспоминания дополняют новыми штрихами образ великого учителя и друга трудящихся, укрепляют наше стремление по-ленински жить и работать.

А. А. Андреев.

А. ВАСИЛЬЕВ.

Антон Ефимович Васильев. Родился в 1885 году. Потомственный рабочий-путиловец, член Коммунистической партии с 1904 года. В революционном движении начал участвовать накануне первой русской революции 1905—1907 годов. Тринадцать раз арестовывался царской полицией, подвергался репрессиям со стороны буржуазного Временного правительства. Член Петербургского комитета партии и один из активных деятелей революции в Нарвском районе. Организатор и первый председатель заводского комитета на Путиловском заводе, участник Октябрьского вооруженного восстания. В годы гражданской войны был комиссаром полка, дивизии. Затем направлен партией на ответственную хозяйственную работу. В настоящее время персональный пенсионер.

КАК УЧИЛ ЛЕНИН

Имя Ленина навсегда связано с рабочим движением, с Октябрьской революцией и строительством социализма и коммунизма. Оно близко и дорого всем трудящимся, и особенно нам, старым путиловцам, которым довелось видеть и слышать Ленина, идти на штурм старого мира рядом с ним, под его личным руководством.

Владимир Ильич хорошо знал Путиловский завод. Он познакомился с этим крупнейшим предприятием России еще в 1894 году, в начале петербургского периода своей деятельности. Тогда Ленин,

получив пропуск на завод через одного знакомого служащего из управления железных дорог, побывал почти во всех мастерских, разговаривал со многими инженерами и рабочими. Впоследствии путиловские рабочие-революционеры учились у Ленина азбуке марксизма, по его заданиям печатали и распространяли листовки, организовывали стачки и митинги, создавали большевистскую ячейку. В ходе революции Владимир Ильич не раз бывал на заводе, выступал перед рабочими, встречался с их представителями в Смольном. Все это во многом определило ведущую роль путиловцев в борьбе петроградских рабочих против царского самодержавия и буржуазного Временного правительства.

Ленин стоял у истоков и профессионального рабочего движения, в котором путиловцы также занимали важное место. Пусть первые профессиональные союзы на заводе были слабыми и часто замыкались в узкоцеховых рамках, пусть попадали под влияние меньшевиков и эсеров, но постепенно, руководствуясь идеями партии и Ленина, они обретали свое истинное лицо как боевые организации рабочего класса.

В партию большевиков я вступил в 1904 году здесь же, на Путиловском заводе, где работал и мой отец. Хорошо помню первые шаги профессиональных союзов, которые появились в период революции 1905 года. На заводе возникли союзы металлистов, деревообделочников, маляров. Для большевиков важно было использовать любую возможность для влияния на рабочих. Мне пришлось участвовать во многих конфликтах с администрацией, в организации помощи бастующим, налаживать работу типографии, подбирать лекторов для народной школы за Нарвской заставой, разрабатывать устав завод-

ской больничной кассы. Всюду мы стремились укрепить у рабочих чувство классовой солидарности.

1917 год.. Революционные события в Петрограде навсегда останутся самым ярким воспоминанием из всего прожитого и пережитого. Я находился тогда в гуще рабочей массы, встречался со многими деятелями нашей партии. Нередко сталкивался с врагами революции. С той поры прошло более полувека, и многое позабылось. Но вечно жив в памяти образ Ильича, его фигура, голос, жесты. И его речи: уверенные, страстные, убедительные. В то время Ленин постоянно был с нами: он выступал на митингах то на одном, то на другом заводе, его заметки и статьи почти ежедневно печатались в «Правде». Мы находили в них ответы на самые животрепещущие вопросы революции.

В городском комитете РСДРП мне как бывшему члену Петергофского районного комитета партии поручили создать у путиловцев заводской комитет.

Фабзавкомы — это подлинно героическая страница в истории нашего рабочего движения. В начале 1917 года они возникли на многих заводах и фабриках страны.

Необходимость этих боевых организаций пролетариата была подсказана всем ходом событий. В условиях, когда в стране царили разруха, голод, а капиталисты прибегали к саботажу, локаутам, профсоюзы, в большей части которых главенствовали меньшевики и эсеры, не в состоянии были вести решительную борьбу с буржуазией. К тому же многие из них строились по узкоцеховому принципу, способствовавшему распылению пролетариата и затруднявшему его борьбу. Фабзавкомы, создаваемые большевиками и объединявшие рабочих независимо от их партийной и профессиональной

принадлежности, взяли на себя защиту коренных интересов пролетариата.

У путиловцев завком был создан несколько позже, чем на других предприятиях. Получилось это потому, что Петергофский районный Совет рабочих и солдатских депутатов находился тогда на территории завода и частично выполнял функции завкома. Меншевицско-эсеровское руководство Совета не считало нужным создавать самостоятельный рабочий орган.

Вместе с большевиками И. Марковым, А. Богдановым, М. Войцеховским и другими старыми товарищами мне пришлось крепко повоевать с соглашателями из районного Совета. Ведь их многие поддерживали. В годы войны состав работающих на заводе здорово изменился. Значительная часть кадровых рабочих ушла на фронт, подверглась репрессиям, и появились сотни людей из семей ремесленников, мелких торговцев, укрывавшихся от мобилизации в армию. На этих «папенькиных сынков», как их презрительно называли, и опирались меньшевики, эсеры, анархисты.

Завком был избран 15 апреля 1917 года. В его состав вошли наиболее сознательные рабочие, с которыми мне пришлось иметь дело в самый ответственный период истории — подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Большинство членов завкома неуклонно отстаивало ленинскую линию в революции, проявило немалые организаторские способности.

С первых дней своего существования завком был втянут в бурлящий круговорот событий. Развертывалась невиданная в мире революция. Люди еще находились под впечатлением встречи Ленина на Финляндском вокзале, его призыва не останавли-

ваться на моллуту и осуществлять социалистическую революцию.

А вскоре, 12 мая, Владимир Ильич приехал к нам на заводской митинг. Перед ним выступал эсеровский министр Чернов. Все хлопотал о том, чтобы путиловцы давали больше пушек для фронта. Ленин говорил о другом: о мире, о земле, о соглашении меньшевиков и эсеров с капиталистами. Только захват власти рабочими и крестьянами, указывал он, сможет разрешить все неотложные вопросы нашей общественной жизни.

Рабочие восторженно приветствовали речь Ленина...

В революционной деятельности фабзавкомов и профсоюзов между февралем и октябрем 1917 года наиболее значительным мне представляется осуществление рабочего контроля над производством. Об этом и хочется рассказать подробнее.

Еще в апреле, на Петроградской конференции большевиков, Ленин призывал рабочих устанавливать контроль над производством. Буржуазия, конечно, против такого контроля, против вмешательства в свои дела. Значит, рабочие должны самочинно осуществлять самоуправление, говорил Ленин. Тем самым мы будем двигать революцию вперед.

В мае обстановка в Питере накалилась, и идея рабочего контроля приобрела особое значение. Капиталисты, почуяв силу рабочих, хозяйничали прямо-таки хищнически: не выделяли средства на восстановление производства, увольняли рабочих, портили продукцию, вздували цены. На Путиловском заводе в негодность пришли многие строения, внутренний транспорт, постоянно не хватало топлива и металла. Задолженность банкам составляла 170 миллионов рублей.

В Петрограде насчитывалось 18 тысяч безработных. Пользуясь услугами соглашателей из Временного правительства и Петроградского Совета, буржуазия пыталась «разгрузить» город от революционных рабочих, направить их в отдаленные губернии. Правительство не декретировало даже 8-часового рабочего дня, не установило твердого минимума заработной платы. В то же время Гучков, Терещенко, Шульгин и иже с ними кричали об «анархии», о «чрезмерных требованиях» рабочих. Ежедневно на предприятиях вспыхивали стачки, объявлялись локауты.

Близилась хозяйственная катастрофа. В связи с этим многие говорили о контроле, о регулировании экономики. Говорили об этом и министр труда меньшевик Скобелев, и соглашатели из Петроградского Совета, и даже кадеты. Все они возлагали надежды на государственный контроль. Создавалось немало отделов и комиссий для «регулирования» экономики, но практически они ничего не могли сделать: буржуазия не признавала вмешательства в свои дела.

Действительный контроль в промышленности могли установить только сами рабочие. И у нас для этого было достаточно сил. В майские дни 1917 года то и дело возникали новые рабочие организации: кроме союзов металлистов, деревообделочников, электриков и других крупных объединений, созданных ранее, появились союзы кочегаров, бондарей, красильщиков, табачников и других, вплоть до военных писарей и прачек. Многие из них действовали рука об руку с фабзавкомом, но все-таки были еще разрозненны. Предстояло объединить действия рабочих организаций, чтобы они единым фронтом противостояли капиталистам.

В этом деле большую роль сыграла 1-я Петроградская конференция фабзавкомов. Инициаторами

ее созыва выступили путиловцы. С помощью редакции «Правды» и городского комитета партии было создано организационное бюро, которое обратилось через газету «Правда» ко всем рабочим Петрограда с призывом повсеместно создать, где это еще не было сделано, свои комитеты, союзы и послать на конференцию представителей.

Конференция открылась 30 мая в помещении Государственной думы (Таврический дворец). На ней присутствовало 568 делегатов, представлявших около 400 тысяч питерских рабочих. В заседаниях приняли участие и работники Центрального бюро профсоюзов, представители ряда профсоюзов городских предприятий. Наша путиловская делегация была, пожалуй, самой многочисленной: от завода и судовой верфи — 7 человек.

Председательствовал на конференции Я. М. Свердлов.

Первым и основным вопросом, который обсудили делегаты, был вопрос о состоянии промышленности и контроле над производством в Петрограде. Выявились главным образом две точки зрения. Одну из них представлял Б. Авилов, сотрудник газеты «Новая жизнь». Эта газета часто выступала по вопросам экономики и рабочего движения. Среди ее сотрудников были грамотные экономисты, но они постоянно колебались между большевиками и меньшевиками. Б. Авилов выступил с речью и выдвинул свой проект резолюции. В нем верно говорилось о хозяйственной разрухе в стране и ее причинах, но отсутствовала четкая классовая позиция, не было поставлено конкретных задач перед фабрично-заводскими комитетами. Все надежды Авилов возлагал на государственный контроль при участии «широких слоев демократии», как он выражался.

На второй день заседаний в Таврический дворец приехал В. И. Ленин. Он внимательно следил за работой конференции, придавал ей большое значение и написал проект «Резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой», который был внесен от имени организационной комиссии.

Когда Владимир Ильич появился на трибуне, делегаты конференции встретили его бурными аплодисментами. В своей речи Ленин резко критиковал резолюцию Авилова. Бессмысленно, говорил он, надеяться на Временное правительство, оно ничего не сделало для осуществления контроля, а, наоборот, в конфликтах рабочих с промышленниками открыто становится на сторону последних.

«Чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, — говорил Ленин, — он должен быть *рабочим контролем*, чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями».

Делегаты от фабзавкомов отвергли полуменьшевистскую резолюцию Авилова и подавляющим большинством голосов приняли резолюцию Ленина, в которой содержалась конкретная программа действий для осуществления рабочего контроля в промышленности.

В этих целях следовало укрепить связь фабзавкомов с профсоюзами. Один из докладчиков на конференции, Д. Рязанов, пытался противопоставить завкомы профессиональному движению. Но делегаты дали ему отпор. Созданный на конференции Центральный совет фабзавкомов в дальнейшем действовал в тесном контакте с Центральным бюро профсоюзов.

Ленинская идея самочинного рабочего самоуправления в то время явилась, можно без преувеличения сказать, спасительным средством для самого существования промышленности как экономической базы грядущей диктатуры пролетариата. Только таким путем можно было оградить народное хозяйство страны от разрушительных и подрывных действий капиталистов. В то же время рабочий контроль служил делу организации пролетариата, был первой школой управления, которую прошли рабочие на подступах к социалистическим преобразованиям.

В чем он непосредственно выражался? Путиловский завод принадлежал акционерному обществу и находился в подчинении военного ведомства. Интересы рабочих прямо сталкивались с интересами крупных воротил-предпринимателей и буржуазного государства. Когда возникали столкновения, завкому приходилось иметь дело и с директором завода, и с главой правительственного правления генералом Дроздовым, и с меньшевистско-эсеровскими министрами.

Первым делом завком взял под свой контроль прием и увольнение рабочих. Генералам из правления хотелось вернуть на завод изгнанных в первые дни Февральской революции наиболее ненавистных рабочим представителей администрации. Мы не позволили это сделать. Тогда под видом сокращения заказов и нехватки импортного угля Дроздов решил уволить до 10 тысяч человек. Несомненно, уволены были бы в первую очередь революционно настроенные рабочие. Тут приходилось действовать осмотрительно. С одной стороны, завком принял меры для сохранения темпов производства. С помощью преданного товарища Александра Аршина, началь-

ника испытательной станции, было реконструировано паросиловое хозяйство, которое смогло работать на донецком угле. С другой стороны, комиссия завкома разработала специальную инструкцию: в первую очередь увольнению подлежали те рабочие, которые проработали на заводе менее трех лет и не трудились по найму на других предприятиях города. Дирекция вынуждена была признать эти правила. Около тысячи человек было рассчитано, главным образом из тех, кто пришел на завод во время войны, уклоняясь от призыва в армию.

Рабочий контроль постепенно охватывал все стороны производства. Завкому и цеховым комитетам (а в них входило более 300 человек) приходилось изыскивать топливо, проверять наличие сырья, следить за распределением оборудования. Стол заказов и стол покупок — эти два основных звена коммерческой деятельности — тоже были подотчетны завкому. Готовую продукцию отгружали только с разрешения специальной комиссии. Установлены были строгие нормы расхода топлива и электроэнергии.

Цеховым комитетам поручалось решать все текущие производственные дела. Привлекая добросовестных специалистов, они осуществляли необходимый ремонт помещений и оборудования, изыскивали инструмент, перераспределяли рабочую силу.

Лишь финансово-бухгалтерское хозяйство мы не смогли взять в свои руки: в эту святая святых предпринимателей можно было проникнуть только после окончательного поражения буржуазии, при полном переходе власти к пролетариату. Поэтому и конфликты, связанные с заработной платой, завком не всегда мог решить в пользу рабочих.

Сразу после Февральской революции дирекция завода по требованию рабочих согласилась на более

высокие расценки труда. Но ввели их только в конце апреля. Правительственное правление не хотело выполнять прежние обещания директора. Требовалось дополнительно выделить около трех миллионов рублей — раскошелиться на такую сумму у них, понятно, не было никакого желания.

В этом конфликте мы, грубо говоря, на своей шкуре испытали сущность двоевластия. Промышленники скрепя сердце вынуждены были считаться с рабочими, когда речь шла о снабжении сырьем, топливом или о других мерах, необходимых для нормальной работы завода. Но они не отступали ни на шаг, когда дело касалось их собственности, прибылей. И Временное правительство, всячески лавируя, не скупясь на обещания, послушно выполняло волю буржуазии.

Конфликт тянулся три месяца. В июне возмущение рабочих достигло предела, но генерал Дроздов не шел на уступки. Завком собирался по нескольку раз в день и наконец решил требовать нового, демократического состава правления, чтобы в нем большинство голосов, как и советовал Ленин, принадлежало рабочим. Проект выработали уже поздно ночью и, поскольку волнение среди рабочих все нарастало, решили тут же пойти с этим проектом к меньшевику Гвоздеву, товарищу министра труда. Я знал его домашний адрес (когда-то были близко знакомы), и мы отправились вдвоем с Николаем Григорьевым, членом завкома.

Гвоздев был раздражен этим ночным посещением, но выслушал наши требования, пообещал разобраться. На другой день приехал на завод, познакомился с расценками и заявил, что если директор согласен с требованиями завкома, то он будет добиваться принятия проекта в правительстве.

Но как только этот бывший представитель рабочих, подголосок министров-капиталистов, столкнулся с членами правительственного правления, он сразу же пошел на попятную. Проект был замаринован в канцеляриях Временного правительства. Мы вроде бы потерпели неудачу, но путиловцы получили еще один наглядный урок классовой борьбы, еще раз убедились в непримиримости интересов буржуазии и пролетариата, в предательстве меньшевистско-эсеровских министров.

С генералом Дроздовым нам пришлось столкнуться еще не раз. К осени 1917 года разруха в стране достигла небывалых размеров, завод постоянно лихорадило из-за нехватки топлива и металла. Дважды я ездил по поручению завкома в Донбасс, чтобы приобрести уголь. Но горнопромышленники Юга, как и всюду, меньше всего заботились об увеличении добычи топлива, шахты были полуразрушены. А финансовые тузы из правления завода не давали достаточно денег для покупки угля. Кроме того, правление под предлогом открытия новых заводов пыталось вывезти часть оборудования. Мы потребовали от Дроздова представить заявки, транспортные накладные на вывоз станков, и лишь после тщательной проверки документов некоторые машины были отправлены с завода.

Решительные действия рабочих, все более строгий контроль за деятельностью администрации обеспечили бесперебойную работу Путиловского завода, выполнение военных заказов. А эти заказы были нужны уже не столько старой царской армии для продолжения братоубийственной войны, сколько рождающейся революционной армии рабочих и крестьян для предстоящей схватки с буржуазией. Если путиловцы бесперебойно поставляли вооруже-

ние Красной гвардии, а потом Красной Армии, то в этом решающую роль сыграл рабочий контроль. Он позволил сохранить кадры рабочих, предотвратил расхищение заводского имущества, обеспечил безостановочную подачу энергии. Без этого немислим был выпуск сложной по тем временам техники.

Нельзя забывать, что рабочие завода и все население за Нарвской заставой были далеко не однородны. Как я уже говорил, многие из них шли за меньшевиками и эсерами, немало было и темных, анархистских элементов. В каждый напряженный момент, когда недовольство рабочих политикой Временного правительства вспыхивало с новой силой на почве безработицы и голода, эти люди поднимали голову, устраивали погромы, провоцировали других на грабежи продовольственных лавок, винных погребов. Завком делал все от него зависящее, чтобы помешать разгулу темных сил. Он старался также не допускать мелких, единичных выступлений, удерживал людей от необдуманных действий. Не всегда, однако, это удавалось.

После неудачи с выплатой задолженности рабочим по новым расценкам группа эсеров, недовольных политикой завкома, настроила рабочих шрапнельной мастерской против меня как председателя. «Давай, — кричат, — Васильева! Пусть расскажет, как с генералами сторговался».

Пошел я в мастерскую. Возбужденные рабочие посадили меня на кучу бракованной шрапнели и устроили нечто вроде суда. «В канаву его!» — раздались голоса.

Вижу, дело серьезное. Встал, начал объяснять суть конфликта с правлением, с Гвоздевым. Тут подошли другие члены завкома. Вместе стали спорить, фактами доказали рабочим предательство эсеров в

революции. Постепенно шрапнельщики остыли, поняли, на чьей стороне правда.

В таких случаях большую роль играли ленинские лозунги — о войне и мире, о земле, о власти. Они отвечали сокровенным чаяниям рабочих. Знакомаясь с этими лозунгами, люди находили в них ответы на самые жгучие вопросы жизни, задумываясь над своими действиями, все больше склоняясь к политике большевиков.

Накануне Октября Путиловский завод уже был надежной крепостью большевистской партии. Его рабочие, особенно революционно настроенная молодежь, составили костяк Красной гвардии и в ее рядах приняли самое боевое участие в вооруженном восстании. К моменту свержения Временного правительства в рядах Красной гвардии насчитывалось 1500—2000 путиловцев.

Вооружение рабочих и обучение их военному делу тоже было кровным делом заводского и цеховых комитетов. Непосредственно им руководил член завкома М. Войцеховский. Были взяты на учет все винтовки, которых на заводе и судовой верфи насчитывалось свыше 2 тысяч. Во время борьбы с корниловщиной мы воспользовались растерянностью Временного правительства и захватили из арсенала еще несколько грузовиков с оружием. Учиться военному делу надо было всерьез, как требовал Ленин. Мы назначили инструкторов из рабочих, бывших в армии, и солдат революционных полков. Под их руководством красногвардейцы изучали тактику боя, приобрели навыки владения оружием.

Но учиться пришлось не столько на стрельбище, сколько в прямых вооруженных схватках с силами реакции. Путиловские красногвардейцы, как один, поднялись на защиту Питера от корниловцев. За

трое суток артиллерийские мастерские выпустили сотню орудий, и все они были переданы красногвардейцам и солдатам революционных полков, главным образом Тарутинского и Павловского. Раньше для выпуска такого количества орудий требовалось не три дня, а две-три недели.

И наконец наступили исторические Октябрьские дни. Путиловцы выделили в распоряжение Военно-революционного комитета 12 хорошо вооруженных рабочих отрядов. Они были направлены для захвата мостов через Неву, на Марсово поле, охраняли подступы к восставшему городу со стороны Петергофского шоссе.

При участии Н. И. Подвойского за Нарвской заставой был создан районный революционный центр. В него вошли Т. Барановский, Ф. Лемешев, С. Корчагин, И. Гиль, партийный организатор района С. Косиор, комиссар милиции И. Газа и другие наши товарищи. Я тоже был избран в состав революционного центра. Мы выполняли все оперативные указания Петроградского военно-революционного комитета, направляли по его требованию новые отряды красногвардейцев, вооружение, боеприпасы. Путиловцы вместе с другими революционными частями громили юнкеров у Варшавского вокзала, у телефонной станции, у гостиницы «Астория», на площади у Мариинского дворца. Ленин высоко ценил революционную закалку и боевую выучку наших рабочих. Член Военно-революционного комитета Г. И. Чудновский накануне свержения Временного правительства передал нам личную просьбу Владимира Ильича поставить путиловцев на решающие направления штурма.

И красногвардейцы с честью оправдали доверие партии и Ленина, смело и решительно дрались за

власть Советов всюду, куда их направлял Военно-революционный комитет. При взятии Зимнего дворца особенно отличился отряд путиловцев под командой Григория Самодеда.

В ночь с 28 на 29 октября завод, как обычно, работал. Особенно напряженно трудились рабочие пушечной мастерской: под Гатчиной и Пулковом шли ожесточенные бои с бандами Краснова и Керенского, революционным частям непрерывно требовались орудия и боеприпасы. В то же время в паровозоборочной заканчивалось оборудование бронепоезда, который затем прямо из цеха двинулся на передовые позиции.

В ту ночь и приехал на завод Владимир Ильич. Его встретили дежурные — от завкома Петр Данилов и от райкома партии Иван Огородников, угостили чаем. Ленин спрашивал, сколько выпущено пушек и снарядов, сколько еще могут дать путиловцы в ближайшие дни, скоро ли будет готов бронепоезд, много ли красногвардейцев послал завод на подавление контрреволюции, как они вооружены, какое настроение у рабочих. Члены завкома подробно рассказали ему о положении дел, заверили, что путиловцы не подведут. Не заходя в цехи, Владимир Ильич уехал.

С этих незабываемых дней началась новая история Путиловского завода. В мастерских день и ночь не прекращалось производство вооружения, все новые и новые отряды красногвардейцев уходили на фронт. Вместе с тем перед рабочими во весь рост встала новая задача — организовать управление предприятием собственными силами.

Сразу же после образования Советского правительства было опубликовано Положение о рабочем контроле, проект которого написал Ленин. Всюду,

где было возможно, — в докладах, статьях, беседах — он разъяснял задачи рабочих организаций в новых условиях.

Могут ли рабочие сами управлять производством? Капиталисты категорически отрицают такую возможность, говорил Владимир Ильич. Они считают, что сам бог дал им право быть хозяевами, устанавливать свои порядки. И если посягнуть на это право, изменить эти порядки, то в стране возникнет хаос.

Ставленники буржуазии на заводе — многие администраторы, инженеры, мастера — делали все возможное, чтобы создать этот хаос и тем самым доказать неспособность рабочих быть хозяевами предприятия. Чуть ли не ежедневно приходилось мне и всем членам завкома сталкиваться с такими людьми, выслушивать их презрительные замечания по поводу рабочего самоуправления. И не только выслушивать, но и вскрывать прямой саботаж. Не будь выдержки, послал бы их к чертовой матери, выгнал бы с завода. Но нельзя было, предстояло объяснять, требовать, заставлять, доказывать.

После национализации завода было создано смешанное правление, в котором хотя и оставался еще генерал Дроздов, но большинство членов составляли уже инженеры и рабочие. Директор завода Щегольков, образованный и толковый инженер, хорошо знал производство, но руководить не смог: его запугали саботажники. По решению завкома обязанности директора пришлось исполнять мне.

Страшновато, конечно, было брать на себя такую ответственность. Но помогли товарищи: ободрили, выделили хороших помощников. Азам хозяйственной науки учили меня инженер Серебровский и техник Кирсанов, преданные революции

специалисты. Многое постигал и своей головой, а главное — классовым чутьем.

В практической работе по управлению производством пришлось убедиться, насколько прав был Ленин, когда утверждал, что среди русских пролетариев — масса талантливых организаторов, способности которых мял и душил капитализм. Коллективным руководителем предприятия по-прежнему был завком, особенно его большевистская фракция — Анатолий Богданов, Петр Данилов, Иван Марков, Николай Григорьев, Михаил Розенштейн и другие товарищи. Масса рабочих и специалистов трудилась в цеховых комитетах, в отраслевых комиссиях завкома: производственной, топливной, конфликтной, тарифно-расценочной, продовольственной, военной, культурно-просветительной и т. д.

Разметчик из котельной Андрей Иванов возглавил продовольственную комиссию. Она тогда называлась закупочной, потому что главной ее заботой была закупка продуктов в деревне и распределение их между рабочими. Члены этой комиссии проявили настоящий героизм в деле снабжения рабочих. Трудно даже предположить, чем бы кормился многотысячный коллектив путиловцев без их помощи. Весной 1918 года Андрей Иванов был на приеме у Ленина, рассказывал ему о голоде в Питере, о состоянии завода. А через несколько дней Владимир Ильич говорил об этом в своем письме «О голоде» к питерским рабочим, опубликованном в «Правде». Он призывал их объявить «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, взяточников, призывал взять в свои руки сбор, подвоз и распределение хлеба. После этого письма мы провозжали в деревню первые продовольственные отряды.

Бок о бок с нашей закупочной комиссией работала продовольственная коллегия Нарвского района, которой руководил рабочий пушечной мастерской Сергеев. Студент Богачев, проходивший на заводе практику, осуществлял национализацию мелких торговых предприятий, конфисковывал излишки продуктов, товаров у купцов и лавочников.

Путиловцы вошли почти во все только что созданные органы местного самоуправления. Большевик Тарасов организовал первую биржу труда за Нарвской заставой, рабочий шрапнельной мастерской Алексей Петровский возглавил районный комиссариат по жилищным делам, рабочий вагонной мастерской Иван Травников — комиссариат медицины и санитарии, разметчик судоверфи Степан Афанасьев — комиссариат культуры и просвещения. Многие путиловцы стали чекистами. Все они вместе со своими товарищами впервые в истории на практике осуществляли диктатуру пролетариата — решали массу больших и малых дел.

Даже первыми судьями Нарвского района были путиловцы — Федор Лемешев и Василий Алексеев. В том же, 1918 году инженер химической лаборатории Ц. Рабинович создал на заводе первую школу рабочей молодежи, а музыкант Мариинского театра Михаил Плотников при активной поддержке В. И. Ленина — первую детскую художественную студию.

Когда по вине Троцкого были сорваны мирные переговоры с немцами, Ленин вновь запросил у путиловцев данные о выпуске вооружения. Мне предстояло идти с докладом в Смольный, к председателю Совнаркома.

Я не видел Владимира Ильича с 12 мая, с того дня, когда он приезжал на заводской митинг. Вроде

и недавно это было, а сколько событий произошло за эти месяцы! Революция победила, Ленин во главе рабоче-крестьянского правительства, и я, простой рабочий, иду к нему на прием. Как же было не волноваться, не радоваться!

В Смольном — масса народу. Часовой наколол на штык мой пропуск и объяснил, куда пройти. Владимир Ильич встретил очень приветливо:

— Если не ошибаюсь — товарищ Васильев с Путиловского?

— Он самый, Владимир Ильич. — Я крепко пожал руку Ленину и передал ему справку о выпуске вооружения.

Владимир Ильич внимательно прочитал документ и спросил, есть ли возможность увеличить производство пушек. Возможность, конечно, была, но я рассказал Ленину и о тех трудностях, с которыми сталкиваются рабочие. Он поинтересовался, как рабочая часть нашего правления ладит с буржуазными специалистами, и, узнав, что у нас часто происходят стычки, заметил:

— Это закономерно, товарищ Васильев. Но вам надо бережно обращаться с честными спецами, которые хотят отдать свои знания новому государству.

Мы понимали, конечно, что управление таким крупным заводом, как Путиловский, и управление вообще немислимо без технических специалистов. Но Ленин уточнил эту задачу, подсказал решение, вселил уверенность. И завкому удалось привлечь к деловому сотрудничеству многих инженеров и техников. Производственную комиссию завкома возглавлял инженер Лапницкий, активно восстанавливали производство начальник артиллерийской технической конторы Франц Лендер, конструктор Шукалов, механики Ткаченко и Елизаров, началь-

ник паросилового цеха Александр Аршин, инженеры Сергей Гранин, Иван Голеевский и многие другие. Инженер И. Тугаринов по нашему предложению был назначен директором завода. Располагая техническими кадрами, коллектив завода смог в короткий срок наладить массовое производство не только пушек и снарядов для Красной Армии, но и бронепоездов, броневиков, артиллерийских установок на автомобилях.

Ленин призывал рабочий класс держать тесную связь с крестьянством, помогать ему в строительстве новой жизни. И путиловцы откликнулись на этот призыв еще задолго до того, как начали выпускать тракторы.

В районном Совете и на заводе частенько бывали ходоки из деревень. Мы выделяли для них отходы металла, инструмент, кое-какой инвентарь. А когда путиловцы создали продотряды и сами побывали в деревне, они стали на месте помогать крестьянам: создавали комбеды, большевистские ячейки, сельскохозяйственные коммуны.

Модельщики Иван Левин, Василий Демидов и Надежда Смолина организовали группу рабочих и поехали в Саратовскую губернию. Там они вместе с деревенской беднотой создали Балашовскую коммуну. Впоследствии к ним примкнул, выполнив свою задачу, путиловский продотряд Михаила Саморокова, и по соседству, в бывшем помещичьем имении, образовался совхоз. Через несколько месяцев, ликвидировав сопротивление кулачества, рабочие передали хозяйства местным властям и вернулись в Питер.

Всем путиловцам памятна история возрождения завода «Сельский работник» на берегу Иртыша. Группа наших рабочих по совету начпрода Петро-

града А. Е. Бадаева отправилась в Омскую область. Мы выделили для подшефных станки, инструмент, металл. Там, в Сибири, на небольшом предприятии рабочие наладили выпуск и ремонт сельскохозяйственных машин. Завод оказал немалую поддержку местному крестьянству.

Вплоть до 1919 года, когда петроградское объединение тяжелой промышленности («Петротяж») утвердило Положение о правах и обязанностях директора предприятия, наш завод практически руководил Путиловским заводом.

Фабзавкомы, состоявшие в основном из большевиков, сыграли свою роль в революции как боевые организаторы пролетариата, как первые проводники рабочего контроля и рабочего самоуправления. В дальнейшем они слились с профсоюзами, стали их низовыми ячейками на предприятиях.

Рабочее самоуправление на предприятиях было, конечно, временной мерой, вызванной сложными обстоятельствами революционного переворота. В дальнейшем, по мере создания экономических органов диктатуры пролетариата, управление производством все более сосредоточивалось в руках государства.

С 1918 года мне пришлось работать в первых советских хозяйственных органах — Совете военной промышленности, Государственном объединении машиностроительных заводов, Петроградском губернском экономическом совещании. С Путиловским заводом, однако, связи не порывал. Его рабочие организации — заводом и профсоюзы, особенно многочисленный союз металлистов, создавали первые хозяйственные органы Северного района — совнархоз, его отраслевые секции, главк, посылали туда своих лучших представителей.

Профсоюзы и фабзавкомы помогали хозяйственникам снабжать предприятия сырьем и топливом, находили производственные заказы, денежные средства. Большую работу они проделали по укреплению трудовой дисциплины, преодолению местнических настроений, разрабатывали первые правила внутреннего распорядка. Петроградские металлисты проявили в то время еще одну важную инициативу — решили перейти от учета и контроля к планированию производства. Первые планы на несколько месяцев 1918 года были разработаны для крупнейших заводов Петрограда — Путиловского, Обуховского, Ижорского и других.

Профсоюзы приступали к выполнению своей главной роли — становились для рабочих массовой школой управления, школой хозяйствования, школой воспитания, как и учил их Ленин.

А. БАБИЦЫН.

Алексей Александрович Бабицын. Родился в 1891 году в семье рабочего-стекольщика Тверской губернии. В революционном движении начал участвовать с 1908 года, подвергался арестам и высылкам. В большевистскую партию вступил в 1915 году, будучи рабочим петроградского завода «Новый Парвайнен». Один из активистов подпольного Выборгского райкома РСДРП(б). После Февральской революции был избран председателем завкома завода «Новый Парвайнен», принимал участие в деятельности Петроградского союза металлистов. В Октябрьские дни 1917 года с оружием в руках боролся за установление власти Советов. После революции находился на профсоюзной, партийной и советской работе. Ныне персональный пенсионер.

НА НОВЫХ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ

На первом учредительном съезде профсоюза металлистов меня избрали кандидатом в члены ЦК союза, а вскоре выдвинули на ответственную работу в аппарат ЦК. Это было начало 1918 года — период «красногвардейской атаки на капитал», как называл его Ленин. ЦК союза в то время был целиком поглощен вопросами преодоления хозяйственной разрухи, национализации промышленности, взаимоотношений рабочих с предпринимателями, ко-

торые еще оставались на многих заводах, созданием новых хозяйственных органов.

В это время профсоюзы руководствовались ленинской программой экономических преобразований, которая учитывала всю сложность момента. Как известно, Ленин считал необходимым передать в собственность государства прежде всего наиболее развитые отрасли промышленности и транспорта, где сильнее была концентрация производства, выше уровень синдицирования, что являлось залогом их нормальной деятельности в новых условиях государственного управления. К числу таких важнейших отраслей относилась металлургическая и машиностроительная промышленность.

Ленин не был сторонником немедленной экспроприации имущества всех владельцев фабрик и заводов. Для начала перехода к социализму он считал достаточным лишить собственности на средства производства несколько сот, самое большее одну-две тысячи, капиталистов. «Даже и у этой горстки богачей не нужно отнимать *«все»* их имущественные права, можно оставить им и собственность на многие предметы потребления, и собственность на известный, скромный доход». Такая политика в значительной мере была направлена на нейтрализацию большинства капиталистов, которые сознательно дезорганизовывали производство, саботировали, портили *«всё и вся»*, не считались с требованиями рабочего контроля.

Именно такое положение создалось в группе крупнейших машиностроительных заводов «Сормово — Коломна». Их владельцы во главе с директором-распорядителем князем Мещерским всеми мерами старались сохранить свои привилегии и в то же время хозяйничали грабительно, варварски,

поставив производство на грань катастрофы. Не желая расставаться с прибылями, заводчики пошли на такой маневр — выдвинули и разрекламировали проект создания крупного государственно-капиталистического треста. Предполагалось, что этот трест объединит не только ряд машиностроительных заводов, но и некоторые судостроительные заводы, шахты, металлургические базы Юга и Урала. Причем государству должна была принадлежать лишь одна треть основного капитала. Проект был внесен на рассмотрение Высшего Совета Народного Хозяйства.

Вопрос не был таким ясным, как может представиться сейчас. Ленин считал, что государственный капитализм в тот период мог стать одним из средств преодоления разрухи и развития производительных сил. Нам важно было тогда использовать каждую возможность для мирной сделки с буржуазией, для привлечения ее административно-технического аппарата на свою сторону. Поэтому вопрос был вынесен на обсуждение специального совещания в ВСНХ с участием представителей ВЦСПС и ЦК союза металлистов. Мне и тов. Луцку, тоже работнику аппарата ЦК, поручили подготовиться к совещанию.

Это совещание, на котором мне довелось присутствовать вместе с членами ЦК союза металлистов В. Ф. Обориным, Г. Д. Вейнбергом, А. К. Гастевым, А. З. Гольцманом, проходило в Кремле 11 апреля 1918 года. Около 10 часов утра нас пригласили в зал заседаний, где за председательским столом сидел Рыков. Только мы расселись, как вошел Владимир Ильич. Он поздоровался и сел на стул возле окна, достав блокнот и карандаш. Рыков предложил было ему занять председательское место, но Ленин сделал жест рукой: «Продолжайте, продолжайте».

Будучи еще ранее председателем завкома на петроградском заводе «Новый Парвайнен», в 1917 году я несколько раз видел Ленина и слушал его выступления. Насколько помнится, последний раз это было в здании Морского кадетского корпуса, где он выступал с докладом об итогах Апрельской конференции. Прошел почти год, и вот я вижу Ленина здесь, в Кремле, на посту председателя Совнаркома. Предстоящий разговор и волновал, и радовал.

Открывая заседание, Рыков сообщил о содержании упомянутого проекта создания акционерного общества «Сормово — Коломна» и предложил собравшимся высказаться по этому поводу.

Первым взял слово представитель ВСНХ. Он заявил, что правления Сормовского, Коломенского и других заводов этой группы не принимают мер для восстановления производства, а потому целесообразно передать предприятия государству.

С возражением выступил тов. Гольцман. По его мнению, проект Мещерского и К^о следовало принять, так как организация крупных трестов на паритетных началах между государством и частными владельцами является, как он выразился, необходимым и неизбежным этапом развития нашей промышленности.

Гастев также высказался за создание акционерного общества, правда на иных условиях, чем те, которые были выдвинуты промышленниками. Главным доводом против национализации он выставлял нехватку технических и хозяйственных работников для управления крупными заводами тяжелой промышленности.

— А как относятся рабочие к национализации предприятий? — спросил Владимир Ильич, обращаясь к нам.

Тов. Вейнберг, член президиума ЦК союза, ответил, что большинство членов завкомов и контрольно-хозяйственных комиссий профсоюзов не доверяет нынешнему составу заводууправлений. Владельцы и служащие сознательно тормозят налаживание производства, ничего не предпринимают для заготовки топлива и сырья, не заботятся о снабжении рабочих продовольствием. Завкомы и профсоюзы требуют привлечь виновников к строгой ответственности, предлагают национализировать заводы и обещают принять все необходимые меры для восстановления производства и укрепления трудовой дисциплины.

Эта информация была верной. ЦК союза металлистов к тому времени располагал многими документами, свидетельствовавшими о резком недовольстве рабочих поведением старой администрации. Правление Коломенского завода, например, утвердило о нехватке металла, а в действительности (как выяснили члены завкома) вывозило с завода сталь и чугун под видом готовой продукции. Контрольно-хозяйственная комиссия Сормовского завода, дабы не допустить остановки предприятия из-за саботажа служащих, приняла меры для снабжения металлом: самостоятельно рабочие закупили 1 миллион тонн чугуна.

Когда появился проект Мещерского, на Коломенском заводе представители союза металлистов совместно с депутатами местного Совета 26 февраля 1918 года созвали объединенное собрание заводских организаций. Оно признало, что деятельность заводууправления направлена во вред интересам рабочего класса, в ущерб производству и постановило «немедленно возбудить ходатайство перед всеми центральными организациями и Советом Народных Комиссаров об изъятии Коломенского завода из

рук акционерного общества и передаче его в достояние Российской республики».

...Во время выступлений участников совещания Ленин часто наклонялся, делая записи в блокноте. Информацию тов. Вейнберга о настроении рабочих он выслушал внимательно, после чего сам попросил слова. Все ждали с напряженным вниманием: что же скажет Владимир Ильич?

Он решительно высказался против проекта группы капиталистов во главе с Мещерским и настаивал на полной национализации предприятий Сормо-во и Коломны. Ленин говорил о том, какие капиталистические группы стоят за спиной авторов проекта и почему они будут сопротивляться восстановлению нашей тяжелой промышленности. Чтобы национализация прошла успешно, считал он, профсоюзы и работники ВСНХ должны организовать передовую часть рабочих и с их помощью сломить саботаж предпринимателей, привлечь на свою сторону честных и добросовестных служащих и спецов.

Выступление Ленина было очень кратким — ни одного лишнего слова. В газетном отчете оно заняло всего пять строк. Тем не менее вывод был, безусловно, убедительным, не оставлял сомнений в необходимости национализировать заводы. По всему чувствовалось, что, высказывая такое мнение, Владимир Ильич учитывал прежде всего интересы государства, пролетариата и глубоко верил в способность рабочих тех заводов, о которых шла речь, своими силами преодолеть разруху, двинуть вперед важнейшую отрасль промышленности.

Это совещание произвело на нас большое впечатление. Выходя из Кремля с тов. Луцукон, мы обменивались мыслями. Простота, деловитость, прин-

ципиальный и всесторонний подход к обсуждаемому вопросу — вот что выдвигалось на первый план в ленинском стиле руководства. Для нас, молодых в то время работников, это была настоящая школа.

После совещания в Кремле вопрос о дальнейшей судьбе заводов «Сормово — Коломна» обсуждался в профсоюзных организациях. Противники национализации не сложили своего оружия, а такие противники были, как я уже говорил, не только среди буржуазии и ее приспешников, но и в профсоюзных, хозяйственных органах.

Рабочие организации на местах заняли твердую позицию. Например, завком Сормовского завода, обсудив 17 апреля отчет своей делегации, ездившей в Москву, постановил: «...Протестовать всеми силами против проекта г. Мещерского о трестировании заводов; отстранить г. Мещерского немедленно от управления заводами и, если потребуется, привлечь всю компанию к законной ответственности; добиваться у Высшего Совета Народного Хозяйства национализации Сормовских, Коломенских, Кулебакских и других с ними связанных заводов. Национализация должна произойти в организованном порядке, дабы безболезненно отразилась таковая в центре и на местах».

Ленинскую точку зрения отстаивало и большинство делегатов I съезда профсоюза металлистов Московской области, куда входили в то время почти все заводы указанной группы. Съезд открылся 19 апреля, он представлял 28 союзов, в том числе крупнейшие: Брянский, Сормовский, Кулебакский, Выксунский, Коломенский, Тульский. Докладчик тов. Вейнберг сообщил, что переговоры ВСНХ с группой промышленников прерваны: ВСНХ настаивает на национализации заводов, а промышленники

по-прежнему требуют образования крупной акционерной компании.

Будучи содокладчиком, член президиума ЦК союза тов. Гольцман, как и на совещании в Кремле, опять стал приводить доводы в пользу создания треста капиталистов. Настаивая на своем предложении, он в заключение заявил: если мы не откроем ворота этому тресту, он сам их сломает и войдет на германских штыках.

Это уже была наполовину угроза, наполовину капитуляция перед буржуазией. Но делегаты съезда не дали себя запугать. Выступившие в прениях представители рабочих отвергли капитулянтские рассуждения и предложили объединить машиностроительные заводы на новых, социалистических началах. Мы должны были создавать объединение в существующих тогда границах республики, так как некоторые металлургические заводы и шахты Юга были временно оккупированы германскими войсками и немцы, конечно, ни в коем случае не пошли бы на вывоз металла и угля для Советской России.

После горячих прений съезд большинством голосов принял следующую резолюцию: «Московский областной съезд союза металлистов... заявляет, что национализация названных предприятий является необходимым залогом развития и укрепления новых начал в строительстве экономической жизни страны и единственным условием обеспечения интересов рабочего класса и государства.

Вместе с тем съезд высказывается за то, чтобы президиум ВСНХ столь важные вопросы хозяйственной жизни страны решал не самостоятельно, а через свое пленарное заседание и в самом тесном контакте с рабочими организациями».

Резолюция в поддержку акционерного общества, предложенная тов. Гольцманом, получила 1 голос.

Но на этом не закончилась борьба с противниками национализации машиностроительных заводов. Гольцман и некоторые другие работники профсоюза продолжали в печати и на собраниях доказывать неспособность пролетариев самостоятельно, без капиталистов, вести производство. Но, поддержанные Лениным, рабочие все настойчивее требовали практических мер обобществления промышленности. Уже в начале мая 1918 года в Москве состоялась конференция представителей национализируемых крупных машиностроительных и металлургических заводов, которая детальнее рассмотрела будущие формы организации предприятий и управления ими, их ближайшие возможности увеличения выпуска продукции.

На конференции опять раздался голоса за частное предпринимательство. На этот раз выступили представители ВАИ — Всероссийской ассоциации инженеров во главе с профессором Гриневецким.

Однако делегаты заводов отвергли их домогательства. Представители брянских и уральских заводов (часть из них к тому времени уже перешла в собственность государства) убедительно, на примерах показали, что техническая интеллигенция в условиях национализированной промышленности получает больше возможностей для плодотворной работы, чем на капиталистических предприятиях. Освобождаясь от тех спецов, которые злорадствуют по поводу рабочего самоуправления и саботируют, завкомы и профсоюзы вместе с тем ценят и поддерживают добросовестных инженеров, выдвигают их на руководящие посты в хозяйственных органах.

За работой конференции представителей национализируемых предприятий внимательно следил В. И. Ленин. Избранная на конференции рабочая делегация была принята Владимиром Ильичем. Он выслушал ее информацию, ознакомился с резолюцией и обратился с письмом к конференции, которое было зачитано 18 мая на утреннем заседании.

«Выслушав сообщение товарищей, избранных рабочей делегацией на конференции крупнейших металлообрабатывающих заводов, — писал Ленин, — и имея в виду резолюцию конференции, я могу сказать, что в Совете Народных Комиссаров, наверно, по моему мнению, будет единодушие в пользу немедленной национализации, если конференция со всей энергией возьмется за обеспечение планомерной, стройной организованности работ и повышение их производительности».

Участники конференции встретили это письмо Ильича бурными аплодисментами.

18 июня 1918 года президиум ВСНХ принял решение о национализации акционерных обществ Сормовского, Коломенского (с Кулебакским), Ташиинского, Белорецких заводов. На этой базе, подготовленной капиталистической монополией, было создано Государственное объединение машиностроительных заводов — ГОМЗ. Союзу металлистов, бесспорно, принадлежала ведущая роль в организации и налаживании работы этого одного из первых социалистических трестов. При активной поддержке Ленина, вдохновленные его идеями, работники профсоюза и все рабочие-металлисты начали восстанавливать и развивать промышленность на новых, социалистических началах.

А. МЕДВЕДКОВ.

Александр Ефремович Медведков. Родился в 1892 году. Бывший рабочий-обузовец, член Коммунистической партии с 1912 года, активный деятель профсоюзного движения. Прошел славный путь от члена стачечного комитета в 1908 году до председателя ревизионной комиссии ВЦСПС. Участник Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны. После Октября находился на ответственной хозяйственной и профсоюзной работе, в частности был председателем совета профсоюзов Магнитогорска в 1931 году, закладывал фундамент социалистической индустрии. Работал в ЦК профсоюзов железнодорожников и работников коммунального хозяйства. Ныне персональный пенсионер.

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

Впервые я услышал о Ленине в 1908 году. Было это в Баку, в Баиловской тюрьме, куда я попал шестнадцатилетним парнем за участие в политической стачке. В поисках заработка я приехал в Баку из Питера и устроился кочегаром на нефтеналивную шхуну. Возили мы через Каспий нефть, за гроши гнули спину на благо Нобелей, Асадуллаевых и прочих воротил. В команде было несколько сознательных матросов, социал-демократов, и они мне дали первые уроки политической грамоты, привлекли в члены союза каспийских моряков, который в то время существовал легально.

Весной 1908 года в Баку развернулось мощное стачечное движение. Из истории нам теперь известно, что в тот период разгула реакции бакинские стачечники занимали особое место в борьбе русского пролетариата. Владимир Ильич тогда назвал их последними могиканами массовой политической стачки! Они завершали первую русскую революцию.

Стачечный комитет появился и у нас на судне. Несмотря на малый опыт и возраст, меня тоже выдвинули в состав комитета и даже поручили выступить на митинге. Забастовали тогда команды всех судов наливного флота. Власти были настолько напуганы, что мы открыто собирались в губернаторском саду, на пабережной, обсуждали свои требования. Был создан единый стачечный фонд, в духах и чайных бастующие получали еду.

Потом, когда полиция взяла верх, мы отправились на митинг в окрестные горы. Там я увидел А. Джапаридзе, С. Шаумяна и других революционеров-ленинцев. Митинг разогнала горская сотня, и весь наш стачечный комитет был арестован. Некоторых рабочих, находившихся и ранее на подозрении, посадили в тюрьму; других, в том числе и меня, выслали из Баку. Здесь, в предварительном заключении, я уже подробнее узнал от большевиков об учении Маркса, Ленина, о задачах пролетариата в революции. Товарищи сообщили мне явки в марксистские кружки.

Во время Февральской и Октябрьской революций я находился уже в Петрограде, при Советской власти работал в Тамбове, Магнитогорске, в Москве. Но горжусь тем, что к революционному рабочему движению приобщился в рядах славного бакинского пролетариата. Союз каспийских моряков дал мне

хорошую закалку для дальнейшей профсоюзной работы, которой я посвятил всю мою жизнь.

Героический 1917 год для меня неразрывно связан с известным всей стране Обуховским заводом. В составе рабочих дружин мне довелось участвовать в свержении прогнившего царского самодержавия. Мы громили полицейские участки, арестовывали царских чиновников, создавали первые демократические организации. От шрапнельного цеха я был избран членом заводского комитета. Хорошо помню, с каким ехидством начальник заводоуправления генерал-майор Чарбо спросил нас, членов завкома, поставивших перед ним вопрос о рабочем контроле:

— Ну-с, с чего мы начнем?

Обстановка на заводе после Февраля была сложная. Среди 18 тысяч рабочих и служащих насчитывалось до 700 эсеров, около 400 меньшевиков. А нас, большевиков, в то время на пальцах можно было пересчитать: А. Слуцкий, Г. Чижов, П. Телятников, А. Антонов, А. Гундоров, Н. Капранов, Н. Обухов, В. Егоров, Н. Потемкин и еще несколько человек. Трудно было в таких условиях высвободить рабочих из-под эсеров-меньшевицкого влияния. Бывало, нас называли «германскими шпионами», грозили повесить. После июльских событий мне пришлось даже временно покинуть завод, чтобы избежать расправы.

Но Ленин, партия твердо верили, что под воздействием большевистской пропаганды и на собственном опыте массы убедятся в предательстве буржуазии и ее эсеров-меньшевицких прихвостней, пойдут за большевиками.

Мне посчастливилось несколько раз в то время видеть Ленина и слушать его выступления. Впер-

вые это было 3 апреля 1917 года на площади у Финляндского вокзала, куда мы пришли большой группой обуховских рабочих. Страстная речь Ленина с броневика воодушевила всех нас на решительную борьбу за победу социалистической революции.

Запомнились также выступления Владимира Ильича на заседаниях Петроградской общегородской конференции РСДРП 14 и 15 апреля, на первомайской демонстрации на Марсовом поле, в помещении Морского кадетского корпуса 8 мая. Слушая Ленина, мы глубже понимали суть происходящих событий, находили ответы на многие сложные вопросы политической и экономической жизни. С таким «багажом» легче было разъяснять обстановку рабочим.

В мае Ленин выступал с речью на нашем Обуховском заводе, в башенной мастерской. Засилье заводских эсеров и меньшевиков проявилось и на этом митинге. Как ни старались мы, большевики, призвать к порядку распоясавшихся демагогов, они все-таки мешали Ленину говорить: свистели, улюлюкали, перебивали его речь выкриками. Дошло до того, что открылись ворота мастерской и через них стали подавать маневровый паровоз. Это была явная провокация с целью сорвать выступление Ленина. Мы бросились к машинисту и заставили его немедленно дать задний ход.

Несмотря на все это, Ленин не прервал своего выступления перед рабочими. Он говорил об отношении к Временному правительству, о предательстве эсеро-меньшевистских министров, о необходимости установить рабочий контроль. Под конец Владимир Ильич сказал:

— Не смущайтесь, товарищи, засильем эсеров и меньшевиков на заводе. Оно не вечно. История

работает на нас, большевиков. Если вы не будете сидеть сложа руки, а будете бороться, Обуховский завод станет большевистским. Вы должны разрушить эсеро-меньшевистскую цитадель и превратить Обуховский завод в надежный бастион революции. Это дело вашей чести. Не может быть, чтобы обуховцы изменили своим революционным традициям...

Это были пророческие слова. После выступления Ленина большевики-обуховцы стали действовать активнее, напористее. Изо дня в день мы разоблачали соглашательские, оборонческие настроения, на фактах доказывали рабочим губительность эсеро-меньшевистской политики для революции. Несмотря на то что завод то и дело посещали лидеры эсеров и меньшевиков — Скобелев, Чернов, Церетели, Чхеидзе (приезжали даже Керенский и «бабушка» русских эсеров — Брешко-Брешковская), несмотря на их старания, большинство рабочих постепенно разочаровывалось в политике Временного правительства и переходило на сторону большевиков.

Мы старались использовать каждую возможность для воспитания рабочих в революционном духе. Как председателю цехового комитета шрапнельной мастерской и члену завкома мне ежедневно приходилось сталкиваться с массой людей, в том числе и с семьями рабочих. У нас был заводской клуб «Знание — свет». В нем устраивали лекции и концерты для рабочих. Потом задумали создать при нем детскую площадку для мальчишек и девчонок из пролетарских семей. Помнится, за Невской заставой в то время было 19 церквей, 65 питейных заведений и всего 15 начальных школ. А проживало здесь более 50 тысяч человек. Надо было видеть, с какой радостью посещали дети рабочих эту первую детскую площадку!

Завком и цехкомы многое сделали для улучшения питания рабочих. Не только создали закупочную комиссию, но и распределяли хлебные карточки, установили правила отпуска продуктов кооперативными и заводскими лавками. В снабжении продовольствием подвизалось немало темных элементов, и рабочий контроль тут был необходим, как воздух.

Но главную роль в большевизации Обуховского завода сыграла борьба с корниловщиной. В эти грозные дни рабочие нагляднее всего убедились в шаткости эсеро-меньшевистских позиций. Не прояви большевики твердости и решимости, вошел бы в Петроград «русский Кавеньяк» и сколько бы рабочей крови пролилось тогда!

Обуховцы немедленно откликнулись на призыв Ленина и большевиков дать отпор корниловцам — снарядили отряды Красной гвардии, послали людей на рытье окопов. Почти одновременно состоялись перевыборы Обуховского районного Совета рабочих и солдатских депутатов: туда не прошло ни одного меньшевика или эсера с нашего предприятия. По поручению Ленина на заводском митинге тогда выступали А. Луначарский и Г. Петровский. Они правильно говорили, что только революционный народ, организованный в Советах, сможет защитить революцию от ее врагов.

Утвердившись в рабочих организациях, большевики-обуховцы вплотную приступили к подготовке вооруженного восстания. Вместе с другими товарищами — Антоновым, Потемкиным, Егоровым, Карасевым, Чижевым, Обуховым и другими — я вошел в состав революционного комитета, который разместился в инженерной столовой. Здесь же был заводской штаб Красной гвардии. По требованиям

Петроградского ВРК мы получили из арсенала Петропавловской крепости винтовки, гранаты, патроны. На станции Обухово-Товарная реквизировали десять новеньких пулеметов...

Слова Ленина сбылись: Обуховский завод остался верен своим боевым традициям, порвал с соглашателями и стал надежной крепостью революции. Отряды наших красногвардейцев сражались на главных направлениях Октябрьского штурма, участвовали во взятии Зимнего дворца.

Вечером 26 октября в составе одного из отрядов Красной гвардии я охранял штаб революции — Смольный, пропускал в актовый зал делегатов II Всероссийского съезда Советов. Хоть сам и не был делегатом, но послушал речи Ленина о мире, о земле, о новом рабоче-крестьянском правительстве. Весь Смольный институт буквально сотрясало от бурных оваций победивших рабочих, солдат, матросов, приветствовавших революцию и Ленина.

Сразу же после Октября завком и большевистский комитет выдвинули меня в члены Обуховского районного продовольственного комитета, а чуть позже я стал его председателем. С хлебом было очень плохо, и продовольственный фронт в то время являлся одним из самых боевых участков классовой борьбы. В комитете мы обсуждали состав закупочных комиссий, инструктировали их перед поездками в деревню, реквизировали излишки продовольствия у купцов и лавочников, распределяли эти излишки между рабочими семьями.

Но голод неминуемо наступал на Питер. Весной 1918 года по призыву Ленина питерские пролетарии, а за ними и весь рабочий класс, начали массовый поход против кулаков, спекулянтов хлеба, мешочников. По решению районного комитета

партии вместе с группой рабочих я отправился в Тамбовскую область. Здесь в первые годы Советской власти пришлось вплотную заняться продовольственными делами, профсоюзной работой.

Тамбовщину в те годы никак нельзя было назвать промышленным краем. Пролетариат здесь был сравнительно малочислен и раздроблен по небольшим предприятиям. В деревне насчитывалось немало кулаков. В частности, поэтому здесь возникло такое антисоветское восстание, как антоновщина.

Партия стремилась укрепить советский и хозяйственный аппарат губернии пролетарскими кадрами, и, несомненно, они сыграли свою роль в деятельности Советской власти на местах, в привлечении крестьянства на сторону рабочего класса. Но в те годы далеко не все партийные, советские, профсоюзные работники правильно оценивали расстановку классовых сил, не все понимали сложность экономического положения, взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Приезжая в деревню, мы в первую очередь заботились о заготовке хлеба. Знали одно: рабочий класс в Питере, в Москве, в других городах голодает, терпит лишения. Не хватает хлеба красноармейцам, которые отдают свою жизнь на фронтах гражданской войны. Хлеб был тогда вопросом жизни и смерти нашей республики.

Но вот кончилась гражданская война, началась демобилизация армии, и мы столкнулись с новыми трудностями и неожиданностями. Оказалось, что некоторые из бывших красноармейцев, крестьянских сыновей, стали бандитами. Повернули винтовки против своих же товарищей. Как же так? Советская власть избавила рабочих и крестьян от векового гнета, а они, крестьяне, подняли мятеж против этой власти?

От Тамбовской губернской профсоюзной организации я был избран делегатом IV Всероссийского съезда профсоюзов, который проходил в 1921 году, слушал выступление В. И. Ленина на заседании коммунистической фракции этого съезда, участвовал в дискуссии о профсоюзах. Этот период особенно памятен.

Кое-кому из нынешнего поколения людей так называемая «дискуссия о профсоюзах» 1921 года может показаться отвлеченным спором, представляющим интерес только для профессиональных политиков. На самом деле эта дискуссия отражала глубокие социально-экономические противоречия в стране.

Троцкий выдвинул лозунг «перетряхнуть» профсоюзы, Бухарин кричал о «производственной демократии», Шляпников требовал передать управление всем народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей». Только Ленин сумел разглядеть истинный смысл всех этих словечек. Во всех своих статьях, речах того периода он связывал надуманный «кризис» профсоюзов с реальными трудностями в отношениях между классами Советского государства.

Политика военного коммунизма стала тяжела для народа. Крестьяне мирились с продразверсткой в военное время, но теперь стремились хозяйничать на земле в своих интересах, продавать излишки продуктов на рынке. Я в то время был продуполномоченным в Усманском уезде Тамбовской губернии и остро чувствовал рост недовольства крестьян. Некоторые из них пускались на всяческие ухищрения, чтобы упрятать хлеб от заготовителей. Настроения крестьян отражались и в рабочей среде, и в государственном аппарате, и в семьях интеллигенции.

Помню, один из тамбовских врачей, участвовавший в «рабочей оппозиции», написал по этому поводу резкое письмо в Совнарком, которое мы потом разбирали.

Надо было обладать ленинским чутьем, его умением глубоко анализировать обстановку и знать реальные нужды народа, чтобы наметить во время этой профсоюзной дискуссии выход из создавшегося положения, основные пути дальнейшего движения вперед. Ленин считал самым главным в данный момент найти новые формы смычки между рабочим классом и крестьянством, и они были найдены в виде продовольственного налога и других мер новой экономической политики.

Вместе с тем Владимир Ильич не раз подчеркивал в тот период, что и пролетариат в нашей стране далеко не однороден, что нельзя не учитывать (в том числе и в профсоюзной работе) низкий уровень сознательности значительной части рабочих. Нельзя было также закрывать глаза на несовершенство нашего государственного аппарата, на бюрократические извращения в нем.

Отсюда Ленин определил двуединые задачи профсоюзов в то время. С одной стороны, они должны были защищать интересы рабочих, защищать их перед мелкими хозяйчиками (хорошо помню, как наш профсоюз коммунальщиков в Усмапи возглавил борьбу рабочих с хозяевами местного рынка и добился лучших условий труда), а также от последствий бюрократических извращений госаппарата.

С другой стороны, профсоюзы должны были воспитывать пролетариат, организовывать его, направлять на строительство основ социалистической экономики. С одной стороны, профсоюзы борются с

бюрократическими извращениями в госаппарате, с другой — выступают резервом этого аппарата, выдвигают к управлению страной лучших своих представителей.

Будучи прирожденным диалектиком, Ленин отчетливо представлял себе эти особенности профсоюзов и настойчиво разъяснял их всем работникам. Только поняв их, можно было разобраться в той идейной путанице, которую наплели вокруг вопроса о профсоюзах Троцкий, Бухарин и другие «теоретики».

Дискуссия о профсоюзах, навязанная партии Троцким, по сути дела уже закончилась, когда мы собрались в середине мая 1921 года в Москве на IV Всероссийский съезд профсоюзов. X съезд партии перед этим принял решительные меры против фракционеров, утвердил основные направления новой экономической политики. Но и на съезде профсоюзов раздавались голоса оппортунистов, у некоторых делегатов проявились анархо-синдикалистские настроения.

Перед началом работы съезда в здании бывшего театра Зиминой собралась его коммунистическая фракция. Большевики составляли примерно три четверти всех делегатов. Мы наметили своих кандидатов в президиум, в секретариат, в комиссии съезда, потом стали обсуждать резолюцию по отчету ВЦСПС. Как выяснилось позднее, Центральный Комитет партии, придавая большое значение съезду профсоюзов, создал комиссию для руководства его работой. Комиссия выработала проект резолюции о деятельности ВЦСПС, который должен был стать основой резолюции съезда. Но Томский, бывший тогда председателем ВЦСПС и членом указанной комиссии, скрыл от делегатов-коммунистов проект

ЦК и предложил на обсуждение другую резолюцию, подготовленную Рязановым.

Последняя резолюция носила анархо-синдикалистский характер, противоречила нормам взаимоотношений партии с профсоюзами. Но, видимо, не столько по убеждениям, сколько в силу недостаточной теоретической подготовки делегаты-коммунисты приняли эту резолюцию большинством голосов и рекомендовали ее съезду. Центральный Комитет партии немедленно осудил этот факт. 18 мая, то есть на другой день после начала работы съезда, вновь состоялось заседание коммунистической фракции. Сначала перед нами выступил И. В. Сталин, но ему не удалось убедительно разъяснить суть ошибок, допущенных Д. Рязановым. Между ними произошла словесная перепалка, которая внесла еще больше идейной путаницы. Тогда на заседании фракции выступил Владимир Ильич Ленин.

Он был больше всего возмущен поведением Томского, который скрыл от делегатов-коммунистов проект резолюции Центрального Комитета партии, хотя как член комиссии сам участвовал в ее подготовке. Ленин, напомнив уставное положение о взаимоотношениях ЦК и фракций, назвал это не просто ошибкой, а преступлением перед партией.

Досталось и автору проекта Рязанову. Центральный Комитет решил вообще освободить его от профсоюзной работы, так как он и раньше проповедовал анархо-синдикализм. Ленин говорил, что в такой сложной обстановке, которую переживает в данный момент страна, вдвойне и втройне необходима партийная выдержка, дисциплина. Рабочие испытывают тяжесть от разрухи, голода, безработицы. Для крестьян тоже еще не наступило облегчения: в 20-м году они сдавали хлеб по продразверстке, а до

нового урожая, хотя и принят уже закон о продналоге, ждать еще несколько месяцев. В таких условиях профсоюзы призваны помочь партии решать важнейшие политические и экономические задачи, а резолюция Рязанова, наоборот, противопоставляет профсоюзы партии, тащит их назад, к пресловутой «независимости».

Владимир Ильич, что называется, по косточкам разобрал ошибки рязановской резолюции, и мы убедились, что проект ЦК принципиально по-иному ставит вопрос о задачах профсоюзов в данный момент. Подавляющим большинством голосов фракция признала ошибочным свое первоначальное решение и приняла резолюцию Центрального Комитета партии.

После этого делегаты-коммунисты попросили Ленина ответить на ряд вопросов. Я тоже подал записку, в которой выражал сомнение по поводу того, следовало ли на таком авторитетном собрании, как съезд профсоюзов, обсуждать разногласия и что мы должны рассказать об этом по приезду на места. Владимир Ильич, показав рукой на президиум, ответил:

— Здесь сидят некоторые из уклонистов. Вы теперь лучше знаете, чем они дышат, знаете, какое решение по их поводу вынес Центральный Комитет партии. Вот и действуйте так же на местах, отстаивайте решения партии о профсоюзах — это важная и необходимая задача.

Последующие заседания съезда были насыщены обсуждением многих важных вопросов профсоюзной работы. Мы надеялись, что Ленин выступит еще раз, уже перед всеми делегатами, и более подробно расскажет о политике партии по отношению к профессиональным союзам. Но обстоятельства, видимо,

помешали ему, хотя такое намерение было у Владимира Ильича, и, как известно, сохранился даже план его речи на съезде. Судя по этому плану, Ленин набросал определенную периодизацию революционного движения в России, сравнив ее с курсом высшей школы, и считал, что в данный момент партия, а значит и профсоюзы, как бы сдают переходный экзамен с третьего на четвертый курс. Наступил самый ответственный период — участие профсоюзов в хозяйственном строительстве, и они должны были с честью выдержать этот трудный экзамен.

Ленин писал: «Опыт хозяйственный уже есть, — строить систематически, неуклонно, твердо дальше». Вновь и вновь он напоминал о необходимости укреплять трудовую дисциплину, повышать производительность труда, улучшать его организацию, увеличивать количество продуктов, беспощадно бороться с разгильдяйством и бюрократизмом. «Сим победиши», — заканчивал Ильич свои заметки.

IV съезд профсоюзов принял ряд важных решений, создавших необходимые условия для дальнейшей успешной деятельности самых массовых рабочих организаций. Но вместе с тем он оставил и чувство неудовлетворенности. По вине некоторых руководителей ВЦСПС работа съезда была организована таким образом, что делегаты с мест почти не выступали. Кроме докладчиков, говорили главным образом представители оппозиционных групп: всё критиковали, да разъясняли свои «платформы». Не случайно Ленин на другой же день после закрытия съезда в своем выступлении на 10-й партконференции отозвался о нем такими словами:

«Главным недостатком этих съездов (одновременно с нами заседали делегаты съезда ВСНХ. — А. М.) опять-таки является то, что мы больше

занимаемся такими худыми вещами, как тезисы, общие программы и рассуждения, а нет того, чтобы на съезде люди действительно поделились местным опытом, чтобы, уезжая на места, они могли бы сказать: вот из тысячи примеров один мы нашли хороший и будем ему подражать. А таких хороших примеров у нас не один на тысячу, а гораздо больше. Но такого порядка ведения работы мы видим меньше всего».

В дальнейшем хозяйственные и профсоюзные работники, учитывая эти замечания Ильича, постепенно избавлялись от декларативности и заседательской суетни, все больше и больше внимания уделяли изучению и распространению практического опыта. Деловой стиль работы, проникая во все звенья аппарата, помог партийным и профсоюзным организациям с честью выдержать тот экзамен, о котором говорил Ленин, и добиться больших успехов в хозяйственном строительстве.

Н. БОГДАНОВ.

Николай Петрович Богданов. Родился в 1896 году. Один из активных деятелей профессионального движения, член Коммунистической партии с 1914 года. Еще до революции участвовал в создании профсоюза рабочих строителей. От этого союза вошел в состав Центрального бюро (затем Петроградского совета) профсоюзов. Депутат Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, участник Октябрьского вооруженного восстания. После революции долгое время был секретарем и председателем ЦК профсоюза строителей, неоднократно избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР, работал на ответственных хозяйственных постах. В настоящее время персональный пенсионер.

НАЛАЖИВАТЬ ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

По традиции старые питерские большевики ежегодно встречаются в Ленинграде. Мы приходим в Смольный, несколько минут молча сидим в актовом зале, заходим в комнату, где работал Ильич. Здесь всегда много экскурсантов — рабочих, солдат, студентов, иностранных туристов. Колыбель Октября неизменно влечет к себе людские сердца. И чем дальше в историю уходят события революции, тем полнее и глубже мы осознаем их значение.

Память восстанавливает прошлое, и прежде всего встречи с Ильичем — незабываемые страницы жизни.

Перед входом в Смольный на колоннаде сверкающие золотом буквы: «Первый Совет пролетарской диктатуры». Совет диктатуры... В этом сочетании слов — ленинская диалектика революции. Революция немыслима без диктатуры класса. Но какого класса? Рабочего! Самого передового по своему общественному положению, сознанию, объединяющего лучших представителей трудового народа. Более демократической диктатуры еще не знала история.

С гордостью вспоминаю, что весной 1917 года рабочие-строители Петрограда послали своим представителем в этот Совет меня, простого маляра, который всю жизнь считал государство чужой, враждебной силой. Я был в Петроградском Совете одним из 22 большевиков. Здесь, в актовом зале, состоялось 25 октября 1917 года памятное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Перед глазами, как живой, встает Ленин, бросающий в зал исторические слова:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

Каждый месяц, каждый день памятного 17-го года был для нас школой классовой борьбы. Живая революционная работа, постоянные стычки с предпринимателями, с меньшевиками и эсерами закаляли нас, просветляли сознание. А встречи с Лениным! Они служили настоящим компасом в море политической жизни, всегда указывали верное направление борьбы.

Это было особенно важно в первые месяцы после Февральской революции — время бурного роста профсоюзов. Центральное бюро профсоюзов сначала помещалось в особняке Кшесинской — там же, где

и Центральный Комитет партии, и Владимир Ильич часто заходил в нашу комнату. Он садился рядом с рабочими, слушал их рассказы о жизни фабрик и заводов, задавал вопросы, спорил, советовал. Ленин бывал и на Фурштаттской улице, куда потом мы переехали, часто передавал свои советы через Я. М. Свердлова, который жил неподалеку.

Тогда Ленин особенно заботился о том, чтобы профсоюзы не превращались в цеховые касты, ограниченные узкопрофессиональными интересами, чтобы они становились массовыми и боевыми организациями рабочего класса, ставящего перед собой великую цель — социалистическую революцию. Он призывал нас неумолимо вести работу во всех профсоюзах и обеспечивать там большевистское влияние, разоблачать соглашательскую линию меньшевиков и эсеров.

Сейчас, через полвека, приходится слышать от некоторых зарубежных товарищей, что мы в России создавали якобы партийные профсоюзы. Это совсем не так. Ленин рассматривал профсоюзы как самые массовые организации рабочих, объединяющие в своих рядах людей независимо от их национальности, партийности, вероисповедания и т. п. Суть в том, чтобы профсоюзы сохраняли свой пролетарский характер, твердо стояли на позициях классовой борьбы, были идейно связаны с партией пролетариата.

Рабочие массы сами, на опыте борьбы в трех революциях убедились, что такой партией является партия большевиков. К пониманию этого трудящиеся пришли в результате своего политического развития, в результате сравнения программ и практических действий разных партий. Мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров предали интересы

рабочих, поэтому потеряли авторитет и влияние в профсоюзах, в массах и сошли со сцены.

Приведу такой пример. Большевики стремились завоевать профсоюз металлистов, один из крупнейших в стране. Но какими методами? Большевики Волков, Рубцов и другие тайно собирались в общезитии Петроградского потребительского общества, не приглашая других членов правления — большевиков В. Шмидта, Н. Ивацова, М. Калинина, избранных еще до закрытия союза властями в 1914 году. Соглашателям удалось провести своих людей в состав организационной комиссии по подготовке учредительного собрания союза. Но рабочие-металлисты разгадали эту уловку. В руководящие органы 14 районных отделений союза были избраны большевики, и они на учредительном собрании полностью изобличили «конspirаторов».

Сами трудящиеся решили спор в пользу большевиков и в профсоюзах текстильщиков, кожевников, деревообделочников, пиццевиков, торгово-промышленных служащих. А это были, как и союз металлистов, самые массовые объединения трудящихся. Поэтому понятно, что и в руководящем органе — Петроградском совете профсоюзов (так стало называться с июля 1917 года Центральное бюро профсоюзов), его исполнительном комитете большинство составляли твердые ленинцы. Петроградский совет успешно противостоял меньшевистскому временному ВЦСПС первого созыва.

Помнится, всех пас в мае 1917 года волновал вопрос о взаимоотношениях профсоюзов с фабрично-заводскими комитетами. Многие горячие головы были против «самостоятельности», «самовольства» фабзавкомов. Особенно кипятился А. Г. Шляпников, считая, что фабзавкомы надо немедленно подчинить

профсоюзам, иначе «будет угроза всему рабочему движению». Ленин внимательно слушал наши споры, иногда хитро улыбался.

— Не бойтесь пойти на то, чтобы фабзавкомы выступали от имени всех рабочих и выбирались ими, даже если вы их еще не вовлекли в союзные ряды, — советовал он. — Это не мешает развитию профсоюзов, а рабочую армию укрепит. Согласованность мы обеспечим...

Владимир Ильич не бросал слов на ветер. Вскоре ЦК партии создал специальную профсоюзную комиссию для координации деятельности фабзавкомов и профсоюзов, которую возглавил Я. М. Свердлов. Партия направила в профсоюзы и фабзавкомы своих испытаннейших работников — Н. К. Антипова, Н. А. Скрыпника, В. Я. Чубаря и многих других. В июне 1917 года профсоюзы Петрограда объединяли в своих рядах 250 тысяч рабочих — почти 40 процентов питерского пролетариата. А 1-я Петроградская конференция фабзавкомов, открывшаяся 30 мая, представляла около 400 тысяч рабочих, и основная масса шла за большевиками.

Фабзавкомы главным образом осуществляли рабочий контроль над производством, а в Октябрьские дни выступили боевыми организаторами вооруженного восстания. Их деятельность, как и предвидел Ленин, помогла расширить и укрепить революционную армию пролетариата. Эта армия только в Петрограде накануне Октября составляла более полумиллиона человек! А буржуазные клеветники твердили о «бланкистском», заговорщическом характере Октябрьской революции.

В октябре наша большевистская фракция Петроградского совета профсоюзов собиралась почти ежедневно. Мы не знали о пленумах ЦК партии,

обсуждавших вопросы восстания, но на наших заседаниях часто бывал Я. М. Свердлов. Разговор шел о предстоящей решительной схватке с капиталистами.

В мобилизации профсоюзов для этой схватки большую роль сыграли совещание профсоюзного актива в Смольном (15 октября) и 1-я Всероссийская конференция фабзавкомов (17 октября). Подавляющее большинство участников совещания и конференции решительно высказалось за переход власти в руки революционной демократии — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В. И. Ленин дал высокую оценку этим решениям профсоюзов и фабзавкомов.

Сразу после свержения Временного правительства большинство профсоюзов и фабзавкомов высказалось за решительную поддержку большевистской партии, ставшей у власти. Петроградский совет профсоюзов призвал рабочих «всем стать на работу и производить ее в полном порядке». В его решении от 31 октября 1917 года записано, что «совет все симпатии, силы и аппарат отдает в распоряжение новой власти». Это была клятва рабочего класса, которую он свято выполняет.

Тяжела была зима 1917—1918 года в Петрограде. Буржуазия оставила двухмиллионный город без хлеба, без топлива, без сырья для заводов. Но в Смольном кипела жизнь, в темные ночи светились окна, неутомимо работал Ленин со своими соратниками. Можно без конца удивляться его энергии, жизнерадостности, силе воли. Ведь по несколько суток находился на ногах, без сна, в постоянных заботах и тревогах.

9 ноября 1917 года в Смольном было созвано расширенное заседание Петроградского совета проф-

союзов. На заседание пришел Владимир Ильич. Усталый, с покрасневшими от бессонницы глазами он начал тихо говорить:

— Мы завоевали власть. Революция побеждает по всей стране. Однако многие заводы и фабрики не работают, капиталисты и чиновники саботируют мероприятия Советской власти...

Записи этой речи не сохранилось, но хорошо помню, что Ленин отметил большую роль профсоюзов в революции. Теперь перед ними встали новые задачи — обеспечить возвращение рабочих на заводы, к машинам, организовать контроль над производством, наладить выпуск предметов, необходимых для народа: сельскохозяйственных машин, плугов, гвоздей, лопат, одежды, обуви и т. д.

Надо сломать саботаж промышленников, подчеркивал Владимир Ильич, заставить их работать под строгим контролем. А честных, добросовестных специалистов привлекать на свою сторону, учиться у них хозяйствованию. Ленин призывал переходить к решению практических задач, налаживать хозяйственную жизнь страны.

Налаживать хозяйственную жизнь... Сейчас трудно представить всю сложность и трудность решения этой задачи в то время. Было свергнуто буржуазное Временное правительство, но буржуазия и ее ставленники продолжали ожесточенно сопротивляться новой рабоче-крестьянской власти. Саботаж принимал угрожающие размеры.

Хорошо помню, как по окончании II съезда Советов мы, большая группа профессионалистов, поехали на Миллионную улицу. Там, в Мраморном дворце бывших великих князей, помещалось министерство труда, и нам надо было помочь только что назначенному народному комиссару

труда А. Г. Шляпникову организовать работу комиссариата.

Прибыв на место, мы не встретили в этом меньшевистском ведомстве ни одного чиновника. Как оказалось, они устроили стачку и ожидали прихода «войск» Керенского. Стачкой руководил С. Шварц-Монозон, председатель профсоюзного комитета служащих. Этот прожженный антисоветчик получал прямые указания от лидеров партии меньшевиков, объявившей открытую войну Советской власти.

Большевистская фракция в Петроградском совете профсоюзов настояла на том, чтобы в повестку дня пленума совета 31 октября был включен вопрос о забастовке в министерстве труда, а вернее, уже в Наркомате труда. Мы потребовали от меньшевиков ясного ответа. Шварц пытался вывернуться, плакался по поводу суровых мер против саботажников, лепетал о «праве на забастовку». С мест раздались крики возмущенных рабочих:

— Саботажник!

— Продался буржуям!

Шварц был разоблачен. Даже друзья-меньшевики не осмелились его поддерживать. За предложение Шварца о «свободе стачек» не было подано ни одного голоса.

Так же решительно повел себя совет профсоюзов, когда не без участия меньшевиков Общество заводчиков и фабрикантов обратилось в совет с провокационным заявлением «о вмешательстве революционных организаций в заводскую жизнь». В нем говорилось о «насилии Красной гвардии в экономических вопросах», что якобы «разрушает» работу предприятий. Короче говоря, заводчикам хотелось разоружить рабочих, распустить отряды Крас-

ной гвардии. Они угрожали прекратить оплату труда красногвардейцам, даже тем, которые несли охрану предприятий, спасая их от разрушений и грабежа. К этим требованиям присоединились и соглашатели. А один из членов исполкома совета профсоюзов, Ларин, считал, что, поскольку нет «военных действий», Красную гвардию можно собирать только «по праздникам».

Большевики в совете полностью отвергли домогательства буржуазии и соглашателей. Красная гвардия оставалась грозной силой, отстаивающей кровные интересы пролетариата.

Владимир Ильич в эти дни был поглощен работой экономической проблем революции. По выступлениям, статьям в газетах, просьбам и требованиям мы чувствовали его огромное внимание к хозяйственной жизни. Ленин поручал профсоюзным работникам предварительную подготовку многих материалов к заседаниям Совнаркома — о рабочем контроле, оплате труда, борьбе с саботажем.

В те дни не проходило, пожалуй, ни одного заседания совета профсоюзов, которое не рассматривало бы вопросов о выдаче заработной платы. Владельцы банков и профсоюз «Кредиттруд», объединяющий банковских служащих, в штыки встретили новую власть. Они помогали капиталистам изымать свои вклады и всячески саботировали выдачу зарплаты. Семьи рабочих голодали. Даже Совнарком в первые недели после Октября не мог получить денег для своих нужд.

Сломить финансовый капитал можно было только одной революционной мерой — национализацией частных банков, на чем решительно настаивал Ленин. Эта важная операция проходила при активном участии профсоюзов. Но и после национализации

банков саботажники всячески срывали финансирование промышленности, расхищали средства. Исполком совета профсоюзов поручил мне и секретарю совета профсоюзов Н. И. Дербышеву расследовать деятельность профсоюза «Кредиттруд». Мы обнаружили, что руководитель этого союза меньшевик Л. Теслер и один из заправил кадетского «Союза союзов», А. Кондратьев, за свои услуги получили от буржуазии около 250 тысяч рублей, поместив эту кругленькую сумму в бывший Азово-Донской банк.

Профсоюзному активу было поручено подготовить материалы о положении дел на фабриках и заводах Петрограда к заседанию Совнаркома, которое состоялось 27 ноября. Я присутствовал на этом заседании, затянувшемся до поздней ночи. Смотрю сейчас на фотокопию перечня предложений, набросанных в спешке рукой Ильича, — и прошлое сразу оживает в памяти.

Сообщения с мест свидетельствовали о затяжном кризисе промышленного производства, безработице, спекуляции. Ленин внес предложение создать особую комиссию для проведения в жизнь социалистической политики в области финансов и экономики. Эта политика предусматривала прежде всего национализацию банков, принудительное синдицирование предприятий, разоблачение банковского грабежа, финансирование промышленности, сокращение безработицы, решение продовольственного вопроса.

Дебаты на заседании были очень острыми, некоторые выступали по два-три раза. Ленин выступал пять раз и тут же на заседании набросал упомянутый перечень предложений. В осуществлении каждого мероприятия по перестройке экономики Владимир Ильич отводил важное место профессиональным союзам, призывал их теснее сплотить ра-

бочий класс, мобилизовать его на активное строительство основ социалистического народного хозяйства.

Дни и ночи в то время были насыщены событиями. Заседания Петроградского совета профсоюзов носили бурный характер и обычно заканчивались ночью. Совнарком также заседал почти ежедневно по вечерам. Частенько после таких заседаний мы оставались ночевать в Смольном. Вздремнув немного на столах или стульях, ранним утром отправлялись на заводы и фабрики.

Известно, что до Октября существовали так называемые примирительные камеры, в которых рассматривались конфликты рабочих с предпринимателями. В Центральной примирительной камере было 16 представителей от рабочих и 16 — от заводчиков при «нейтральном» председателе. Еще весной 1917 года нам удалось отвоевать у меньшевиков представительство рабочей группы. Я представлял там профсоюз строителей, а позднее мне поручили «заведовать» этой камерой, с которой не знали, как и поступить после революции. Хранил архивы, нерешенные дела. Большевики ратовали за сохранение примирительной камеры, рассчитывая использовать ее для соглашения с буржуазией.

Надо решать боевые задачи — ломать саботаж буржуазии, обеспечивать нормальную работу предприятий, а тут предлагают сидеть в примирительной камере. При первом же удобном случае, встретив Ленина в Смольном, я высказал ему сомнение насчет целесообразности дальнейшего существования примирительной камеры.

— О чем нам договариваться с капиталистами? Конфликты можно решать в Наркомате труда, — высказал я свое мнение.

Владимир Ильич связался со Шляпниковым, и мое предложение приняли. В Наркомтруде был создан конфликтный отдел. Общество заводчиков и фабрикантов лишилось последней возможности оказывать давление на рабочих. Кстати, оно дотянуло свое существование до осени 1918 года и тихо скончалось «за отсутствием средств», как было указано в газетном извещении.

Ленин хорошо чувствовал пульс общественной жизни, знал настроения рабочей массы, предвидел многие события. В ноябре 1917 года он предложил профсоюзным работникам внимательнее присмотреться к действиям меньшевиков, которые ловко пользовались изменениями в социальном и общественном положении рабочих, играли на отсталых настроениях части рабочих, подбивали их требовать повышения тарифных расценок, выплаты всевозможных компенсаций и надбавок якобы за прошлые месяцы, призывали к забастовкам.

В конце ноября был создан исполнительный комитет совета профсоюзов, чтобы обсудить положение дел на фабриках и заводах. Мы потребовали от меньшевистской части исполкома ответа за провокационные действия. Меньшевик Волков раскрыл карты: ни много ни мало он обвинил большевиков в хозяйственной разрухе, в разложении рабочих, в неподчинении их профессиональным союзам. Но это означало свалить вину с больной головы на здоровую. Если рабочие не считались с мнением профсоюзных лидеров-меньшевиков, то это вовсе не говорило о каком бы то ни было умалении авторитета профсоюзов в целом.

Но некоторые рабочие в обстановке разрухи и материальных лишений поддавались на провокации. В таких случаях только откровенный разговор на

заводском митинге мог внести ясность. Вспоминаю свои выступления перед рабочими чугунолитейного механического завода «Сан-Галли» (ныне машиностроительный завод имени Второй пятилетки), завода «Феникс» (ныне завод имени Я. М. Свердлова). Старался просто и доходчиво разъяснять обстановку, разоблачать «двойную бухгалтерию» меньшевиков. Когда мы до революции объявляли стачку — это был классовый протест против эксплуататоров. А теперь наша, рабочая власть. Надо укреплять, восстанавливать экономику. Запомнились слова одного пожилого рабочего на заводе «Феникс» о меньшевиках:

— Буржуй он буржуй и есть, враг неприкрытый. А эти выдают себя за рабочих, в овечью шкуру рядятся...

Рабочие гневно отвергали провокации соглашателей, выгоняли их с заводов.

Но меньшевики и эсеры не желали добровольно уходить с арены политической борьбы. Они перестраивались, меняли приемы своей подрывной деятельности, выдавали себя за представителей «широких масс трудящихся». Особенно большой вред рабочему движению они нанесли, натравливая чернорабочих на квалифицированных пролетариев, требуя равной оплаты труда для всех категорий работающих. Расчет был прост: демагогическими требованиями заварить кашу и дезорганизовать работу фабрик и заводов.

Ленин сразу распознал этот маневр. 4 декабря в Смольном было созвано объединенное заседание рабочей секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и профсоюзов, на котором он выступил с докладом об экономическом положении и задачах рабочего класса.

Революция показала чрезвычайную политическую зрелость пролетариата, говорил он. Но для полной победы социализма требуется колоссальная организованность, проникнутая сознанием, что пролетариат должен стать господствующим классом...

Владимир Ильич подчеркнул, что рабочие должны сейчас думать не столько об улучшении своего положения, сколько о том, как стать господствующим классом. Капиталисты делают решительно все, чтобы затруднить действия рабочих: создают против них атмосферу лжи и клеветы, грозят прекращением деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески. В такой обстановке, говорил Ленин, нужно каждой рабочей организации — профессиональным союзам, фабрично-заводским комитетам и другим — дать буржуазии решительный бой в экономической плоскости. Каждый фабрично-заводской комитет должен быть занят не только делами своего завода, но и чувствовать себя организационной ячейкой для налаживания всей государственной жизни.

Ленин решительно выступил против уравниловки в оплате труда квалифицированных пролетариев и чернорабочих. Требовать такой уравниловки могли только враги рабочего класса, стремящиеся подорвать его единство.

Эта речь Владимира Ильича заставила профсоюзных работников многое пересмотреть в своих действиях. Мы все глубже стали понимать государственную важность задач, которые призваны были решать профессиональные союзы. К этому времени как раз начали создаваться первые хозяйственные органы нашего государства (декрет об образовании ВСНХ был подписан В. И. Лениным и опубликован 5 декабря, то есть на другой день после упомяну-

того выступления на заседании рабочей секции Петроградского Совета). В них вошли лучшие силы профессионалистов, наиболее хорошо знающие производство и преданные революции: Н. К. Антипов, Н. И. Дербышев, Г. Д. Вейнберг, А. С. Киселев, М. И. Рыкунов, В. Я. Чубарь, В. В. Шмидт и многие другие.

На мою долю выпало участвовать в создании Комитета государственных сооружений — первой советской строительной организации. Задача была труднейшая. Только в Петрограде насчитывалось свыше двух десятков казенных и частных строительных фирм, не считая множества мелких подрядчиков. Все они открыто саботировали решения Советской власти: расхищали и распродавали строительные материалы и инвентарь, изымали из банков вклады, не выплачивали зарплаты рабочим. Каким образом превратить это разношерстное капиталистическое предпринимательство в государственную строительную организацию?

Опять мы пошли за советом к Ленину, в Смольный. Мы — это три члена правления союза строительных рабочих: П. И. Бушуев, Г. В. Хитров и я. Владимир Ильич внимательно выслушал наши затруднения. Говорил резко, коротко:

— Сломить саботаж подрядчиков, не останавливаясь перед средствами. Заставить выплатить то, что заработано.

При разговоре присутствовал Ф. Э. Дзержинский. Ленин попросил его помочь строителям, поскольку им предстояло столкнуться со многими хозяйчиками. Потом продолжал:

— Сейчас мы создаем Высший Совет Народного Хозяйства. Это будет экономический орган диктатуры пролетариата. Строителям надо быстрее соз-

дать свою, советскую хозяйственную организацию. Нам предстоит много, очень много строить, предстоит невиданный расцвет производительных сил страны... А пока надо заставить работать спецов, учиться у них хозяйствовать.

И союз строителей начал действовать. Всероссийская чрезвычайная комиссия помогла нам призвать к порядку подрядчиков: заработную плату рабочим выдали и даже оплатили дни простоя. В банке мы установили рабочий контроль за денежными операциями. Пришлось мне побывать в строительном комитете бывшего «ведомства императрицы Марии», в строительном комитете Святейшего синода и в других подобных конторах. Раздраженные чиновники пытались угрожать, сопротивляться, но их власть кончилась. А некоторые инженеры-специалисты переходили на сторону победившего пролетариата, увлеклись перспективами мирного строительства. В промерзшем здании бывшего министерства торговли и промышленности на Тучковой набережной вместе с товарищами из ВСНХ мы собрали первых энтузиастов Комгоссоора (так называли тогда Комитет государственных сооружений). Здесь мне посчастливилось в дальнейшем работать с прославленными специалистами-энергетиками Г. М. Кржижановским, А. В. Винтером, Г. О. Графтио, И. Г. Александровым, претворять в жизнь вместе с ними величественный ленинский план ГОЭЛРО.

Но это было позднее, а в ту холодную и голодную зиму мы только приступали к налаживанию хозяйственной жизни. И каждый практический шаг сопровождался ожесточенной борьбой с буржуазией, с ее эсеро-меньшевистскими подпевалами.

Вспоминаю I Всероссийский съезд профессиональных союзов, проходивший в январе 1918 года.

Он представлял уже 4 миллиона рабочих — это была сила организованного пролетариата! Причем из 416 делегатов съезда 273 были большевиками. В резкой полемике с соглашателями они обеспечили полное торжество ленинской политики в профессиональном движении. Большевистским стал в своей основе и ВЦСПС.

Ленин не присутствовал на этом съезде. Но он тщательно изучил все перипетии нашей борьбы с меньшевиками и использовал материалы съезда в своих дальнейших работах о государственной и хозяйственной политике. Прочитайте внимательно его набросок статьи «Очередные задачи Советской власти» — и непременно убедитесь в этом.

Меньшевики ратовали на съезде за то, чтобы профсоюзы были независимы от государства, чтобы они сохраняли и укрепляли свою «классовую самостоятельность». Ленин считал такие взгляды либо буржуазной провокацией самого грубого пошиба, либо крайним педомыслием, рабским повторением лозунгов вчерашнего дня.

«Вчера, — писал он, — главною задачею профессиональных союзов была борьба против капитала и отстаивание классовой самостоятельности пролетариата. Вчера лозунгом дня было недоверие к государству, ибо это было государство буржуазное. Сегодня государство становится и стало пролетарским. Рабочий класс становится и стал господствующим классом в государстве. Профессиональные союзы становятся и должны стать государственными организациями, на которые в первую очередь ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма».

Ленинскую работу «Очередные задачи Советской власти» мы прочитали 28 апреля 1918 года

в «Правде», в «Известиях ВЦИК». Вождь революции подчеркивал, что центральной задачей в данный момент является экономический подъем страны путем организации соревнования, налаживания учета и контроля, повышения трудовой дисциплины и производительности труда.

Владимир Ильич отметил, что союз металлистов и Центральный совет профсоюзов уже начали принимать меры для укрепления трудовой дисциплины. Он считал очень важной и своевременной эту работу. Считал, что на очередь дня надо поставить сдельную оплату труда, научные достижения в области организации производства.

Бесконечные дискуссии и митинги были необходимы в свое время, учил Ленин. Теперь надо закрепить то, что мы сами отвоевали, узаконили, обсудили, закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Надо научиться соединять митинговый демократизм с железной дисциплиной во время труда.

Против этих неоспоримых ленинских выводов ополчились не только враги революции — эсеры, меньшевики, анархисты, но и некоторые неустойчивые члены партии, зараженные мелкобуржуазным фразерством. «Левые коммунисты» твердили, что введение трудовой дисциплины «понижит классовую самостоятельность пролетариата», «грозит закрепощением рабочих».

На заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года Ленину пришлось дать настоящий бой противникам по вопросу об очередных задачах Советской власти. Зал Политехнического музея, где проходило это заседание, был полон: кроме членов ВЦИК, присутствовали многие партийные, советские работники. Я только что приехал из Питера в Москву по

делам профсоюза строителей и тоже получил приглашение от товарищей из ВЦСПС. Помню, что Ленин был занят, долго его ждали, и заседание началось что-то около 10 часов вечера.

Доклад Владимира Ильича длился около полутора часов. Он не повторял статью, а развивал ее отдельные положения и выводы, подкреплял их новыми аргументами. Речь его была насыщена острыми сравнениями, репликами. В зале то и дело вспыхивали аплодисменты. Ленин был особенно энергичен, приподнят в тот вечер, весь его облик выражал готовность до конца отстаивать свое мнение.

Чьи только речи не пришлось слушать после его доклада! И лидера меньшевиков Мартова, и левого эсера Карелина, и максималиста Светлова, и анархиста Ге, и «полевевшего» Бухарина, и эсера Лихача... Они поносили и статью, и доклад Ленина, и «диктаторство» большевиков, кричали об их «примирении» с буржуазией.

В заключительном слове Владимир Ильич успешно отразил эти атаки. Он заклеил откровенно враждебные выпады против большевиков и подверг обоснованной критике заблуждающихся, колеблющихся. Особенно досталось «левым коммунистам» с их истеричными воплями против дисциплины и единначалия.

ВЦИК одобрил и утвердил основные положения, выдвинутые Лениным в статье и докладе. Позднее они были опубликованы в виде известных «Шести тезисов об очередных задачах Советской власти».

Мы расходились с этого заседания возбужденные, взволнованные накалом политической борьбы, полные впечатлений от заключительной ленинской речи. Сразу мысль обращалась к завтрашним будням, практической работе. Мне предстояло вскоре

ехать в Самару, где созывалась 1-я Всероссийская конференция профсоюза строительных рабочих. Надо было готовить доклад о задачах союза в области организации производства. Ленинские идеи тут были незаменимы.

В этот период, в апреле—мае 1918 года, Ленин особенно внимательно следил за проявлением рабочей инициативы на местах, подмечал лучший опыт организации труда. Мимо его внимания не проходило ни одно важное начинание в этой области. В своем письме конференции представителей национализируемых предприятий Владимир Ильич, например, обратил внимание на так называемые «Брянские правила». Это не случайно.

Брянский машиностроительный завод был известен как завод славных революционных традиций. Его фабрично-заводской комитет в первые месяцы после Октября повел решительную борьбу против саботажников, лодырей, мешочников. Созданная заводом комиссия разработала временные правила внутреннего распорядка, которые основывались на принципе «кто не работает, тот не ест» и были проникнуты духом укрепления пролетарской дисциплины. Подписанные фабрично-заводским комитетом и директором завода, эти правила, несомненно, помогли заводскому коллективу организовать работу по-новому. Поэтому Ленин и рекомендовал работникам национализируемых предприятий узаконить внутренний распорядок труда по примеру брянских рабочих.

На Всероссийской конференции нашего профсоюза строителей, проходившей 12—15 мая 1918 года, также нашли отражение ленинские идеи укрепления трудовой дисциплины, единоначалия, распространения передовых методов организации труда.

Конференция разработала предложения о введении сдельной оплаты труда на основе четкого нормирования. Так и записали в решении: признать необходимым «установление, в связи с общим истощением рабочего класса и с местными условиями, временных особых голодных, но твердых норм выработки». Сознательные рабочие понимали, что иным путем в тех тяжелых условиях нельзя было преодолеть разруху и мелкобуржуазную распущенность, нельзя было наладить нормальную хозяйственную жизнь.

Были среди строителей, конечно, и малосознательные рабочие, рвачи, анархисты. Поэтому конференция отметила: «В решительных случаях, когда меры товарищеского воздействия исчерпаны и отдельные рабочие или группа отказываются подчиниться союзным правилам, союзы должны исключать таковых из своего состава...»

По переписи 1918 года большинство фабрично-заводских комитетов (64,3 процента) и созданных ими органов рабочего контроля принимали непосредственное участие в управлении заводами и фабриками. Руководствуясь идеями партии и Ленина, профсоюзы и фабзавкомы упорно преодолевали трудности, мобилизовали рабочий класс на восстановление народного хозяйства.

М. ЖИВОТОВ.

Матвей Назарович Животов (1884—1964 годы). Родился в бедной крестьянской семье в Орловской губернии. С двенадцатилетнего возраста работал пастухом. Затем в течение нескольких лет трудился на разных заводах Донбасса, где в 1904 году вступил в члены РСДРП(б) и приобщился к революционной работе. В 1912 году приехал в Петербург и поступил на электростанцию. Вел активную разъяснительную работу против войны. В 1917 году был избран председателем Центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда. Принимал активное участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания. В 1918 году работал в ВСНХ, был членом коллегии отдела снабжения и цен. В октябре 1918 года был послан на южный фронт, назначен комиссаром особого отряда при 12-й дивизии. В 1920—1928 годах — член президиума Украинского совета народного хозяйства. В последние годы был на хозяйственной работе.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И ПЛАНОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Для нас, работников совета фабрично-заводских комитетов, в период выпливания буржуазии из седла ее собственности (по выражению Владимира Ильича на одной из конференций заводских комитетов) каждое слово Ленина было законом.

С того момента, когда рабочий класс стал у власти, заводские комитеты не могли дальше продолжать свою работу без фактического контроля над производством.

Задумываясь над этим вопросом, совет заводских комитетов (тов. Амосов и я) разработал схему организации такого государственного органа, который бы регулировал и управлял всем хозяйством и промышленностью. Продумав организационные формы этого органа, мы решили пойти к Владимиру Ильичу и узнать, как он к этому отнесется.

28 или 29 октября 1917 года Владимир Ильич принял нас в Смольном, на втором этаже, в своей рабочей комнате. Усадив нас около маленького круглого столика, он стал расспрашивать о цели посещения. Мы ему подробно рассказали о нашем плане, при этом разложили перед ним графическую схему. С удивившей нас внимательностью Владимир Ильич расспрашивал о мельчайших подробностях нашей схемы, а особое внимание обратил на состав и название проектируемого органа. Мы ему показали набросанный нами перечень представителей от комиссаров и рабочих организаций, входящих в состав пленума. На его вопрос, как мы назовем этот орган, мы ответили, что думаем назвать его Высшим Советом Народного Хозяйства, после чего он несколько раз повторил это название, заявляя, что оно очень удачно, причем высказал в нескольких словах мысль, что рабочему правительству такой орган нужен, что при нашей задаче обобществления средств производства нам нужен такой орган, через который сами рабочие управляли бы своим хозяйством.

Ободренные сочувствием Владимира Ильича, мы тогда же стали просить его о том, чтобы наш про-

ект был издан в виде декрета, на что он пам со смехом заявил:

— Не буду же я издавать декретом вот эти ваши разноцветные кружки! Вы напишите на бумаге так, чтобы там были параграфы да пункты, вот тогда мы и издадим все это декретом.

Мы откровенно сознались, что такого декрета написать не умеем, над чем Владимир Ильич искренне смеялся, говоря:

— Ну, как же быть тогда?

Мы стали просить, чтобы он сам написал декрет, на что Владимир Ильич ответил, что самому ему писать некогда, но он кого-нибудь к нам пришлет, и мы совместно напишем.

Уходя в этот раз от Владимира Ильича, мы радовались сочувствию, выказанному им нашему проекту, одновременно вдумываясь в высказанную им мысль: рабочему правительству нужен такой орган, через который рабочий класс мог бы управлять своим хозяйством.

Несколько позже мы, представители совета фабрично-заводских комитетов, встретились с Владимиром Ильичем еще раз.

В конце января 1918 года, когда злостный саботаж со стороны экономически еще не разбитой буржуазии привел к тому, что петроградские заводы, не имея заказов, приостановились один за другим, нам казалось, что, если бы мы централизовали все дела заявок и заказов, нам было бы известно, какие заводы обеспечены заказами и какие не обеспечены. Нам казалось, что если правительство издаст декрет о централизации заказов, то все будет хорошо. Вот поговорить об издании такого декрета мы и пошли к Владимиру Ильичу. Пошло нас несколько человек...

Принял нас Владимир Ильич в Смольном, по-товарищески усадив нас, и в беседе с ним мы изложили нашу просьбу, на что получили удививший нас точный ответ и совет. Владимир Ильич заявил, что при нашем хозяйстве и при чрезвычайно распыленном крестьянском потребителе централизовать заказы нельзя. Прежде чем об этом говорить, нам надо приложить все усилия к вовлечению в кооперацию всего населения, а главное — рабочего класса и крестьянства, и только тогда, когда рабочий класс и крестьянство будут перед нами стоять как организованные потребители и когда этот потребитель свяжется с нашей промышленностью, — тогда не надо будет и никакого декрета, ибо мы и без декрета будем знать нашего заказчика.

— А теперь, — заключил Владимир Ильич, — следовало бы вам, работникам заводских комитетов, как можно больше уделить внимания организации отпора нападающим белогвардейцам и проявить наибольшее участие в борьбе с внутренней контрреволюцией и саботажем.

Из высказанной Владимиром Ильичем еще в 1918 году мысли мы видим, как его гений в условиях жесточайшего саботажа и контрреволюции уже предвидел необходимость для нашей промышленности смычки с крестьянством через кооперацию.

«В. И. Ленин во главе великого строительства». М., Политиздат, 1960, стр. 60—62.

Р. ТЕРЕХОВ.

Роман Яковлевич Терехов. Родился в 1890 году в Донбассе, в семье потомственных шахтеров. С раннего детства начал работать в шахте. Здесь же, в Донбассе, в 1906—1907 годах впервые принял участие в революционном движении. В 1912 году вступил в Коммунистическую партию, был одним из организаторов Юзовско-Макеевского комитета РСДРП(б). Активный участник Октябрьской революции, гражданской войны и освобождения Украины от интервентов. В советское время находился на ответственной партийной, профсоюзной и хозяйственной работе. неоднократно избирался членом ЦК КП Украины, членом Политбюро ЦК КП Украины, членом ЦК и ЦКК ВКП(б), был делегатом XII, XV, XVI, XVII и XXII съездов Коммунистической партии. В настоящее время персональный пенсионер.

«ВАШ СОЮЗ БУДЕТ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ПЕРЕДОВЫХ...»

События, связанные с восстановлением Донбасса после гражданской войны и образованием под руководством и при участии В. И. Ленина союза горнорабочих, — самая яркая и памятная страница моей жизни.

Лето 1918 года... В Донбассе, как и на всей Украине, бесчинствуют германские оккупанты и контрреволюция. В это тяжелое время создается Коммунистическая партия Украины. Ее лучшие предста-

вители, подпольщики, впервые собираются на свой съезд.

Он проходил 5—12 июля в Москве, так как на Украине невозможно было в тот момент провести такое массовое собрание. Несмотря на сложную, опасную обстановку (в эти дни возник мятеж «левых» эсеров), В. И. Ленин внимательно следит за работой съезда украинских коммунистов, принимает в Кремле их делегацию.

После съезда Центральный Комитет Коммунистической партии Украины решил направить на подпольную работу в Донбасс группу товарищей. Мне и старому харьковскому подпольщику И. И. Шварцу (Семену) поручено было возглавить данную группу. В связи с этим В. И. Ленин пригласил Шварца и меня на беседу в Кремль. Он встретил нас очень приветливо, усадил в кресла и сразу засыпал множеством вопросов. Ленин подробно интересовался положением дел на Украине, особенно в Донбассе, спрашивал: много ли шахтеров ушло в Красную Армию, в деревню? Разрушены ли шахты? Как думаем наладить подпольную работу? Без Донбасса социализм построить нельзя, заметил он, это единственная у нас угольно-металлургическая база.

Затем разговор коснулся разногласий, связанных с Брестским миром. О выступлениях украинских «левых» Владимиру Ильичу подробно рассказал И. И. Шварц, избранный на I съезде членом ЦК Компартии Украины. Ленин опасался авантюры со стороны «левых» коммунистов, поскольку они уже предпринимали попытки сорвать мир с немцами. Но он не навязывал нам своего мнения, не поучал, а соглашался с нашими предложениями или отвергал их с убедительными доводами.

Эта дружеская беседа с Лениным, хоть и была недолгой, запомнилась навсегда. Мы получили огромную душевную зарядку, еще раз проверили свои взгляды и были полны желания продолжать борьбу с контрреволюцией. Кстати, делегаты нашего съезда решительно действовали при подавлении мятежа «левых» эсеров в Москве. Разъехавшись потом по местам, мы стремились донести до сознания масс идеи Ленина, партии, революции.

В 1920 году, по мере освобождения Донбасса от интервентов и белогвардейских полчищ, началось восстановление шахт и рудников. Сразу же возникла необходимость воссоздать рабочую организацию — союз горняков. Бывшие члены рудничных комитетов, вчерашние красноармейцы, матросы, подпольщики на своих собраниях избрали делегатов на I учредительный съезд горнорабочих. В ожесточенных схватках с врагами мы хорошо узнали, кто друг и кто недруг Советской власти, поэтому подавляющее большинство делегатов от Донбасса были коммунисты и сочувствующие им. Они знали нужды рабочих, условия работы и были достойными представителями горняков.

Съезд собрался в Москве 1 апреля 1920 года. На нем присутствовало 173 делегата, представлявших около 200 тысяч рабочих горной промышленности. Партия и Советское правительство во главе с Лениным многого ожидали от этого съезда. Страна остро нуждалась в топливе, а добыча угля была мизерной даже по тем временам: в марте Донбасс дал 24 миллиона пудов угля, в апреле — только 13,8. А ведь до первой мировой войны здесь добывалось свыше миллиарда пудов.

Поэтому в выступлениях делегатов прежде всего звучала забота о том, как повысить выработку топли-

ва. Все силы, всю энергию, весь героизм труда на увеличение добычи угля! — таков был лозунг съезда.

К концу заседаний стало известно, что перед делегатами выступит Ленин. Мы от души радовались предстоящей встрече, возможности послушать речь вождя партии и государства. И когда появился Владимир Ильич, горняки встретили его восторженной овацией.

Передав съезду приветствие от имени Совета Народных Комиссаров, Ленин сразу начал говорить о главном:

«Вы, конечно, все знаете, что без угольной промышленности никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы немислимы. Уголь — это настоящий хлеб промышленности, без этого хлеба промышленность бездействует, без этого хлеба железнодорожный транспорт осужден на самое жалкое положение и никоим образом не может быть восстановлен; без этого хлеба крупная промышленность всех стран распадается, разлагается, поворачивает назад к первобытному варварству, и теперь, даже в странах, гораздо более передовых, чем Россия, гораздо менее потерпевших от войны, чем Россия, даже в странах-победительницах, угольный голод и кризис сказываются самым мучительным образом. Тем более для нас необходимо, чтобы товарищи, которые съехались теперь для создания прочного, сильного, могущественного и сознательного союза горнорабочих, — чтобы они со всей ясностью себе представили, какие громадные задачи вся Советская республика, вся рабоче-крестьянская власть возлагает на этот съезд, возлагает на горнорабочих...»

Ленин непосредственно связывал эти задачи с общей политикой Советской власти, с укреплением

диктатуры пролетариата, которая должна была обуздать мелкобуржуазную стихию. Он считал необходимым посредством профессиональных союзов создать такую товарищескую дисциплину, которая была у нас в Красной Армии, и был убежден, что горняки покажут образец такой дисциплины.

«Ваш союз,— выразил уверенность Владимир Ильич,— будет одним из самых передовых союзов, получив на это всю помощь государственной власти, которую мы только сможем дать».

Речь Ленина стала программой действий не только профессионального союза горнорабочих, но и всех трудящихся Донбасса, других горнодобывающих районов страны, партийных и советских организаций.

Вернувшись со съезда, делегаты широко ознакомили рабочих с содержанием этой речи, стали организаторами ударной работы. Шахтеры Донбасса (я находился в то время на партийной работе в Юзовском округе) сразу же откликнулись на призыв Ленина увеличением добычи угля, хотя в тех условиях это нелегко было сделать. Уголь рубили только вручную, шахты были полуразрушены, механизации — почти никакой. Однако энтузиазм людей был настолько велик, что уже в мае Донбасс дал 18,6 миллиона пудов, в июне — 25,5 миллиона. Правда, в дальнейшем выработка колебалась — была и выше, и ниже этой цифры. Рост производительности труда был ограничен, не разрабатывались пока и новые месторождения. Угольная промышленность нуждалась в коренной реконструкции.

Партия и правительство во главе с Лениным делали все возможное для помощи Донбассу. Если просмотреть хотя бы основные документы, подписанные Лениным в 1920, 1921, 1922 годах, то ста-

нет ясно, что угольная промышленность все время была в поле зрения ЦК и Совнаркома.

VIII съезд Советов установил на 1921 год первый план добычи угля по Донецкому бассейну — 600 миллионов пудов, в среднем по 50 миллионов пудов в месяц. Но контрольные цифры не были достигнуты. Более того, со второго квартала выработка стала падать: в апреле она составила 30 миллионов пудов, в мае еще меньше, а в июне всего 9 миллионов пудов.

Сознательные рабочие трудились самоотверженно. Вот характерный факт: по инициативе профсоюза 5 мая 1921 года был организован Вседонецкий воскресник, и за один день на-гора был выдан миллион пудов угля. Но этот трудовой героизм не мог преодолеть ряда объективных причин экономического характера.

В Донбассе сокращалось число шахтеров. В январе 1921 года их насчитывалось 132 тысячи, а в августе осталось только 106 тысяч. Люди уходили в деревню, где легче было прокормить семью. Трудности с питанием, с жильем сказались и на производительности труда. В отдельные периоды она снижалась в два-два с половиной раза.

Мы видели эти тревожные явления, но сделать почти ничего не могли. Хуже того, отдельные хозяйственные руководители поддались панике. Во многом виноват был Пятаков, возглавлявший тогда Центральное правление каменноугольной промышленности (ЦПКП). Он не желал считаться с условиями развития экономики Донбасса, с положением трудящихся. Кроме того, Пятаков не нашел общего языка с профсоюзом горнорабочих, в частности по вопросам рабочего снабжения. Он считал, что снабжение рабочих должно быть полностью централизо-

вано, передано в руки администрации шахт при полном устранении от этого дела профсоюзных органов. Трения между Пятаковым и профсоюзами усугублялись из-за чрезмерного администрирования ЦПКП и Южного бюро союза горнорабочих.

В письме И. Т. Смилге, который был тогда председателем специальной комиссии СТО по восстановлению топливной промышленности, В. И. Ленин предложил ряд серьезных мер помощи Донбассу. Он считал, что развитие промышленности теснейшим образом связано с сельским хозяйством, с правильным товарооборотом. Надо было учитывать нужды рабочих и крестьян. Ведь отлив рабочей силы чаще всего падал на период полевых работ. В связи с этим Владимир Ильич замечал: «Надо принять особые меры, чтобы и Пятаков и весь его аппарат направили свои силы на подъем местного земледелия и на товарообмен с крестьянами... Вообще крайне неправильно, что правление каменноугольной промышленности рассматривает себя вне связи с земледелием Донецкой губернии».

Ленин считал крайне важным общими усилиями профсоюза горнорабочих, а также местных партийных и хозяйственных работников «добиться не только быстрейшего сбора продналога, но и приобретения несомненно больших количеств продовольствия путем товарообмена, поставленного правильно, как товарообмена на соль, так и товарообмена хлеба на уголь».

Но это была одна сторона дела. Не менее важным Ленин считал подъем производительности труда в угольной промышленности. На запрос Владимира Ильича о возможности механизировать добычу топлива и облегчить труд забойщиков специалисты Главугля ответили, что применять врубовые

машины в Донбассе нецелесообразно. В том же письме к председателю комиссии СТО от 22 августа 1921 года В. И. Ленин говорит: «...Я имею точный и подробный отзыв специалистов (этот отзыв, как выяснилось позже, явно ввел в заблуждение членов правительства — *Р. Т.*), что в Донбассе не могут по целому ряду причин пустить в ход даже тех врубовых машин, которые там уже имеются, и что покупка новых врубовых машин совершенно нерациональна... Прошу Вас обстоятельно изучить этот вопрос при помощи настоящих специалистов, вполне хорошо знающих дело».

По предложению Ленина в Москве в конце августа 1921 года было созвано особое совещание по вопросу о восстановлении промышленности в Донбассе. Совещание вынесло решение привлечь все силы на восстановление крупных, технически наиболее совершенных рудников. Мелкие же и средние копи намечено было сдавать в аренду частным предпринимателям. В области тарифной политики рекомендовалось широко применять премиальную систему. Для устранения продовольственных затруднений был намечен завоз достаточного количества продуктов по дешевым ценам.

С помощью партии и правительства продовольственное положение Донбасса значительно улучшилось. Местные партийные и профсоюзные работники широко развернули агитацию среди рабочих, покинувших шахты, призывая их стать на добычу угля. В. И. Ленин внес конкретные распоряжения и в это дело. В телеграмме за подписью председателя СТО и секретаря ЦК РКП(б) говорилось: «При агитации разъяснить: 1) полную обеспеченность хлебом; 2) введение новых правил оплаты труда продовольствием и деньгами по производи-

тельности, с упразднением уравнильных выдач продовольствия и денег; 3) от возвращения рабочих в значительной мере зависит успех продкампании [на] Украине, тормозящейся недостатком топлива для продовольственных перевозок».

После упомянутого совещания в Госплане при Донецком губернском экономическом совещании (Донгубэко) была создана Комиссия по использованию мелкой каменноугольной промышленности (КИМКП). Меня назначили уполномоченным КИМКП по Юзовскому горному округу.

Комиссия имела право самостоятельно сдавать в аренду частникам мелкие и средние шахты. Условия аренды определялись особым соглашением, а профсоюз заключал коллективный договор с предпринимателем об условиях труда и заработной платы. Эти меры помогли несколько увеличить добычу угля и смягчить топливный кризис. Однако нашлись специалисты, которые категорически выступали против эксплуатации мелких шахт, «крестьянских дудок», как их тогда называли. На этой почве между Центральным правлением каменноугольной промышленности и КИМКП возникла острая, принципиальная борьба.

Председатель КИМКП А. Ф. Радченко и я были вызваны в Москву и приняты В. И. Лениным. Беседа с вождем проходила в Кремле и оставила самое яркое, самое значительное впечатление, которое я когда-либо испытывал. Некоторые ее детали, к сожалению, стерлись в памяти, но основное содержание разговора незабываемо.

Прямо, как говорится, с порога Владимир Ильич с иронией спросил нас:

— Ну, как, мало-помалу прошел испуг у паникеров? Шарахнулись в сторону, думали, мы сдаем

позиции? И впредь надо разоблачать паникеров, старающихся внушить людям, будто гибнут завоевания Октября.

Ильич живо стал расспрашивать о положении дел в Донбассе. Особенно интересовал его рабочий контроль на шахтах, которые были сданы в аренду частникам. Радченко успокоил: шахтеры, дескать, народ бывалый, в обиду себя не дадут.

Ленин согласился, но все же посоветовал внимательно следить за достоверностью отчетов, представляемых арендаторами, за правильной ведением горных работ, особенно за техникой безопасности. Нельзя оставлять рабочих на произвол капиталистов, подчеркнул он, хотя бы и мелких. Профсоюз так должен поставить работу, чтобы вся деятельность предприятия была ему подконтрольна.

Владимир Ильич поинтересовался отпускной ценой угля, добываемого на шахтах арендаторов и на государственных. К стыду своему, мы не могли дать ему толкового ответа на этот вопрос. Ленин сказал, что цену угля надо знать обязательно, причем сравнивать ее с довоенной, чтобы иметь правильное суждение об экономической целесообразности аренды и установления налога.

— Прошу вас обстоятельно изучить этот вопрос, — еще раз подчеркнул он.

Затем разговор зашел об использовании врубных машин. Ленин повторил нам отрицательный отзыв специалистов из Главугля и попросил высказать свое мнение. Я сказал, что, судя по всему, специалисты неверно ориентировали правительство. С точки зрения как геологии, так и технических данных машин имеется полная возможность использовать их на всех пологих пластах, кроме разве группы самых маломощных пластов (тогда я еще не

знал, что врубовые машины можно применять и на крутопадающих пластах). Об этом свидетельствовал и зарубежный опыт...

Владимир Ильич очень оживленно заметил:

— Очевидно, врубовые машины, которые имеются в Донбассе, не применяются потому, что специалисты не хотят с ними возиться: «Дело, мол, новое...» — И тут же спросил: — Сколько рабочих-забойщиков может заменить одна врубовая машина?

Мы назвали примерную цифру: 12—15 забойщиков.

— Да, дело это очень нужное.

Владимир Ильич поднялся. Мы тоже встали, собираясь уходить. Но Ленин вновь обратился к работе шахт, подведомственных КИМКП. Его интересовало, сколько угля имеется на складах, как организована вывозка там, где нет подъездных железнодорожных путей, нет ли саботажа и продажи угля на сторону?.. И вновь энергично советовал: арендаторы шахт обязаны точно и в срок отчитываться перед КИМКП. Их работа постоянно должна находиться под общественным контролем... На шахты надо выделять лучших партийных и профсоюзных работников, которые могли бы стойко защищать интересы рабочих. Арендаторов следует поставить в такие условия, чтобы они были обезврежены, и в то же время не подавлять их инициативы в увеличении добычи угля.

Косность и нерешительность в политике недопустимы, продолжал он свою мысль. Надо помнить и разъяснять, что передача мелких и средних шахт в аренду частникам является временной мерой. Мы делаем шаг вперед, а не назад.

— Почаще напоминайте об этом рабочим, — сказал Владимир Ильич на прощание. — Почаще их

информируйте о положении дел, не скрывая трудностей.

Мы выходили из кабинета Лепина взволнованные, с ясным представлением о том, что от нас требуется в дальнейшем. Было огромное желание так организовать работу, чтобы в ней нашли отражение все ленинские советы.

После ряда консультаций В. И. Ленин вновь обратился с письмом в Главуголь ВСНХ: «Я прошу совершенно точно и определенно сообщить точку зрения Главугля на целесообразность применения врубовых машин... Также сообщите, где можно и где лучше купить врубовые машины — в Германии или Англии и как скоро это можно провести».

Поразительна настойчивость Владимира Ильича в достижении цели. Он направляет письмо в Центральное правление каменноугольной промышленности: «Повторяю свою просьбу — дважды в неделю телеграфировать мне о фактической помощи Донбассу. Настаиваю на исполнении этой просьбы». Ленин поручил С. Г. Струмилину два раза в месяц подводить итоги роста производства в Донецком бассейне.

Благодаря огромному вниманию вождя партии и государства к развитию угольной промышленности, благодаря его решительным действиям горняки постепенно преодолевали трудности восстановительного периода и увеличивали добычу топлива.

Профсоюз горнорабочих в тесном контакте с хозяйственниками, специалистами неизменно выступал организатором соревнования, поощрял лучшие коллективы, подтягивал отстающих. Начали использоваться наконец и врубовые машины, о которых столько хлопотал Ильич. Их применение значительно повысило производительность труда на шахтах.

Во всей своей деятельности по руководству партией и государством Ленин опирался на практический опыт масс. Мы впервые в истории прокладывали путь к социализму, и поэтому так высоко ценил Владимир Ильич каждое хорошее начинание, образцы умелого хозяйствования, хорошей организации труда. Опыт масс был для него высшим критерием правильности всех наших шагов в строительстве нового общества, и Ленин гневно бичевал тех деятелей, которые «теоретизировали», сочиняли надуманные тезисы и платформы, отвлекая партию и профсоюзы от решения практических задач, от изучения и распространения делового опыта.

Эта ленинская черта особенно ярко проявилась во время дискуссии о профсоюзах.

В январе 1921 года собрался II Всероссийский съезд горнорабочих. В Москву приехали многие кадровые шахтеры, участники гражданской войны, старые большевики. Были и представители трудовой интеллигенции, специалисты. Всех их объединяло горячее стремление быстрее восстановить нашу горнодобывающую, угольную промышленность, в достатке обеспечить страну топливом.

С большой радостью мы узнали, что перед открытием съезда на заседании коммунистической фракции выступит Ленин. Наш союз, как и призывал Владимир Ильич, стал одним из передовых, твердо стоял на позициях большевистской партии. Из 340 делегатов съезда 229 были членами РКП(б). И не случайно, видимо, в этот острый момент, когда Троцкий, Бухарин, Шляпников и прочие фракционеры вели дело к расколу партии, Ленин решил выступить с докладом о роли и задачах профессиональных союзов именно перед горняками. Когда он вошел в зал, делегаты-коммунисты встали в едином

порыве, раздались бурные аплодисменты, возгласы «ура!». Дружно все запели «Интернационал».

— У нас нет другой опоры, кроме миллионов пролетариев, — говорил Владимир Ильич. Этой мыслью, заботой о единстве партии и ее неразрывной связи с профсоюзами, со всем рабочим классом был проникнут весь доклад. — Если партия раскалывается с профессиональными союзами, тогда партия виновата, и это наверняка гибель Советской власти.

Ленин дал резкую отповедь троцкистам, пытавшимся противопоставить партию профсоюзам, развивавшим дух неприязни к профсоюзным работникам. Он высмеял и сторонников Шляпникова с их синдикалистскими замашками, идеями передать управление производством съезду производителей. И те, и другие занялись, по выражению Владимира Ильича, производством худых тезисов вместо изучения практического опыта профсоюзной работы, участия профсоюзов в управлении народным хозяйством, в воспитании пролетариата и крестьянской массы. По примеру нашей партии, говорил Ленин, коммунисты в других странах разоблачают синдикализм и рвут с ним, профсоюзы признают руководящую роль партии. А мы через три года после социалистической революции говорим о синдикализме, возмущался он, это позор. Если бы мне сказали полгода тому назад, что я буду писать о синдикализме, то я бы лучше написал о Донбассе. А теперь нас отвлекают и тащат партию назад.

Представители «рабочей оппозиции» явно спекулировали лозунгом борьбы с бюрократизмом. Не желая считаться с отсталостью страны, только что сбросившей иго самодержавия и капитала, они призывали немедленно покончить «с бюрократизмом

государства и народного хозяйства». Ленин назвал такие призывы демагогией. Партия и правительство видели опасность бюрократизма и принимали последовательные меры, чтобы избавиться от этой злейшей болячки. В частности, большой доклад о борьбе с бюрократизмом был обсужден на VIII съезде Советов, который принял специальное постановление по этому вопросу.

— С бюрократизмом мы будем бороться долгие годы, — говорил Владимир Ильич в заключительном слове по докладу на заседании коммунистической фракции съезда горнорабочих, — и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, пужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие в Рабоче-Крестьянской инспекции.

Владимир Ильич вновь и вновь повторял: мы должны опираться не на лозунги, а на факты, изучать практический опыт на местах: опыт хозяйствования, участия профсоюзов в управлении производством и государственными делами, опыт культурного строительства. Этот опыт масс и есть та жизненная основа, которая позволит с наименьшими ошибками, с наибольшей пользой идти неизведанным путем к социализму. Ленин постоянно обращался к практике, называл отрасли промышленности и профсоюзы, где лучше организовано производство, точнее налажен учет, строже контроль, и призывал других изучать эту практику, распространять ее по возможности шире.

Слушая страстную речь В. И. Ленина на съезде профсоюза, мы особенно остро ощутили ленинскую правоту и огромную важность всех наших практических шагов к налаживанию жизни по-новому.

«Такая работа требует изучения и опыта,— обращался к нам Ленин.— Вы, профессионалисты, вы, горнорабочие, своим делом заняты. Позвольте, если вы этим делом занялись, то допросите, потребуйте цифр, проверьте двадцать раз... и тогда скажите, что вышло. Если вышло хорошо, двигайтесь вперед, если плохо — двигайтесь назад. Это работа, а не говорение».

В небольшом по времени докладе Ленин сумел с предельной ясностью вскрыть корни оппортунистических взглядов на роль профсоюзов и отношение к ним правящей партии. И у нас не было даже тени сомнения в правоте Ленина, когда он сказал, что весь синдикалистский вздор нужно бросить в корзину для ненужной бумаги, а практические положения изложены в «платформе десяти», которая является проектом постановления X съезда РКП(б).

— Я уверен,— говорил в заключение Владимир Ильич,— что все сознательные рабочие примут эту платформу, и теперешние расхождения в нашей партии останутся лихорадкой верхов, а рабочие их поправят, останутся на своем посту, дисциплину партии отстоят и во что бы то ни стало дружной, практической, деловой, осторожной работой производство повысят и полную победу нам дадут.

Эти слова Ленина утонули в бурных аплодисментах. Делегаты горнорабочих выражали полное согласие с точкой зрения членов Центрального Комитета партии. Ораторов, выступавших после Ленина и выдвигавших негодные, надуманные платформы, встречали негодующими возгласами, не слушали до конца. При голосовании подавляющее большинство делегатов высказалось за ленинскую «платформу десяти». Оппортунистические взгляды троцкистов, бухаринцев, «рабочей оппозиции», «де-

цистов» и прочих были решительно отвергнуты и осуждены. Подобное единодушие проявилось не только на заседаниях фракции, но и на самом съезде. Решения съезда сыграли большую роль в сплочении горнорабочих вокруг партии, в преодолении фракционных действий. Профсоюзные организации на местах получили много ценных материалов для практической работы.

В последние дни работы съезда группа делегатов обратилась к тов. Артему (Сергееву), председателю ЦК нашего союза, с предложением — попросить Владимира Ильича сфотографироваться с делегатами. Тов. Артем позвонил в Кремль, и Ленин, хотя и не любил фотографироваться, к нашему большому удовольствию, согласился. Собрались мы в Кремле, перед зданием правительства. Падал снег. Опасаясь за четкость снимков, фотограф разделил делегатов на две группы. Процедура немного затянулась, мы волновались, что отнимаем у Ленина дорогое время. Но он не возражал, был в отличном настроении, оживленно беседовал и шутил с товарищами.

Эти памятные снимки делегаты увезли с собой в самые разные уголки Родины — туда, где добывались руда, уголь, торф. Как и в тот снежный февральский день, Ленин всегда был с нами, в наших сердцах, мыслях и делах, отданных борьбе за торжество социализма.

И. ГЕРМАНОВ.

Иван Степанович Германов. Родился в 1887 году в семье крестьянина Тверской губернии. В революционном движении начал участвовать с 1912 года, работая на вагоностроительном заводе в Твери (ныне Калининский вагоностроительный завод). В члены большевистской партии вступил в июне 1917 года. Участник Февральской и Октябрьской революций в Петрограде. В октябре 1917 года — комиссар Петроградского почтамта. После революции — командир продовольственного отряда. В дальнейшем был на ответственной партийной и советской работе. В 1941 году в составе народного ополчения защищал Москву. Ныне персональный пенсионер.

КАК СОЮЗ СТАЛ БОЛЬШЕВИСТСКИМ

В. И. Ленин рассматривал средства связи как одно из важнейших достижений человеческой культуры, без использования которых невозможно построение нового общества: «Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза», — говорил он.

В наши дни средства связи поднялись на небывалую техническую высоту и надежно служат делу строительства коммунизма. Но полвека назад эта отрасль хозяйства была еще чрезвычайно слабо развита, и связисты вовсе не представляли собой такого организованного и высококультурного отряда рабочих и специалистов, каким являются сейчас.

С 1912 года я работал письмоношцем в 12-м почтово-телеграфном отделении Петербурга. Тяжел и однообразен был тогда труд связистов. Чрезмерно длительный рабочий день, полное отсутствие транспорта, низкая заработная плата, общественное и личное бесправие — все это низводило письмоношцев до положения бессловесных исполнителей приказов начальства. А эти приказы порой доходили до издательства. Помню, заведующий нашей командой Маутин приказал почтальонам приобрести за свои деньги плащи. Некоторые, и я в том числе, не имея денег, не смогли купить плащей. Тогда Маутин не допустил нас к работе. Только благодаря солидарности товарищей, отказавшихся от разности почты, пока не будут удовлетворены общие требования, мы смогли продолжать работу, а начальнику пришлось отменить свое решение. Такие столкновения с администрацией подсказали нам необходимость организации собственного профессионального союза.

Союз почтово-телеграфных работников Петрограда начал складываться в первые дни Февральской революции, когда к политической жизни потянулись широкие массы населения. Первое собрание представителей почтово-телеграфных отделений состоялось 28 февраля 1917 года. Его организатором был Карл Кадлубовский, один из первых большевиков-связистов, сплотивший вокруг себя группу единомышленников. На собрании шла речь об организации местных комитетов при отделениях и состоялись выборы постоянных делегатов в совет при Главном почтамте. Кадлубовский сделал доклад о текущем моменте и выдвинул задачу объединить связистов в единый профсоюз.

На собрание явилось несколько чиновников, которые держались особняком. Они не желали объеди-

няться в один союз с письмоноссцами. Среди последних также были противники единого союза, и по этому поводу возникло много споров. В дальнейшем чиновники, в большинстве своем примыкавшие к кадетам, меньшевикам и эсерам, попытались создать свой профсоюз, но он просуществовал не более месяца, и основная масса чиновничества вошла в единый союз почтово-телеграфных служащих. Это, несомненно, послужило одной из причин той ожесточенной внутренней борьбы, которая развернулась впоследствии внутри нашего союза.

На первом собрании был избран исполнительный комитет союза, в который вошли Кадлубовский, Красильников, Смирнов, Рачковский и другие товарищи — все почтальоны. Меня также избрали в состав исполкома. Через несколько дней мы выпустили революционное воззвание ко всем служащим почты и телеграфа, призывая их вступать в наш союз и бороться за свои права.

Центром массовой работы стал политический клуб работников связи, который был создан в реквизированной после Февральской революции квартире Похвиснева, бывшего начальника Главного управления почт и телеграфа. Здесь читались доклады и лекции, продавалась политическая литература. В середине мая 1917 года вышел первый номер нашего журнала «Почтово-телеграфная трибуна». Комитет Российской социал-демократической рабочей партии большевиков 2-го Городского района Петрограда часто присылал нам докладчиков. Мы хорошо знали ленинские лозунги по отношению к Временному правительству, империалистической войне и все более сознательно участвовали в революционной борьбе.

В мае — июне на Петроградском почтамте образовалась партийная ячейка. Около 30 работников

почты и телеграфа к этому времени вступили в партию большевиков.

В те дни среди связистов часто бывала Надежда Константиновна Крупская. Она проводила беседы, организовала кружок текущей политики. Однажды я встретил Надежду Константиновну на Кирочной улице, где брал литературу для партячейки. Она спросила:

— Для кого берете литературу?

— Беру для большевиков, распространяю на партсобраниях.

— Почему только для членов партии? Откуда же узнают правду о большевиках другие связисты?

Я ответил, что у нас мало средств. Крупская посоветовала организовать продажу книг у входа в Главный почтамт для всех желающих.

— Для этого я открою вам кредит, — предложила она.

Я получил столько литературы, что пришлось нанимать извозчика. Партийное слово зазвучало сильнее. Среди почтальонов популярна была большевистская «Правда», многие из нас распространяли ее, собирали средства в фонд партийной газеты. Я собрал только за июль 1917 года по нашему почтово-телеграфному отделению 50 рублей.

Чем больше убеждались массы в контрреволюционности политики Временного правительства, тем сильнее разгоралась классовая борьба. Размежевание сил произошло и в нашем профессиональном союзе. На II Всероссийском съезде работников связи в Москве был избран ЦК союза — Цекапотель, который целиком захватили в свои руки эсеры. Мы надеялись, что избранный ЦК в связи с образованием Всероссийского союза с новой силой начнет борьбу за экономические и политические интересы

трудящихся, а получилось наоборот: эсеры шли в одной упряжке с буржуазией.

Острая борьба между большевиками и соглашательскими партиями развернулась на 3-й Всероссийской конференции профсоюзов. Она проходила 21—28 июня 1917 года на Васильевском острове. Я был на ней представителем от Петроградского союза почтово-телеграфных служащих. Эсеро-меньшевистское большинство делегатов во главе с Гриневичем всячески поносило партию большевиков, клеветало на Ленина.

Владимир Ильич считал, что данную конференцию профсоюзов следует использовать прежде всего для разоблачения предательской политики меньшевиков и эсеров, для освобождения рабочих и служащих от их влияния и мобилизации масс на борьбу за власть Советов.

Делегаты-большевики так и поступали. Они дали бой соглашателям по всем вопросам, обсуждавшимся на конференции. Если меньшевики твердили о государственном контроле Временного правительства над производством, то большевики отстаивали ленинскую идею рабочего контроля, решительной борьбы с предпринимателями. В противовес лживому лозунгу «нейтральности» профсоюзов они убедительно доказывали, что ни одна рабочая организация, ни один союз не могут быть нейтральными в борьбе со своим классовым врагом. Хотя по важнейшим вопросам на конференции были приняты обтекаемые соглашательские решения, она многому научила рабочих делегатов, убедила нас в правоте большевистской политики, укрепила силы для дальнейшей борьбы.

На выборах в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов наша партийная ячейка решила не вступать ни в какие соглашения с другими

партиями и выставила самостоятельный список кандидатов. Решение оказалось правильным. Эсеры и меньшевики настолько уже скомпрометировали себя в глазах трудящихся, что их кандидаты, даже объединившись в блок, получили меньше голосов, чем большевики. Среди десяти депутатов Совета, избранных служащими Главного почтамта и его отделений, было пять большевиков, два эсера, один меньшевик и два беспартийных депутата, сочувствовавших большевикам.

Правда, оппортунистам удалось захватить руководство в союзе почтово-телеграфных служащих. Но мы не теряли надежды выдворить их оттуда. Наступала пора решительной схватки с буржуазией, и важно было сделать большевистскими все массовые рабочие организации.

После июльских событий руководители партийной ячейки почтамта перешли на нелегальное положение. Но в дни наступления Корнилова на Петроград все большевики-связисты действовали уже открыто и сформировали красногвардейский отряд для борьбы с контрреволюцией. После поражения корниловцев наша ячейка возросла числом и окрепла, среди связистов стало гораздо больше сочувствующих большевикам.

Накануне Октября секретарь 2-го Городского райкома РСДРП(б) тов. Харитонов поручил нам подготовить учреждения связи к вооруженному восстанию. На собрании партийной ячейки была создана вооруженная инициативная группа, члены которой установили дежурство для охраны почтамта. Кроме того, 24 октября районный Совет прислал нам отряд красногвардейцев. 25 октября почтамт полностью перешел в руки восставших, был образован революционный комитет во главе с Кадлубовским.

Я тоже вошел в состав ревкома, а позднее был назначен комиссаром почтамта.

Несмотря на то, что реакционно настроенные чиновники из почтового ведомства призывали к саботажу, большинство служащих почти сразу заявило о поддержке Советской власти, организованно продолжало работу. Сказалась наша разъяснительная работа, проведенная между февралем и октябрем. Сложнее была обстановка на телеграфе и телефонной станции, но большевики Любович, Кадлубовский, Мешковский и другие своими энергичными действиями с помощью революционных солдат и красногвардейцев обеспечили победу и в этих учреждениях. Саботаж чиновников старого министерства, а также эсеровского Цекапотеля был подавлен. Первый советский нарком почт и телеграфа Н. П. Глебов-Авилов с помощью комиссии из членов профсоюза сформировал новый аппарат, который стал руководить работой учреждений связи.

Чем глубже укреплялась Советская власть, тем очевиднее становилась необходимость покончить с эсеровским руководством в ЦК профсоюза почтово-телеграфных работников. Эсеры не предпринимали никаких шагов в пользу революции, открыто выступали против большевиков, призывали работников связи противодействовать Советской власти. В начале 1918 года Цекапотель во главе с правым эсером Кингом, не желая сложить оружия, созвал в Нижнем Новгороде «всероссийский съезд союза работников почт и телеграфа». На этом сборище раздавались откровенные призывы против Советской власти. Более того, по сговору с реакционным Викжелем — Всероссийским исполнительным комитетом профсоюза железнодорожников — эсеры задумали объявить совместную всероссийскую забастовку железнодо-

рожников и почтово-телеграфных служащих, чтобы парализовать действия революционных властей и Красной Армии. На съезде в Нижнем Новгороде они договорились даже создавать в учреждениях связи подпольные стачечные комитеты.

Все это стало известно связистам-большевикам. Революционно настроенная часть Петроградского почтамта выступила с инициативой созвать Всероссийский съезд работников связи для избрания нового ЦК союза, в котором не было бы места контрреволюционерам. К сожалению, это предложение не поддержали организации союза в других городах: засилье эсеров и там давало себя знать. Тогда по настоянию большевиков Петроградского почтамта при поддержке москвичей в феврале 1918 года была собрана Всероссийская конференция почтово-телеграфных работников, стоящих на платформе Советской власти.

На конференцию прибыли 29 делегатов от двенадцати крупнейших организаций союза, в том числе из Риги, Харькова, Томска, Курска. Это было как раз в момент острейшего кризиса в партии и правительстве, связанного с заключением Брестского мирного договора. От большевиков требовалось ясное понимание задач, выдвинутых Лениным, стойкость и выдержка, решительный отпор «левым» авантюристам, стремившимся «революционными» фразами вовлечь страну в пагубную войну с немцами. Эсеровское руководство Цекопотеля тоже включилось в общий антиленинский хор, обвиняя большевиков в «предательстве».

Как депутату Петроградского Совета и комиссару почтамта мне довелось присутствовать на заседании большевистской фракции ВЦИК совместно с партийным активом, которое проходило в Тавриче-

ском дворце 23 февраля 1918 года, а затем и на пленуме ВЦИК. Надо было видеть и слышать, с какой страстью и уверенностью в своей правоте Ленин отстаивал необходимость этого «архитяжелого» мира. Сколько нелепых обвинений бросали ему в лицо «левые» авантюристы! Но Ленин, смертельно уставший и измученный в эти дни и ночи, непоколебимо отвергал обвинения, приводил все новые и новые аргументы в пользу заключения мира с Германией. Последние его слова на пленуме ВЦИК, закончившемся поздней ночью, и сегодня звучат в памяти:

— За или против мира?

— За или против передышки?

— За жизнь или смерть Советской республики?

Задавая эти вопросы, Владимир Ильич с горечью, но непреклонно отвечал:

— За жизнь Советской республики, за сохранение власти Советов, за передышку. Поэтому за мир и даже похабный мир.

После этого началось поименное голосование. Секретарь ВЦИК тов. Аванесов называл фамилии членов ВЦИК, и каждое «за» или «против» эхом отдавалось в притихшем зале. В результате голосования восторжествовало ленинское решение, жизненно важное для Советской республики.

Отзвуки этой острой политической борьбы донеслись и до нашей профсоюзной конференции. Большинство делегатов глубоко возмущалось провокационной деятельностью эсеровского Цекапотеля, требовало его немедленного разгона. В адрес конференции поступило несколько сообщений от местных организаций, в которых также выражались протесты против контрреволюционной политики профсоюзных лидеров. В единогласно принятой резолюции было записано, что Всероссийская конференция предста-

вителей организаций и групп почтово-телеграфных служащих, стоящих на платформе власти Советов, в тяжелый момент всеобщей государственной разрухи и злостного саботажа буржуазии обещает рабоче-крестьянскому правительству поддержку во всех начинаниях, направленных на закрепление и углубление социалистической рабоче-крестьянской революции.

Конференция объявила распущенным эсеро-меньшевицкий ЦК союза почтово-телеграфных работников и избрала временный Центральный революционный комитет, который должен был подготовить созыв III Всероссийского съезда работников почты и телеграфа. Всем местным организациям союза было предложено согласовывать свои действия с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Контрреволюционный Цекапотель, однако, не подчинился нашему решению и продолжал подпольную борьбу против Советской власти. Но дни его были сочтены. 26 апреля 1918 года в Москве собрался Всероссийский съезд почтово-телеграфных работников, названный первым пролетарским съездом в знак полного разрыва с враждебным Советской власти предыдущим руководством союза. Вместе с другими товарищами я был избран делегатом на этот съезд от Петроградского союза связистов.

На съезде было еще довольно много «левых» эсеров и сочувствовавших им, были и анархисты-синдикалисты. Но руководящая роль, бесспорно, принадлежала большевикам. Мы отстаивали ленинские идеи о профсоюзах, которые должны были самым активным образом участвовать в реорганизации всей хозяйственной жизни на началах социализма. Эсеры и анархисты пытались протащить старые лозунги о

«классовой самостоятельности» пролетариата, противопоставить почтово-телеграфных работников Советской власти. Но делегаты-большевики дали им достойный отпор. По всем основным вопросам, обсуждавшимся на съезде, были приняты резолюции фракции большевиков. Съезд решительно заявил о своей полной солидарности с массой рабочей и крестьянской бедноты, которая под руководством партии Ленина закрепляла победу социалистической революции.

После этого съезда организации союза связистов стали быстро большевизироваться. Началось энергичное укрепление местных ячеек и комитетов. Союз строился единым, по производственному принципу, с разделением на секции (перевозка почты, телеграф, телефон и т. д.). Это способствовало лучшему обслуживанию государства средствами связи. Крупные организации союза выдвинули из своей среды многих способных администраторов, в том числе работников наркомата. Тем самым профсоюз и осуществлял, говоря словами Ленина, свою роль как неприменный сотрудник государственной власти.

Ф. ТАРАСОВ.

Филипп Тихонович Тарасов. Родился в 1896 году. Выходец из семьи крестьянина-бедняка Тульской губернии, бывший батрак, а впоследствии один из организаторов профессионального союза текстильщиков. В рабочем движении начал участвовать в годы первой мировой войны, будучи рабочим одной из московских текстильных фабрик. В 1917 году вступил в Коммунистическую партию, в составе красновардейских отрядов боролся за установление Советской власти в Москве. После революции находился на руководящей профсоюзной и хозяйственной работе в Москве, Ленинграде, Владимире и других городах, несколько раз избирался депутатом Моссовета. Ныне персональный пенсионер.

«ИЗ КЛАССА УГНЕТЕННОГО СТАТЬ ГОСПОДСТВУЮЩИМ»

В веках не померкнет подвиг российского рабочего класса, который, по выражению Ленина, с геройской смелостью, с революционной беспощадностью сверг иго капитала и кровью своей пробил дорогу к созданию нового общества. Превращение пролетариата из класса угнетенного в класс господствующий в результате победы Октября произошло на наших глазах, в период жизни одного поколения, и навсегда останется в сердце и в памяти народов как величайшее событие XX века.

С рабочими-текстильщиками Москвы, с их профессиональным союзом связана вся моя сознатель-

ная жизнь. Перебирая в памяти события полувековой давности, вспоминая о первых самостоятельных шагах рабочих организаций, я непременно связываю их с партией большевиков, с Лениным. Благодаря настойчивой организаторской и воспитательной работе партии во главе с Лениным текстильщики, как и рабочие других отраслей промышленности, сумели создать и укрепить свою профессиональную организацию, придать ей боевой характер, сплотить свои ряды в рамках этой организации и направить усилия на решение коренных задач социалистической революции.

Московский союз текстильщиков еще до революции пользовался большим авторитетом у рабочих. После февраля 1917 года он вместе с фабрично-заводскими комитетами широко пропагандировал ленинскую идею рабочего контроля над производством и принимал активное участие в ее осуществлении. На фабрике Цинделя, где я работал с 1916 года (сейчас 1-я ситценабивная фабрика), фабричный комитет действовал в отличие от некоторых других фабзавкомов в тесном контакте с профсоюзом текстильщиков, под руководством правления Московского союза и его Замоскворецкого отделения. Общими усилиями фабком и профсоюзные ячейки осуществляли ленинское требование о рабочем самоуправлении: контролировали наем и увольнение рабочих, явочным порядком устанавливали 8-часовой рабочий день, добивались повышения заработной платы, налаживали культурно-просветительную работу. В частности, по требованию фабкома администрация выделила на Дербеневской улице особняк, где наши активисты создали первый в Москве детский сад для детей рабочих. Театр фабрики Цинделя, оборудованный также по настоянию фабкома,

был центром массово-политической и культурной работы не только нашей фабрики, но и всего Кожевнического подрайона Замоскворечья: здесь устраивались делегатские собрания и конференции, митинги, лекции, концерты. В этом театре Московская областная конференция союза текстильщиков в июле 1917 года приняла решение о введении рабочего контроля на всех текстильных предприятиях Москвы и соседних губерний.

В период между февралем и октябрём 1917 года особенно был ощутим подъём классового самосознания рабочих. Объединенные в профсоюзах, они убедительно дали почувствовать предпринимателям силу своей организованности, решимости до конца отстаивать свои интересы.

Как секретарю Замоскворецкого отделения союза мне пришлось тогда участвовать в разработке минимума заработной платы текстильщиков. Требование союза было таково: принять за минимум оплаты труда 8 рублей в день. Владельцы фабрик сразу же отклонили это требование, после чего вопрос о минимуме безрезультатно обсуждался в различных примирительных комиссиях. Тогда Московский союз текстильщиков обратился за помощью непосредственно к министру труда Временного правительства Скобелеву. И вот меньшевистский министр прибыл на делегатское собрание текстильщиков (оно проходило в здании Политехнического музея). Мы в нетерпении ждали-гадали, что же он скажет.

Скобелев под разными предлогами отказался поддержать наше требование о повышении зарплаты: ссылаясь главным образом на то, что в трудное военное время все, дескать, должны жертвовать своими интересами. Делегаты зашумели, заволновались, а секретарь союза Михаил Рыкунов задал вопрос:

— Скажите, кто же у власти — социалисты или капиталисты?

Скобелев отказался отвечать. Раздались крики:

— Долой предателей революции! Долой министров-капиталистов!

Под шум и свист Скобелев ушел с трибуны. Этот факт убедил многих рабочих в правоте Ленина и его сторонников, доказывавших, что эсеро-меньшевистские лидеры предали интересы революции.

Союз текстильщиков решил на революционную меру — осуществить указанный минимум зарплату явочным порядком. Был издан циркуляр № 1, ставший тогда знаменитым, который предлагал всем фабричным комитетам предъявить соответствующие требования предпринимателям и заключить с ними условия-соглашения. Помню, как я зачитывал этот циркуляр на собрании рабочих фабрики Цинделя. Бурными аплодисментами встретили текстильщики смелое решение своего союза. И хотя владельцы фабрики не соглашались установить предложенный минимум, они все же вынуждены были поднять заработную плату мужчинам до 6 рублей в день, женщинам — до 5 рублей. Это была уже победа организованных рабочих.

Московский союз текстильщиков, действовавший под руководством городского комитета партии, принял самое активное участие в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Ночью 26 октября, когда было получено историческое известие из Питера, у нас на фабрике состоялось экстренное объединенное заседание ячейки большевиков и фабричного комитета.

Оно образовало революционный комитет, в который вошли Коротков-Симон, Павлов, Муравьев, Нехорошев, Макаров, Делюсин и другие товарищи.

Меня также избрали в состав ревкома, хотя я всего несколько дней назад был принят в ряды большевистской партии.

Первым актом ревкома было изъятие у администрации ключей от всех помещений фабрики. Ящик с ключами, с указателями номеров цехов и отделов был торжественно внесен в помещение ревкома и передан на хранение ответственному дежурному. Мы быстро разоружили фабричную охрану, ее места заняли вооруженные красногвардейцы.

Когда по призыву Московского городского комитета партии началось вооруженное восстание, отряд красногвардейцев нашей фабрики направился в распоряжение Замоскворецкого штаба Красной гвардии и под его руководством сражался с юнкерами. Мы сформировали также санитарный отряд из женщин-добровольцев, снабдили его медикаментами из фабричной больницы. Многие рабочие-текстильщики проявили героизм и бесстрашие в дни восстания и вместе со всем пролетариатом Москвы обеспечили его победу.

В обращении «К населению» 5 ноября 1917 года В. И. Ленин писал, что революция окончательно победила не только в Петрограде, но и в Москве. За нее встало уже большинство народа во всей стране. «Товарищи трудящиеся! — призывал глава нового правительства. — Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки...

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов... Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием».

И мы на фабрике старались действовать так, как учил Ленин. Хотя администрация оставалась прежней, фабричный комитет взял под свой контроль все управление предприятием. Производство тканей не прекращалось ни на один день, хищений товара не наблюдалось. Рабочие строго соблюдали дисциплину, выполняя условия рабочего контроля: не было ни прогулов, ни опозданий.

Некоторые из приверженцев старых порядков хихикали:

— Эх стараются товарищи...

А как же нам было не стараться! Наша теперь власть, рабочая. И сколько бы ни злорадствовали эти господа, их песенка была спета, к прошлому возврата не могло быть.

Весной 1918 года рабочие-текстильщики оказали мне и еще пятерым товарищам с нашей фабрики высокое доверие — избрали нас депутатами Моссовета. Выборы проходили в острых столкновениях с меньшевиками и эсерами. Но последние настолько скомпрометировали себя в глазах трудящихся, что потерпели полный провал, в частности на нашей фабрике. Депутатами были избраны только большевики и сочувствующие им.

С большим подъемом 23 апреля мы собрались на первую сессию Моссовета нового созыва. Этот день оказался памятным на всю жизнь: на первое заседание приехал Владимир Ильич Ленин и выступил с речью. Не только я, но и многие другие депутаты впервые увидели и услышали вождя революции. Встретили его восторженно, бурной овацией.

Ленин приветствовал новый состав Моссовета и говорил о насущных задачах революции. Нам, рабочим депутатам, особенно близка была его несокрушимая вера в силу российского пролетариата, кото-

рый стал в авангарде всего мирового революционного движения. Ленин не раз повторил, что теперь наступила наиболее трудная, наиболее тяжелая полоса нашей революции. Чтобы выстоять и победить окончательно, необходимо стальное напряжение всех сил, величайшая выдержка. Речь его неоднократно прерывалась аплодисментами: мы всецело одобряли слова вождя, были преисполнены стремления отдать все силы во имя победы революции.

И это не было благим пожеланием. Работать приходилось действительно так, как призывал Ленин. На другой же день после сессии Моссовета мы провели общее собрание рабочих в фабричном театре. Депутаты рассказали о выступлении Владимира Ильича, о задачах революции. Собрание единогласно решило одобрить политику Советского правительства, повысить дисциплину и производительность труда на всех участках производства. Коллектив фабрики напряженно трудился вплоть до весны 1919 года, когда из-за отсутствия сырья и топлива производство было остановлено.

Как члену правления Московского областного союза текстильщиков, в первые годы Советской власти мне пришлось побывать на многих предприятиях столицы и соседних районов. Всюду, преодолевая трудности, текстильщики по-новому организовывали производство, учились управлять без капиталистов и их чиновников, укрепляли внутренний распорядок труда, боролись с лодырями и мешочниками. Московский союз в то время объединял 106 тысяч рабочих. Члены союза горячо поддерживали все начинания в целях развития производства, повышения квалификации рабочих, улучшения их быта. Профсоюз принял активное участие в организации всеобщего военного обучения, мобилизации рабочих в

ряды Красной Армии, в создании так называемой запасной гвардии профсоюзов. Когда ряд текстильных предприятий был остановлен, профсоюзные организации взяли на себя основную заботу о переброске рабочей силы на другие участки трудового фронта — на транспорт, на заготовку топлива. Многие сотни и тысячи членов союза были направлены в продовольственные отряды. Фабричные комитеты возглавили крайне необходимую для здоровья и быта людей перестройку рабочих казарм и барачков под отдельные квартиры и комнаты.

Характерно, что в тот период все коммунисты, выдвинутые в советские или профсоюзные органы, состояли на учете в партийных ячейках по прежнему месту работы. Я также оставался в партийной ячейке на фабрике Цинделя. Такой порядок позволял всегда быть среди рабочих, хорошо знать их настроения, побуждал выдвигать на обсуждение профсоюзных органов самые злободневные вопросы рабочей жизни.

Весной 1920 года, после разгрома основных сил контрреволюции, партия призвала трудящихся энергично взяться за преодоление хозяйственной разрухи. В. И. Ленин в этот период особенно часто выступал перед рабочими: горняками, железнодорожниками, работниками водного транспорта. 7 апреля он произнес свою известную речь на III Всероссийском съезде профсоюзов, где глубоко и всесторонне обосновал задачи массовых рабочих организаций. А через несколько дней, 19 апреля, вождь партии и государства был гостем рабочих-текстильщиков, собравшихся на свой III Всероссийский съезд.

Я в то время работал председателем правления Московского губернского отдела союза текстильщиков и по поручению президиума съезда встречал

В. И. Ленина. Он пришел во время заседания, причем не к парадному, а к боковому входу. Я представился ему, поздоровался и предложил пройти в зал заседаний. Владимир Ильич сказал, что сейчас неудобно: вот когда очередной оратор закончит свою речь, тогда и войдем.

Делегаты съезда встретили Ленина с огромной радостью, долго и бурно аплодировали. Он поблагодарил за приветствие и в свою очередь приветствовал съезд от имени Совета Народных Комиссаров.

Речь Владимира Ильича перед текстильщиками была очень своеобразна; она сочетала в себе и важные теоретические положения, и анализ текущих событий, и практические задачи. В этой речи содержалось одно из глубочайших ленинских определений исторической роли русского пролетариата в жизни всего общества, были обрисованы основные стадии его развития на пути к коммунистическому строю.

Ленин считал необходимым дать такую развернутую картину русского рабочего движения, чтобы мы, профсоюзные активисты, правильно понимали цели и задачи своей работы на современном этапе. Он дважды подчеркнул мысль, что рабочим недостаточно быть только членами своей профессиональной организации. Они должны подняться выше — из класса угнетенного стать классом господствующим. Борьба с капиталом далеко еще не была окончена. Крестьяне по-прежнему хозяйничали поодиночке. Капитализм еще тормозил начинания Советской власти путем мешочничества, Сухаревки и т. п. Этой силе, указывал Ленин, может противодействовать лишь сила рабочих организаций, построенных на новой основе, действующих не в узких производственных рамках, а в интересах всего государства. Созна-

тельные рабочие, по мысли Ильича, должны проникнуть во все поры государственного организма и особенно суметь подойти к крестьянству, организовать его в общих интересах строительства социализма. Крестьянство еще выжидало, колебалось, еще не видело массовых образцов новой общественной жизни. Надо, чтобы оно их увидело. Рабочий класс должен так организовать производство, как он организовал Красную Армию. Тогда крестьянство уверенно пойдет за ним.

— Долой старую замкнутость! — заканчивал Ленин свою речь. — Только тот рабочий достоин быть членом профессионального союза, который проявил себя, как член Красной Армии труда. Пусть будут сотни ошибок, тысячи поражений, мы их не боимся. Надо сказать себе, что лишь стойким пролетарским натиском добьемся победы...

Ленин не закрывал глаза на то, что текстильная промышленность переживала величайшую разруху. Не было сырья, не хватало топлива. В тот момент вождь партии и государства считал необходимым направить рабочих текстильных предприятий на заготовку топлива, чтобы пустить на полный ход все электростанции и обеспечить свои нужды. После заседания, во время беседы (на которой присутствовал и я) с группой делегатов, Владимир Ильич упомянул, в частности, о нашей фабрике Цинделя и выразил уверенность, что вскоре мы будем обеспечены сырьем (Туркестан к тому времени был уже освобожден, и можно было рассчитывать на первый урожай хлопка) и вновь сможем выпускать ткани для населения.

Сразу же после съезда я делал доклад об его итогах на собрании рабочих фабрики Цинделя и, конечно, рассказал о выступлении Ленина и беседе

с ним о нашей фабрике. Собрание единогласно приняло решение: всем встать в ряды трудового фронта и, кроме того, просить руководящие хозяйственные и профсоюзные органы включить фабрику в число первых предприятий, подлежащих пуску. Подобные решения приняли тогда коллективы многих текстильных предприятий Московской губернии.

Тысячи текстильщиков Москвы и Подмоскovie весной, летом и осенью 1920 года, откликнувшись на призыв Ленина, трудились на торфоразработках, на заготовке дров. Несмотря на плохое питание, износившуюся одежду, несмотря на полное отсутствие механизмов и тяжелейшие условия, рабочие самоотверженно трудились на торфяных полях и лесозаготовках. Благодаря этому фабрики и рабочие поселки были полностью обеспечены топливом. Значительная часть его была направлена на электростанции и на транспорт.

10 сентября 1920 года на Московской городской конференции фабричных комитетов текстильных предприятий подводились первые итоги этой работы. Конференция отметила трудовой героизм рабочих-текстильщиков, что позволило обеспечить пуск многих предприятий, и призвала профсоюзные организации добиваться дальнейшего укрепления трудовой дисциплины, роста производительности труда на тех фабриках, которые уже начали действовать.

В связи с тяжелым положением на транспорте московские текстильщики выделили из своей среды значительное число квалифицированных рабочих для ремонта паровозов и вагонов. Постоянно приходилось работать на выгрузке пароходов, барж, вагонов. Для этой цели обычно объявляли коммунистические субботники. Таким же образом были расчищены и убраны фабричные дворы, районы. Эти

дворы и улицы не убирались, считай, в течение семи лет войны. Антисанитария грозила эпидемиями.

Тяжесть всей этой работы ложилась в значительной мере на плечи женщин, подростков. Их было большинство на текстильных предприятиях, а тем более в годы войны, когда многие рабочие-мужчины находились в рядах Красной Армии, в продовольственных отрядах. Наши женщины, кроме того, многое сделали для снабжения армии теплой одеждой.

Однако трудности восстановительного периода, голод, безработица далеко еще не были преодолены, что сказывалось на положении рабочего класса. Многие покидали производство, уходили в деревню, а вместе с тем в ряды пролетариата попадали мелкобуржуазные элементы. Все это ослабляло рабочий класс, вызывало нездоровые настроения в его среде. Такими настроениями и воспользовались враги партии — Троцкий и его сторонники, навязавшие партии дискуссию о профсоюзах.

Мне довелось участвовать в работе 5-й Всероссийской конференции профсоюзов осенью 1920 года, когда Троцкий впервые выступил со своей платформой. Мы хорошо знали линию партии на всемерное развитие демократических основ в профсоюзном строительстве: выборности, подотчетности, сменяемости профсоюзных органов, их неразрывной связи с массами. А тут вдруг Троцкий призывает к «милитаризации» форм и методов профсоюзной работы, выказывает явное пренебрежение к профсоюзным кадрам, требует их «перетряхнуть». Сначала это показалось странным, нелепым, а впоследствии мы хорошо поняли, что кроется за лозунгами «завинчивания гаек».

Конференция отвергла позицию Троцкого и приняла большевистские тезисы, на которые впослед-

ствии не раз ссылался Ленин в ходе дискуссии. По поручению Замоскворецкого райкома партии я выступал с докладами об итогах этой конференции на нескольких собраниях: на фабрике Цинделя, на собрании коммунистов Кожевнического подрайона, в клубе завода «Поставщик». Всюду рабочие, коммунисты и беспартийные осуждали выходку Троцкого и одобряли ленинскую политику по отношению партии к профсоюзам.

30 декабря 1920 года я слушал первую речь Ленина на дискуссии о профсоюзах, открывшейся незадолго до этого, — речь «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого». Владимир Ильич выступал перед коммунистами — делегатами VIII съезда Советов, членами ВЦСПС и МГСПС. Он чувствовал себя настолько нездоровым, что не смог слушать доклады и прения, и извинился за нарушение порядка. Можно было понять то огромное напряжение сил, которое пришлось проявить Ильичу в эти дни. Как известно, перед этим он в течение недели руководил заседаниями VIII съезда Советов, выступал с основным докладом, четырежды выступил на заседаниях коммунистической фракции съезда, встречался с крестьянами-делегатами. Накануне упомянутого заседания он успел ознакомиться со всеми печатными материалами о профсоюзной дискуссии, с брошюрой Троцкого и подготовить свою речь. Поистине титанический труд! К тому же направленный на преодоление опасных тенденций к расколу партии и поэтому вдвойне, тройне тяжелый для здоровья. Да, не один год жизни отняли у Ленина враги партии, злоупотребляя его терпением, его выдержкой и стремлением во что бы то ни стало разъяснить людям их ошибки и заблуждения, убедить партию в правильности генеральной линии.

В своей речи Владимир Ильич не только разгромил антипартийные взгляды Троцкого, Бухарина и других оппозиционеров, но и глубоко обосновал роль профсоюзов в системе диктатуры пролетариата. Эта речь стала программной для разработки учения партии о профсоюзах. Хочется напомнить из нее лишь один момент, который, на мой взгляд, наиболее четко выражал ленинские взгляды. Характеризируя ошибки Главполитпути (Главного политического отдела Народного комиссариата путей сообщения) и Цектрана (Центрального комитета объединенного профессионального союза железнодорожного и водного транспорта), где заправляли троцкисты, Владимир Ильич говорил:

— Их ошибка была в том, что они не сумели вовремя и без конфликтов перейти, согласно требованию IX съезда РКП, к нормальной союзной работе, не сумели приспособиться как следовало к профсоюзам, не сумели помочь им, встав в равноправное отношение к ним. Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и проч. Есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого... оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте. Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им.

Ленин противопоставил взглядам Троцкого и Бухарина деловую резолюцию упомянутой 5-й конференции профсоюзов, тезисы которой были написаны Я. Рудзутаком. В заключение он охарактеризовал весь подход оппозиционеров к делу как сплошную бестактность, как политически вредную вещь, как политику бюрократического дергания профсоюзов. Владимир Ильич выразил уверенность, что

предстоящий партийный съезд эту политику осудит и отвергнет.

Так оно впоследствии и произошло. X съезд партии подрезал корни оппортунизму, во-первых, своими историческими решениями о введении новой экономической политики, во-вторых, резолюцией «О единстве партии», объявившей создание фракций и группировок несовместимым с пребыванием в рядах партии. Из дискуссии о профсоюзах, навязанной нам троцкистами, партия и рабочий класс вышли еще более сплоченными, едиными и уверенными в правильности своей политики.

К осени 1922 года страна уже значительно окрепла в хозяйственном отношении. Сказывались первые плоды новой экономической политики. В частности, на полный ход работали многие текстильные предприятия, в том числе и фабрика Цинделя, с которой я по-прежнему не порывал связи.

Профсоюз текстильщиков многое сделал для повышения квалификации рабочих и улучшения организации производства, выдвинул из своей среды немало талантливых хозяйственников и организаторов. Как и учил Ленин, мы стремились поднять роль профессионального союза в воспитании рабочего класса, в укреплении его как руководящей силы государства.

Сложность социалистического строительства в условиях нэпа В. И. Ленин раскрыл в своей речи на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 года. Депутаты, конечно, не могли знать, что это последнее публичное выступление вождя партии и государства. Как всегда, встретили его появление на трибуне восторженной овацией. И Владимир Ильич, как всегда, начал свою речь просто и буднично, с извинения за то, что не мог прибыть на заседание раньше.

Несмотря на болезнь, Ленин говорил с огромным пафосом, с непоколебимой верой в то, что из России изповской будет Россия социалистическая. Он призывал нас не зазнаваться, настойчиво учиться новым методам работы, не отступать от завоеванного и уверенно идти дальше.

— Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи.

На практике мы познавали в дальнейшем всю глубину этой исторической задачи, выдвинутой Лениным, — «разобраться» в строительстве социализма. Познавали в буднях хозяйственных дел, в стычках с фракционерами и изпманами, в спорах о путях реконструкции и дальнейшего развития социалистической промышленности. Часто шли на ощупь, прокладывая путь в неизведанное. И всегда безошибочную дорогу нам указывал ленинский гений.

В 1924—1927 годах по решению партии я был направлен на ответственную профсоюзную работу во Владимирскую губернию. Хорошо помню ценные начинания владимирских текстильщиков: на предприятиях началась двух- и трехсменная работа (для поднятия производительности труда это было важным делом), был уплотнен рабочий день, возникло движение многостаночников. Потом этот почин подхватили все текстильщики страны, да и не только текстильщики. Забота о росте производительности труда, которую Ленин считал самым важным, самым главным для победы нового общественного строя, охватила весь рабочий класс.

С. АВДЕЕВ.

Семен Федорович Авдеев (1883—1958 годы). Член партии с 1917 года. Начал свою трудовую деятельность на одном из пермских заводов в качестве токаря, затем был машинистом на Балтфлоте, помощником механика пароходства в Нижнем Новгороде. После Февральской революции избран членом Гельсингфорского гарнизонного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1917 году работал председателем Нижегородского профсоюза рабочих водного транспорта, затем назначен комиссаром акционерного общества «Самолет». Позже был директором одного из пермских заводов, главным инженером Наркомвода, на разной административно-хозяйственной работе в Мосречфлоте.

ТРИ ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

В декабре 1917 года наш пассажирский пароход «Владимир Радьков-Рожнов» акционерного общества «Самолет» зимовал в затоне Доскино. Я был на нем помощником механика. Нелегко найти слова для того, чтобы рассказать о трудностях, которые пережили тогда речники и их семьи. Два месяца мы не получали заработной платы, есть было нечего. «Правители» акционерного общества саботировали ремонт судов, не отпускали материалов и средств.

Решено было заслушать на общем собрании доклад председателя затонского профсоюзного комитета о том, как быть дальше. Такое собрание состоя-

лось в первых числах января 1918 года. Решение было единодушным: «Просить правительство национализировать все речные суда, пристани, судоремонтные заводы». На этом же собрании меня избрали председателем затонского комитета, бывшего военного моряка Николая Андреева, помощника механика, — заместителем, второго помощника капитана Сергея Изабурова — казначеем. По поручению рабочих-речников я повез выработанный нами наказ о национализации флота в Нижегородский райкомвод.

— Вы, товарищи, не спешите с этим делом, — сказали мне в райкомводе. — Надо посоветоваться с «Центроволгой» (так тогда назывался профессиональный союз рабочих речного транспорта, объединявший речников Волги).

— Как же не спешить, если суда не ремонтируются, если народ голодает?! — возражал я.

В общем, по нашему требованию руководители «Центроволги» связались с Петроградом, высказали наше мнение. Оттуда ответили: «Посылайте делегацию с наказом».

В числе делегатов был и я.

В середине января 1918 года мы были у Народного комиссара труда А. Г. Шляпникова. Не очень ласково встретил он нас и выставил против национализации флота десятки возражений. Мы решили не отступать, и по решению Центрального комитета профессионального союза моряков и речников наше предложение и проект решения правительства были представлены на рассмотрение Совета Народных Комиссаров.

С большим волнением ожидали мы этого заседания, тем более что надеялись увидеть там Владимира Ильича Ленина.

Заседание было назначено что-то часов на десять утра 17 (30) января¹. Мы, конечно, приехали в Смольный раньше.

Секретарь Ленина Лидия Александровна Фотиева любезно предложила нам присесть, дала свежие газеты, а сама пошла в зал заседаний и сообщила Владимиру Ильичу о нашем приходе. В приемной перед залом заседаний мы уже перестали говорить о своих делах и с нетерпением ждали приглашения.

Вот выходит в приемную управляющий делами СНК Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич и приглашает нас в зал. Я уже с трудом припоминаю обстановку этого зала. Помню только большой стол, за которым сидели члены правительства и родной и близкий каждому из нас Владимир Ильич.

Коротким и взволнованным был доклад члена ЦК профсоюза моряков и речников бывшего моряка Игната Сергеева.

Я не отрывал взгляда от Владимира Ильича. Вот он внимательно посмотрел на Сергеева, как бы изучая его лицо, стараясь проникнуть в душу этого взволнованного человека — ходатая за десятки тысяч моряков и речников. Затем Ильич, слегка наклонив голову, карандашом делает пометки в лежащем перед ним блокноте.

После доклада Сергеева выступил Шляпников. Он категорически возражал против национализации флота. Его доводы сводились к тому, что, мол,

---

¹ Заседание СНК, на котором было принципиально решено о национализации речного и морского флота, состоялось не 17, а 18 января 1918 г.; на этом заседании присутствовали представители «Центроволги», ЦК союза моряков и речников торгового флота и ВСНХ (см. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 50, л. 1 об.).

имеется масса судов, по одному, по два принадлежащих частникам, которые умеют их разумно эксплуатировать, и что если флот национализировать, то мы не справимся с этим сложным хозяйством. Шляпников предлагал укрупнить акционерные общества, создать пароходства, поставив во главе их бывших судовладельцев и политических комиссаров, обязать пароходства давать государству прибыль.

— А как вы думаете, товарищи? — обращается к нам Владимир Ильич.

Я попросил слова и рассказал правительству о наших нуждах, о том, как акционерные общества голодом хотят задуть речников, как суда буквально гибнут из-за того, что нет материалов для их ремонта.

Владимир Ильич заявил тогда, что он согласен с мнениями и предложениями с мест о национализации флота. Это предложение высказали речники Камы, Астрахани, Костромы, Херсона и других крупных приречных городов и затонов. На этом памятном заседании по предложению Ленина была принята резолюция о необходимости срочного проведения национализации флота. На этом же заседании Владимир Ильич поинтересовался и таким немаловажным вопросом, как обилие у моряков и речников обособленных профессиональных союзов. А их тогда действительно было много: профсоюз моряков и речников, «Центроволга», Всероссийский исполнительный комитет водных путей (ВИКОД).

— А не объединиться ли вам? — как бы задавая вопрос и в то же время советуя, спрашивает Ленин.

— Очень правильный совет даете вы, Владимир Ильич, — сказал кто-то из нашей делегации.

В резолюцию был включен пункт о необходимости в ближайшее время произвести объединение различных профсоюзов водников¹.

Уходили из Смольного, окрыленные поддержкой вождя. Всю дорогу только и говорили об Ильиче.

* * *

Дня через два после принятия декрета о национализации флота² меня пригласили в транспортный отдел ВСНХ, и там я получил назначение комиссаром акционерного общества «Самолет». В ВСНХ мне сказали, что встретят меня, конечно, не с распростертыми объятиями, но надо быть твердым.

С плетеной корзиночкой, в которую жена положила пару белья да сухарей, во френче, сшитом из флотской шинели, я пошел в управление общества «Самолет», находившееся в красивом особняке на Невском, недалеко от Московского вокзала.

Я, видимо, не произвел впечатления на швейцара, одетого в великолепное, с золотыми позументами на обшлагах пальто.

Попросил доложить, что хочу видеть правителя дел общества Павлова (ему из ВСНХ уже сообщили о моем назначении).

— Когда они выйдут из кабинета, тогда и доложу, — заявил швейцар.

---

¹ В постановление СНК «О моряхах и речниках торгового флота», принятое на заседании СНК 18 января 1918 г., был включен следующий пункт: «Предложить Центральному комитету союза речников и моряков и «Центроволге» объединиться на предстоящем съезде речников и моряков и немедленно вступить в деловой контакт» (см. «Декреты Советской власти». М., 1957, т. 1, стр. 395).

² Декрет «О национализации торгового флота» был утвержден СНК 23 января 1918 г. и опубликован 26 января 1918 г. (см. СУ 1918, № 19, ст. 290).

В это время мимо проходил Павлов, и швейцар кивком показал мне его.

— Я Авдеев, товарищ Павлов, — негромко заявил я.

— Здравствуйте, товарищ комиссар, — обрадованно сказал Павлов.

Надо было видеть, с каким проворством бросился после слов Павлова ко мне швейцар.

Николай Николаевич Павлов пригласил меня в кабинет и тут же составил проект приказа о моем назначении на должность комиссара акционерного общества. Затем он провел меня по комнатам и познакомил со служащими. Нет, не встретил я дружеских взглядов.

На следующий день на работу вышло пять-шесть человек, включая меня и Павлова. Оказывается, в день обнародования декрета о национализации флота один из директоров общества, князь Радьков-Рожнов, заявил служащим:

— Как вы думаете, сколько продержатся большевики? Не больше месяца. Получайте жалованье за три месяца вперед и не выходите на работу, пока большевики не полетят вверх тормашками.

В феврале 1918 года на съезде профсоюза водников, делегатом которого был и я, в перерыв в столовой я познакомился с Марком Тимофеевичем Елизаровым, занимавшимся тогда в Совнаркоме транспортными делами, и с комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации (Северной коммуны) Моисеем Марковичем Володарским.

Я показал им письма с Волги, в которых речники жаловались на саботаж бывших судовладельцев. В Нижнем Новгороде, например, судовладельцы и их приспешники подожгли Канавинские склады с хлопком, утопили у Симбирской пристани баржу

с железом, спрятали и расхитили необходимые для судоремонта материалы.

В Самаре, Саратове, Астрахани рабочим судоремонтных предприятий не выплачивали зарплату. Нужны были деньги.

— А вы бы, товарищ Авдеев, обратились за помощью к Ленину, — посоветовал мне Марк Тимофеевич Елизаров. — Я, пожалуй, похлопочу, чтобы Владимир Ильич вас принял. Позвоните завтра товарищу Бонч-Бруевичу.

На следующий день я позвонил управляющему делами, и мне сказали, что пропуск заказан и Владимир Ильич меня примет.

В приемной Ильича я сидел немного. Из кабинета Ленина вышел высокий военный, и Лидия Александровна Фотиева пригласила меня пройти.

Понятно, с каким волнением переступал я порог кабинета Ильича.

Из-за небольшого стола встает Владимир Ильич и, протягивая на ходу руку, направляется ко мне.

— Здравствуйте, товарищ Авдеев, — говорит Ленин.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, — отвечаю я, а сам чувствую, что от волнения и радости краска заливает лицо. И я рассказал Ленину о наших нелегких водницких делах, о срыве судоремонта, о голодающих рабочих и их детях, о князе Радкове-Рожнове и о многом другом.

— Так вы говорите, что князь дает нам срок продержаться у власти не больше месяца? — как-то по-озорному, с лукавинкой в глазах спрашивает Ильич. — Просчитается этот князь, товарищ Авдеев.

Владимир Ильич встал из-за стола, привычным жестом вложил большие пальцы за жилет и, прохаживаясь по кабинету, очень убедительно рассказал

мне о той большой силе, которая держит большевиков у власти, — о народе.

— Владимир Ильич, очень плохо у нас с деньгами, — говорю я.

— А ваше акционерное общество богатое? — спрашивает Ильич.

— Да что-то около двух миллионов рублей у него в банке, — отвечаю я.

— Ну, а сколько нужно речникам Саратова и Нижнего Новгорода?

— Мы подсчитали, и выходит, что на первый случай нужно 285 тысяч рублей.

— Эту сумму, пожалуй, можно вам выделить.

Владимир Ильич нажал кнопку звонка, и в кабинет вошла Лидия Александровна.

— Пока мы тут с товарищем Авдеевым беседуем, передайте, пожалуйста, Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, чтобы он подготовил за моей подписью распоряжение наркому финансов о выдаче товарищу Авдееву 285 тысяч рублей.

— Хорошо, Владимир Ильич, — ответила Лидия Александровна.

— Не забудьте, товарищ Авдеев, прежде всего выдать деньги рабочим, и побольше тем, у кого много ребятшек. Дети не должны голодать.

— Обязательно, Владимир Ильич, так и сделаем.

— Я дал указание товарищу Елизарову, чтобы он оказывал вам помощь. Во что бы то ни стало к весне флот должен быть отремонтирован и суда должны выйти в плавание. Вы ведь знаете, как разрушен у нас железнодорожный транспорт, и поэтому речникам предстоит большая работа.

К концу нашего разговора распоряжение наркому финансов было готово. Владимир Ильич подписал его и вручил мне.

Прощаясь, Владимир Ильич пожелал здоровья и успеха в работе.

— Какие будут трудности— не стесняйтесь, звоните, заходите, — сказал на прощание Ильич, встал из-за стола и проводил меня до дверей.

* * *

В конце декабря 1919 года я приехал в Москву на пленум ЦК профсоюза водников. После одного из заседаний пригласили коммунистов — членов ЦК профсоюза в отдельную комнату и сказали, что их просят прийти на очередное заседание Политбюро Центрального Комитета партии.

Это заседание состоялось в Кремле. Я, как и другие, очень хотел видеть Ильича, посмотреть, как он выглядит после ранения и тяжелой болезни.

В зале заседаний на той половине, где сидели члены ЦК партии, Ленина не было. Минуты за три-четыре до начала заседания вошел Владимир Ильич и сел на табуретке рядом с красноармейцем, стоявшим у небольшой двери, через которую проходили члены ЦК к своим местам.

— Ильич, Ильич пришел, — слышался кругом тихий шепот.

Мы глаз не отводили от Ильича. Вид у него был усталый, видимо, сказалась болезнь.

Обсуждались вопросы о единоначалии, об использовании буржуазных специалистов и др. Владимир Ильич внимательно слушал выступающих, что-то записывал в блокнот, который держал на коленях. Иногда он вставлял реплики, задавал вопросы и всегда при этом просил извинения у выступающего. На очень убедительных примерах Ильич показал, что мы еще не научились хозяйствовать, что надо

умело использовать буржуазных специалистов, учиться у них делу.

Обращаясь к нам, Владимир Ильич просил, чтобы мы у себя на местах разъяснили смысл решения партии об укреплении единоначалия, бережно относились к специалистам, которые работают на Советскую власть.

Его выступление на заседании походило на душевный разговор. Ильич и своей манерой речи, и железной логикой захватывал слушателей. Доводы его были убедительны и понятны.

Как живой, встает перед глазами Ильич, такой родной, такой близкий...

«В. И. Ленин во главе великого строительства». М., Политиздат, 1960.
стр. 82—89.

М. КАЗАКОВА.

Мария Никитична Казакова. Родилась в 1897 году в семье рабочего. С 14 лет работала на петроградском заводе «Треугольник». В 1917 году вступила в ряды ленинской партии, активно участвовала в профсоюзном движении. Избиралась делегатом совета старост завода «Треугольник», членом правления Петроградского союза работников химической промышленности. Активная участница Октябрьской революции. С 1918 по 1921 годы много сделала для организации профсоюза химиков в Петрограде, затем работала в ЦК союза, будучи членом президиума. В 1934—1936 годах возглавляла Московский областной союз химиков, долгое время работала директором завода. Ныне персональный пенсионер.

ВДОХНОВЛЕННЫЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРАВДОЙ

В разгар первой русской революции, 13 ноября 1905 года, состоялось многолюдное собрание рабочих российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» в Питере. Впервые здесь шла речь о создании профессионального союза работников резиновой промышленности, и было избрано первое правление. Союз возник в острых классовых схватках рабочих с предпринимателями и с первых же шагов своей деятельности взял на вооружение лозунги революционной социал-демократии, выдвинутые в ходе революции. Рабочие требовали установле-

ния 8-часового рабочего дня, отмены штрафов, сверхурочных работ, отмены детского и охраны женского труда. Эти требования явились стержнем, вокруг которого развернулась стачечная борьба. Профсоюз создал специальный фонд помощи бастующим.

Рожденный в огне революции, союз резинщиков (впоследствии союз химиков) после летних стачек 1906 года распался под ударами реакции, но возродился затем в новых условиях. Характеризуя тот период революционного движения, Ленин писал, что наблюдается «широкое стремление рабочих масс в России сплачиваться в профессиональные союзы».

Следующий этап продвижения резинщиков Петрограда также теснейшим образом связан с партией большевиков, главным образом с ленинской «Правдой». Газеты «Звезда», «Правда», «Путь Правды» в 1912—1914 годах публиковали много корреспонденций о «Треугольнике». В них сообщалось о невыносимых условиях труда резинщиков (а их тогда уже насчитывалось более 11 тысяч человек), регулярно печатались призывы возобновить деятельность профсоюза, дать отпор эксплуататорам.

Весь пролетарский Питер был возмущен массовыми отравлениями работниц на «Треугольнике», которые произошли в марте 1914 года из-за антисанитарных условий. Отравившимся людям не было оказано даже необходимой медицинской помощи. На заводе вспыхнула забастовка протеста, рабочие требовали немедленного следствия и наказания виновных. Помню, на завод приезжал член Государственной думы большевик А. Е. Бадаев. Со страниц «Правды» и с трибуны Государственной думы большевики заклеили позором капиталистов и царское

правительство, творивших произвол над народом. Поддерживая требования резинщиков, забастовало более 70 тысяч питерских рабочих.

То была полоса «правдистского преобладания в профсоюзах», как говорили тогда о большевистском влиянии из конспиративных соображений. Рабочие все глубже проникались доверием к большевикам, видели в них самых стойких защитников своих интересов. Масса легальных рабочих организаций — больничных касс, страховых обществ, клубов — действовала под лозунгами ленинской «Правды», отвергая приспособленчество меньшевиков-ликвидаторов, которые кричали о «неумеренных притязаниях правдистов». Отстаивая на словах «нейтральность» профсоюзов, меньшевики, однако, получив большинство голосов на том или ином рабочем собрании, при каждом удобном случае проводили свои ликвидаторские, мелкобуржуазные идейки, спешили заявить о своей «победе» в профсоюзах. «Так не поступают марксисты, — писал Ленин в 1914 году. — Они не случайные гости в рабочем движении. Они знают, что раньше или позже союзы все будут стоять на марксистской почве».

Дальнейший ход событий полностью подтвердил правоту Ленина. Профсоюзу химиков, в частности, пришлось пройти сложный путь развития, преодолевая влияние меньшевиков, но с каждым шагом в революционной борьбе члены союза все глубже проникались ленинскими идеями.

Союзу не удалось возродиться в период революционного подъема 1912—1914 годов, хотя стачечное движение среди резинщиков, красильщиков, мыловаров, рабочих пороховых заводов продолжалось. Дело в том, что в годы первой мировой войны на «Треугольнике» наблюдалась сильная текучесть

рабочих, много людей пришло из деревни, наиболее сознательных пролетариев увольняли, отправляли на фронт. Мешала и цеховая раздробленность: отдельно объединялись конторские служащие, мастера; квалифицированные рабочие (металлисты и деревообделочники) входили в свои союзы.

Но боевой дух пролетариев не был сломлен. В цехи проникали агитаторы с соседнего Путиловского завода. Большевики «Треугольника» — члены больничной кассы В. Апреликова, В. Егорова, Н. Михайлова, Е. Титкович, В. Ребров и другие — распространяли листовки с революционными требованиями «Долой войну!», «Хлеба и мира!», «Долой самодержавие!».

Начинался боевой 1917 год. В феврале рабочие «Треугольника» присоединились к забастовавшим путиловцам. Вместе вышли на демонстрацию, вместе устраивали митинги, а 27 февраля уже освобождали политических заключенных из Литовского замка. Царское самодержавие рухнуло.

Из среды резинщиков выдвинулось много способных организаторов рабочих. Они возглавляли совет старост, заводской комитет, больничную кассу, цеховые профсоюзные комитеты. В совет старост, например, входили В. Мотова, В. Егорова, сестры В. и Е. Апреликовы, С. Алексеев, Н. Михайлова, Н. Иванова, И. Орлов, Е. Степанова, И. Брюхов. Меня тоже избрали в этот совет делегатом от цеха натуральной резины. В больничной кассе нашего завода работали В. В. Куйбышев, С. В. Косиор. Почти все руководители рабочих организаций были членами большевистской партии. Они непримиримо боролись против эсеро-меньшевистского влияния среди рабочих, отстаивали ленинскую линию на развитие социалистической революции. Это действительно были

не случайные гости в рабочем движении, а его прирожденные вожаки, вышедшие из народа и служившие ему верой и правдой.

Совет старост «Треугольника» был боевой рабочей организацией. Члены совета распространяли в цехах газету «Правда», устраивали коллективные читки статей Ленина и других правдивостов. Совет старост многое сделал для организации рабочего контроля над производством, явочным порядком осуществил 8-часовой рабочий день, добился увеличения зарплаты рабочим и улучшения условий их труда.

Почти на каждом собрании совета мы подбирали и выдвигали наиболее сознательных рабочих в различные организации завода и Нарвского района. В числе их было много женщин (на «Треугольнике» они преобладали среди работающих), которые проявляли большую активность. Так, Даша Самозван впоследствии стала народным судьей района, Наталья Иванова занималась социальным обеспечением, Евфросинья Степанова — ликвидацией детской беспризорности.

И в организации профсоюза химиков совет старост нашего завода сыграл большую роль. Этот профсоюз после Февральской революции создавался уже в масштабе всего Петрограда. Его организаторами были рабочие Тентелевского химического завода, «Треугольника», красильных фабрик «Данцигер», «Пеклие», а также фармацевтических, пороховых заводов. В состав первого правления Петроградского союза химиков от «Треугольника» вошло шесть человек, в том числе я. Председателем правления был избран П. М. Михайлов, большевик. Попали в правление и меньшевики, с которыми пришлось немало повоевать.

Будучи тесно связанными с заводской большевистской ячейкой, массовые рабочие организации «Треугольника» в период двоевластия, как правило, шли за ленинской партией, подхватывали ее лозунги. В поддержку Временного правительства выступал лишь союз конторских служащих, в который входили и акционеры резиновой мануфактуры. Последние враждебно встретили новый союз химиков, отказывались выдавать зарплату освобожденным членам заводского профсоюзного комитета и совета старост, не признавали рабочего контроля над производством. Но упорная борьба многотысячного коллектива резинщиков вынудила их отступить.

3 апреля 1917 года в Петроград возвратился В. И. Ленин. Мне посчастливилось участвовать во встрече вождя революции на Финляндском вокзале, впервые увидеть и услышать его.

Большая группа рабочих «Треугольника» во главе с большевиками присоединилась к колонне путников, и с революционными песнями, с плакатами мы двинулись к вокзалу. Там мне удалось попасть на перрон, и я близко увидела В. И. Ленина, Н. К. Крупскую и других большевиков, вернувшихся из-за границы. Потом с волнением слушала замечательную речь Ильича, произнесенную с броневика. Он горячо приветствовал революционный пролетариат России, свергнувший самодержавие, и призывал его не останавливаться на полпути, идти прямой дорогой к победоносной социалистической революции. Вся площадь перед вокзалом, заполненная рабочими, солдатами, матросами, затаив дыхание, слушала пламенный призыв вождя и встретила его бурной овацией, приветственными возгласами. Эта волнующая встреча, происходившая уже ночью, при свете прожекторов, навсегда осталась в памяти.

На другой день мы рассказали всем рабочим заводу о приезде Ленина, о задачах революции, которые он выдвинул в своей речи. Люди слушали с огромным вниманием, все более реально представляя себе приближающийся решительный бой с ненавистным капиталом.

В июне 1917 года я еще раз увидела и услышала Ленина. Это произошло на I Всероссийском съезде Советов, проходившем в здании Кадетского корпуса на Васильевском острове. Группе молодых коммунисток завода «Треугольник» — В. Априликовой, В. Мотовой и мне — поручили распространять среди делегатов съезда большевистскую литературу и газеты. Мы помогали регистрировать делегатов, дежурили у входа и таким образом послушали многие речи.

Известно, какая острая борьба между большевиками и эсеро-меньшевистскими группировками развернулась на съезде. Соглашатели выступали против передачи власти Советам, утверждали, что трудящиеся без буржуазии не смогут управлять государством. Лидер меньшевиков Церетели заявил, что в России в настоящий момент нет ни одной политической партии, которая взяла бы на себя одна всю власть. И после этих слов в зале раздался возглас: — Есть такая партия!

Владимир Ильич, находившийся среди делегатов-большевиков, привстал с места и уверенно заявил, что партия большевиков каждую минуту готова взять власть целиком. Его слова прозвучали как призыв, как голос всего трудового народа.

Отовсюду слышалось:

— Ленину слово! Ленину!

И вот он на трибуне. Вождь партии и рабочего класса гневно говорит о том, что Временное правительство, министры-социалисты убаюкивают народ

баснями о демократии, а на деле проводят прежнюю буржуазную политику. В стране разруха, война продолжается, потому что власть принадлежит тому же классу капиталистов, который наживается на страданиях народа.

Хотя среди 1000 делегатов съезда было всего 105 большевиков, речь Ленина неоднократно прерывалась аплодисментами огромной массы присутствующих. Великая правда содержалась в его словах, и эта правда была убедительнее пышных деклараций о свободе и демократии, на которые не скупилась мелкобуржуазные ораторы.

В перерывах между заседаниями можно было наблюдать явное «полевание» делегатов. Многие рабочие и солдаты обращались к нам: «Эй, девчата! Дайте-ка ленинскую «Правду» — повезем с собой, почитаем мужикам, как дальше жить и что делать».

После выступлений В. И. Ленина на I Всероссийском съезде Советов активнее стали действовать партийная ячейка нашего завода и все рабочие организации. Они непримиримее начали относиться ко всем фактам насилия и произвола заводчиков, смелее разоблачали соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, привлекая на свою сторону все более широкую массу рабочих.

Стычки рабочих с администрацией приобрели особенную остроту летом 1917 года. Стремясь «разгрузить» Петроград от революционных рабочих, Общество заводчиков и фабрикантов во главе с директором «Треугольника» Е. И. Нефедовым резко ограничило поставку сырья на предприятия. Цехи то и дело простаивали, а оплата труда была сдельная. За простой рабочие не получали ни копейки. Это вызвало страшное недовольство. Красильщики фабрик «Данцигер» и «Пеклие», входившие в наш союз,

также не имели работы. На этих фабриках началась массовая забастовка протеста, в ходе которой не только выдвигались экономические требования, но и принимались резолюции о недоверии Временному правительству, о прекращении империалистической войны. Профсоюз химиков возглавил стачку красильщиков, а рабочие «Треугольника» дружно поддерживали товарищей по союзу, собрав средства в стачечный фонд.

Как и призывал Ленин, пролетарии давали отпор саботажникам и дезорганизаторам промышленности. В этом смысле показателен конфликт, который произошел на «Треугольнике» между профсоюзом химиков и союзом мастеров. В июле 1917 года рабочие потребовали увольнения группы мастеров галошного цеха за грубое отношение к работницам. Союз мастеров воспротивился этому и объявил стачку, которую поддерживали инженеры. Они предприняли настоящую диверсию, разобрав несколько аппаратов и разрушив систему бензопроводов. Совет старост и завком срочно создали комиссию для расследования саботажа и обязали технический персонал немедленно приступить к работе. С большим трудом (рабочие не хотели пускать мастеров в цех) конфликт был ликвидирован.

Вместе с другими рабочими Нарвского района резинщики участвовали в массовых демонстрациях в июльские дни 1917 года и оказались под пулями юнкеров и казаков. Помнится, тяжело была ранена Шура Степанова из хирургической мастерской.

Зверский расстрел мирной демонстрации окончательно убедил рабочих в том, что министры-социалисты из Временного правительства не решат ни одного насущного вопроса общественной жизни и не намерены защищать интересы трудящихся.

В дни борьбы с корниловщиной и в период подготовки Октября совет старост, заводской комитет «Треугольника» вновь проявили себя боевыми организаторами рабочих. Они создали отряд Красной гвардии, санитарную дружину, обеспечивали техническую подготовку вооруженной борьбы с контрреволюцией.

В то же время не прекращалась и экономическая борьба химиков. Особенно ярко она проявилась в связи с разработкой нового тарифа. Такой тариф был крайне необходим не только резинщикам, но и всем рабочим химических производств — красильщикам, фармацевтам, рабочим стеариновых, мыловаренных заводов: ведь оплата труда на всех этих предприятиях была сделная, поштучная, в расценках существовал большой разницей, что давало капиталистам «законную» возможность творить произвол в расчетах с рабочими.

По инициативе завкома Шлиссельбургского порохового завода был разработан проект первого тарифа химиков, предусматривавший подневную оплату труда в соответствии с квалификацией работающего. Я тогда входила в состав согласительной комиссии, созданной на паритетных началах союзом химиков и соответствующим отделом Общества заводчиков и фабрикантов, поэтому хорошо помню эти события.

6 октября 1917 года правление союза предъявило проект тарифа Обществу заводчиков. В ответ — молчание. Не желали хозяева считаться с тяжелыми условиями труда рабочих. Прежде чем объявить открытую борьбу предпринимателям, правление союза решило испробовать все мирные средства. 14 октября в министерство труда было послано требование вмешаться в конфликт, затрагивающий интересы

40 тысяч рабочих химической промышленности. Меншевистские чиновники из министерства на словах обещали свое содействие, а на деле и пальцем не пошевелили, чтобы помочь рабочим. Насколько глубоко был прав Ленин, когда называл их пособниками буржуазии!

20 октября делегатское собрание союза химиков приняло воззвание ко всем членам союза. В нем говорилось:

«Товарищи, помните: вы должны прежде всего рассчитывать на собственные силы. Судьба вашего тарифа в ваших руках. Надо показать предпринимателям, что они имеют дело не с человеческой пылью, не с слабыми разрозненными группами, а с мощной организованной силой сознательных и стойких пролетариев.

Товарищи! Готовьтесь к борьбе! Пусть на всех заводах будут выбраны стачечные комитеты! Никаких выступлений без директив вашего профессионального союза! Никаких сепаратных забастовок! Сплотитесь вокруг вашей организации и правления профессионального союза!»

Общая стачка вот-вот должна была начаться. Но наступило событие более грандиозное — началось Октябрьское вооруженное восстание, которое отеснило на второй план нашу профессиональную задачу, хотя подготовка к стачке, несомненно, сплотила рабочих перед решающим штурмом. По приказу Нарвского военно-революционного комитета красногвардейцы «Треугольника» и соседних заводов влились в сводный отряд Нарвского района во главе с путиловцами. Они участвовали в боях с юнкерами, в штурме Зимнего дворца. Мы, санитарки, оказывали помощь раненым красногвардейцам. Нам помогали многие жители города.

Революция победила! Ленинские декреты о мире и о земле, первые документы Совета Народных Комиссаров были с огромным одобрением встречены на фабриках и заводах. Ленин был совершенно прав, когда говорил через четыре дня после победоносного восстания: «Я не сомневаюсь, что на любом рабочем и солдатском собрании девять десятых выскажутся за нас».

В эти дни на «Треугольник» приехал Я. М. Свердлов. В своей речи на заводском митинге он призвал рабочих к сплоченности, к борьбе с остатками контрреволюции, к введению рабочего контроля на всех участках производства, превращению его в надежную гарантию организованности и порядка на заводе.

Рабочие единодушно высказались в поддержку Советской власти и наметили ряд мер для сохранения производства. Владельцами завода пока оставались акционеры-капиталисты. Заводским организациям пришлось еще в течение ряда месяцев вести с ними борьбу за улучшение условий труда и пресекать саботаж. В этот период особенно ярко проявилась сознательность большинства членов союза.

Новое Положение о рабочем контроле, написанное Лениным, дало четкую программу действий заводским организациям. Чтобы обеспечить нормальную работу, мы не допускали никаких насильственных действий по отношению к лояльным инженерно-техническим работникам. Всякий, кто хотел добросовестно трудиться, имел такую возможность и пользовался всеми правами члена профсоюза.

Весной 1918 года на заводе была создана комиссия по национализации резиновой промышленности в составе А. Корчагина, И. Хверенца, П. Трофимова и меня. С помощью специалистов и профсоюзного

актива мы провели полную инвентаризацию основного капитала Акционерного общества российско-американской резиновой мануфактуры, подготовили все необходимые материалы для ВСНХ. Затем комиссия в полном составе выехала в Москву, в Центрорезину для обсуждения материалов и постановки вопроса об объединении заводов резиновой промышленности — «Треугольника», «Богатыря», «Проводника».

Но дело застопорили саботажники, которых немало сидело и в акционерных обществах, и в Центрорезине. Они всячески препятствовали национализации предприятий, срывали их снабжение сырьем, материалами, стараясь доказать неспособность рабочих самостоятельно управлять производством. По этой причине работа на «Треугольнике» почти замерла, цехи простаивали, нарастала безработица.

Завком профсоюза обратился в Совнарком к В. И. Ленину с запиской, в которой объяснил необходимость передачи резиновой промышленности в собственность государства. Совнарком назначил комиссию и поручил ей присутствовать на предстоящей конференции резинщиков, где предполагалось обсудить вопрос о деятельности Центрорезины. На этой конференции было принято решение о безотлагательной национализации предприятий.

28 июня 1918 года за подписью В. И. Ленина был издан декрет о национализации всей крупной промышленности, в том числе и резинового производства. В ходе национализации ВСНХ ликвидировал как акционерные общества, так и Центрорезину. Был создан новый главк, в котором руководящая роль принадлежала рабочим-большевикам, выдвинутым профсоюзными организациями заводов. В состав Главрезины вошли А. Корчагин (завод «Треуголь-

ник»), С. Жаров (завод «Богатырь»), Н. Васильев (завод «Проводник»).

Примерно в то же время шла ожесточенная борьба с меньшевиками в Северном областном бюро союза химиков, где они захватили командные посты. Эти попутчики пролетариата, маскируясь «левыми» фразами, по-прежнему гнули свою предательскую линию, проявляли неверие в силы рабочего класса. В августе 1918 года Северное бюро полностью освободилось от этих лжедрузей и взяло твердый большевистский курс на строительство социализма. Бюро возглавила стойкая большевичка Марта Петровна Штиглиц, с которой мне довелось несколько лет работать в союзе.

На каждом шагу жизнь подтверждала правоту ленинских слов о том, что только настоящие рабочие-организаторы, подлинные революционеры способны вывести народ на светлую дорогу строительства новой жизни.

А. НИКИШИН.

Александр Алексеевич Никишин (1895—1938 годы). В 1916 году примкнул к революционному движению, в мае 1917 года вступил в ряды РСДРП(б), некоторое время вел профсоюзную работу в Баку, а затем выехал в Астрахань, где служил красноармейцем в так называемом «Железном полку», участвовал в боях с белогвардейцами. В 1919 году работал в особом отделе 11-й Красной Армии, инструктором комиссии ЦК РКП(б) в Ферганской области. В 1920 году заведовал орготделом, затем был секретарем Азербайджанского совета профессиональных союзов. В ноябре 1921 года был избран секретарем Азербайджанского отдела Всероссийского союза горнорабочих. В 1926 году перешел на партийную работу и занимал различные должности. С 1932 года работал директором Нефтяной академии Наркомата тяжелой промышленности СССР.

КАК МЫ БЫЛИ У ИЛЬИЧА

Бакинские горняки с первых дней установления Советской власти в Азербайджане очень больно реагировали на отсутствие материалов, инструментов и оборудования, необходимых для восстановления нефтяной промышленности. Они чувствовали величайшую ответственность перед всей страной, они понимали, какая огромная задача возложена на них партией, Советской властью и рабочим классом страны. Поэтому, приняв все меры, мобилизуя ресурсы,

которые еще имелись на месте, они в то же время неоднократно обращались в центр, в Москву, с указанием на тяжелое положение промышленности, с настойчивыми просьбами о помощи.

Для того чтобы обеспечить промыслы всем необходимым, всем тем, чем располагала Советская страна, для того чтобы крепко знать, что помощь будет оказана, что центр придет им на помощь, бакинские рабочие организуют делегацию и направляют ее в Москву, к Владимиру Ильичу Ленину с подробным докладом о положении и нуждах азербайджанской нефтяной промышленности. Эта делегация, выделенная Азербайджанским советом профсоюзов, должна была поехать на IV Всероссийский съезд профсоюзов весной 1921 года. Миссия пойти к В. И. Ленину и рассказать ему о наших нуждах и болезнях выпала на тт. Якубова, Никишина, Мячина, Лиликина и Гепштейна. Долго мы составляли подробный доклад, обсуждали и проверяли его и наконец, напутствуемые друзьями, отправились к вождю мировой революции — В. И. Ленину.

Нам тогда все казалось простым, и мы полагали, что, как только мы заявим, кто мы и откуда, нас мгновенно примут и сделают все, что мы хотим. На деле оказалось немножко не так. Прежде всего мы были заняты на съезде профсоюзов, а съезд был очень бурным, и наши расчеты на то, что нам предварительно удастся переговорить с председателем ЦК союза горняков тов. Артемом и ознакомить его с нашим делом, также не увенчались успехом, так как тов. Артем был занят на съезде и никак не мог выбрать время переговорить с нами. Лишь благодаря содействию тов. Серго Орджоникидзе, находившегося в Москве, нам удалось повидаться с тов. Артемом, который принял нас у себя дома. Сидели мы

у тов. Артема всю ночь, познакомили его подробно с положением, рассказали о том, что мы хотим, и обратились к нему за содействием по организации нашей встречи с товарищем Лениным.

Тов. Артем, исключительный товарищ, прекрасный большевик, крепкий и выдающийся руководитель горняцкого профдвижения, встретил нас чрезвычайно радушно и гостеприимно, всячески нас ободрил и обещал содействие.

Тов. Артем ознакомил нас с текущими событиями, указал нам на наши задачи и обещал после съезда поговорить с нами более основательно, а сейчас жаркая работа, съезд растягивается, работы его несколько осложняются, и он не сумеет нам сейчас уделить время. А насчет нашего желания повидать В. И. Ленина он обещал с В. И. Лениным переговорить и передать нам, когда он нас сможет принять.

Работы съезда действительно осложнились и затянулись. Владимира Ильича мы впервые увидели на съезде, когда он пришел на заседание фракции съезда. Владимир Ильич выступил очень коротко и тут же уехал. Помню, как искра пробежала по залу, когда из уст в уста начала передаваться весть о том, что идет В. И. Ленин. Начались аплодисменты, которые усиливались все больше и больше, и, когда Владимир Ильич появился на сцене, весь зал встал и устроил своему вождю и учителю бурную овацию. Владимир Ильич просто, немножко прикартавливая, произнес небольшую речь и поспешно удалился. Мы были несколько разочарованы, так как ожидали от Владимира Ильича большой речи, а он сказал так мало и все так просто, понятно. Позже мы поняли, что Владимир Ильич был в этот период особенно занят, так как приближалась всероссийская

партконференция¹, а вслед за ней — съезд Коминтерна.

Тов. Артем замотался на съезде профсоюзов и не имел возможности переговорить с Владимиром Ильичем о нашем желании с ним повидаться. Так до окончания съезда мы и не смогли увидеться с Владимиром Ильичем, хотя не теряли надежды. Нам удалось попасть на всероссийскую партконференцию, где мы с большим наслаждением прослушали прекрасный доклад Владимира Ильича, его остроумное и блестящее заключительное слово. На конференции мы вдоволь насмотрелись на Владимира Ильича, так как он присутствовал почти все время и следил за ее работой. Помню, как меня поразил огромный лоб Владимира Ильича. Товарищ Ленин сидел за столом президиума и просматривал целый ворох бумаг, отвлекаясь время от времени и прислушиваясь к ораторам. Изредка В. И. Ленин подавал реплики, а иногда, когда какой-нибудь оратор произносил удачную остроту, Владимир Ильич отвлекался от бумаг, откидывался на спинку стула и смеялся раскатисто, звонко — на весь зал. Вообще мы заметили, что Владимир Ильич умел смеяться заразительно, и часто на конференции был слышен его громкий смех.

Помню, что нам всем бросилось в глаза одно обстоятельство: на конференции начали появляться в президиуме представители иностранных компартий, съезжавшиеся на исполком². В президиуме они встречались со своими старыми товарищами, заключали друг друга в объятия и весело беседовали, делясь впечатлениями. Но, как только начинал

---

¹ Речь идет о 10-й Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся 26—28 мая 1921 г. — *Ред.*

² Коминтерна. — *Ред.*

говорить Владимир Ильич, все они мгновенно умолкали и внимательно прислушивались к речи вождя. Чувствовалось, какой любовью, какими теплыми чувствами проникнуты они к вождю мировой революции, как жадно ловят каждое его слово, видимо, не всегда понимая русскую речь, но угадывая ее смысл и значение.

Своим желанием повидаться и переговорить с Владимиром Ильичем мы поделились с бывшим на конференции тов. Микояном, который в один из перерывов подвел нас к Владимиру Ильичу, познакомил с ним и передал ему о нашем желании. Владимир Ильич мило и ласково улыбнулся, поздоровался со всеми нами и сказал, что в один из ближайших дней он нас примет, а точно о дне и часе попросил справиться у секретаря, тов. Фотиевой. Мы были вне себя от счастья, связались с тов. Фотиевой, которой передали наш адрес и номер телефона, и трепетно начали ждать желанного звонка из Кремля. В один из дней, совершенно неожиданно для нас, когда мы меньше всего этого ожидали, часов в 4—5 вечера, раздался звонок, и тов. Фотиева передала нам, чтобы мы сейчас же шли в Кремль, так как Владимир Ильич нас через час примет...

В Кремле, исполнив все формальности, мы добрались до приемной Владимира Ильича, где нас встретили и попросили подождать. В приемной на большом столе лежали свежие русские и иностранные газеты и журналы, и мы присели к столу, рассматривая их. Но читать мы не могли, все мы ужасно волновались, начали распределять между собою роли, кто начнет говорить первый, с чего начать, о чем говорить. Это было тем более необходимо, что тов. Фотиева предупредила нас, чтобы мы долго Владимира Ильича не задерживали, кратко изложи-

ли свое дело, так как Владимир Ильич очень занят и много времени уделить нам не имеет возможности.

Мы, конечно, обещали выполнить эти указания, ожидая минуты, когда перед нами откроется дверь в кабинет к Владимиру Ильичу и нас позовут к нему.

Наконец дверь открывается, нас зовут в кабинет. Входим. Небольшая комната, письменный стол с книгами, бумагами, портрет Карла Маркса, шкафы с книгами. У окна летние кресла. Владимир Ильич встал при нашем появлении, поздоровался с каждым из нас в отдельности, расспросил, как идут дела на промыслах, как живут бакинские рабочие, каково их настроение, как бакинский пролетариат связан с азербайджанским крестьянством, а затем спросил, что в сущности нас привело к нему. Сбивчиво, волнуясь, перебивая друг друга, мы очень несвязно начали излагать нашу просьбу. Владимир Ильич показался нам не таким большим, как на конференции, пожалуй, ниже среднего роста, коренастым, выглядевшим очень усталым, но довольно бодрым. Особенно молоды были его глаза с хитрым, удивительно милым прищуром. Одет он был в чесучовый пиджак, и я обратил внимание на то, что все лицо у него в веснушках и лоб вблизи еще больше поражал своими размерами. Владимир Ильич понял, что мы не в состоянии сказать коротко, сжато и ясно, что мы путаемся, разбрасываемся и что при этих условиях мы не сможем в двух-трех словах объяснить цель нашей миссии. Он подвел нас к окну, усадил на стулья, а сам облокотился на ручки кресла и внимательно нас слушал.

Затем он встал, подошел к шкафу или к столу, сейчас не помню, взял оттуда книгу, открыл на какой-то странице и начал нас спрашивать про наших азербайджанских руководителей, бывших членами

коллекции Азнефтекома¹. Так, он расспросил про тт. Алиева, М. Д. Гусейнова и др.

— Серебровского, — говорит, — я знаю, а вот этих товарищей нет. Какие они работники, как давно в партии?

Книга эта оказалась обзором нефтяной промышленности, причем мы заметили, что она в некоторых местах подчеркнута карандашом, видимо, Владимир Ильич ее просматривал и отмечал интересующие его места². Видя, что от нас толку добиться очень трудно, он взял инициативу в свои руки и начал говорить сам. Прежде всего он сказал нам, чтобы мы во что бы то ни стало подняли нефтяную промышленность, которая имеет огромное значение для всей Советской страны и которую нужно восстановить обязательно и в короткий срок, а что касается помощи, то она правительством будет оказана, и он примет к этому соответствующие меры.

Рассказав нам о роли, которую играют бакинские рабочие в деле восстановления всего народного хозяйства, он перешел к деревне. И нас поразило следующее: Владимир Ильич начал нам рассказывать и знакомить нас с Муганской степью. Он придавал Муганской степи огромное значение, считая, что она должна стать житницей хлеба не только для Азербайджана, но и для всего Закавказья. Владимир Ильич говорил о том, что мы нуждаемся в продовольствии, что его не хватает и поэтому задачей окраин является организация собственных ресурсов и что в данном случае Муганская степь в Азербайджане должна всемерно облегчить задачу центральной власти и освободить ее от забот о доставке хле-

---

¹ Азербайджанский нефтяной комитет. — *Ред.*

² См. Ленинский сборник XX, стр. 137—142. — *Ред.*

ба из России. Он говорил о том, что для формирования работ на Мугани послан старый большевик тов. Багдатов, которому даны средства, тракторы, автомобили, и мы там, на месте, должны ему всячески помочь. Владимир Ильич говорил о том, что бакинские рабочие должны сейчас взяться за выполнение двух задач — восстановить нефтяную промышленность и обработать Муганскую степь. Далее Владимир Ильич опять справился о жизни бакинских рабочих, и когда мы от имени рабочих передали ему их настойчивую просьбу, чтобы он приехал к ним и лично посмотрел, как они живут, ответил, что он очень хочет повидаться с бакинскими рабочими, что он их знает как один из лучших отрядов рабочего класса и что он с большой охотой выполнит их просьбу, как только представится малейшая возможность и как только он немного освободится.

Затем Владимир Ильич просил нас от его имени передать горячий привет бакинскому пролетариату и попрощался с нами, заявив, что его ждут и он, к сожалению, больше не имеет возможности с нами беседовать.

Опьяненные, очарованные, мы вышли от Владимира Ильича и в приемной встретили сердитую тов. Фотиеву, которая, укоризненно глядя на нас, сказала, что мы не выполнили данного ей обещания и задержали Владимира Ильича вместо 10—15 минут на целых полчаса. Мы сами не поверили, что так долго пробыли там, и начали извиняться. Она, видя наши радостные лица, покачала головой, видимо, понимая, что мы не виноваты, что нам эти полчаса показались мгновением.

Вышли из Кремля, начали делиться впечатлениями. Думали, что Владимир Ильич будет говорить необыкновенные вещи и необыкновенные слова. А

он сказал нам самые обыкновенные вещи самыми простыми словами. И вот, однако, мы о Мугани не думали, а он нам сказал о ней, и сказал много такого, чего мы не знали. Он сказал нам о необходимости самого тесного союза бакинского пролетариата с азербайджанским крестьянством, о той огромной роли, которую должен сыграть бакинский пролетариат в деле укрепления этого союза.

Все так просто, так ясно и вместе с тем так глубоко. Видно было, что Владимир Ильич жил нашей жизнью, знал он нас, изучал наши возможности, знал наши слабые участки и на них указывал. Поразила нас всех необычайная простота, необыкновенная сердечность Владимира Ильича, и мы, посидев с ним 5 минут, чувствовали себя так, точно были знакомы давно-давно — так запросто, задушевно беседовали. Никакой принужденности, никакой натянутости, все просто и легко. Вот эта простота, эта обаятельность так подкупали во Владимире Ильиче, этом вожде, учителе, руководителе и друге рабочего класса!

Эта встреча с Владимиром Ильичем, наша беседа с ним останется на всю жизнь ярким, незабываемым моментом. Конечно, мы рассказали бакинским рабочим о нашей встрече, о нашей беседе, передали все пожелания Ильича, а также передали его горячий привет бакинским рабочим и его обещание приехать к нам в Баку. К сожалению, этому обещанию дорогого Владимира Ильича не суждено было исполниться, он к бакинским рабочим не смог приехать, но он всегда о них помнил и оказывал им всяческую помощь и внимание.

«Воспоминания азербайджанских коммунистов о В. И. Ленине». Баку, 1958, стр. 42—52.

А. НОСКОВ.

Андрей Григорьевич Носков. Родился в 1893 году. Свой революционный путь начал на баррикадах Красной Пресни в 1905 году. Член КПСС с 1913 года. Еще до революции участвовал в создании союза булочников Москвы, подвергался репрессиям царского самодержавия. После Октября принимал активное участие в организации профсоюза рабочих пищевой промышленности, в конце 1918 года был избран председателем Московского союза пиццевиков. В 1921—1926 годах был секретарем ЦК профсоюза пиццевиков, затем членом ВЦИК СССР, делегатом XI и XVI съездов партии, делегатом многих профсоюзных съездов. С 1921 года по 1949 год — член ВЦСПС. Ныне персональный пенсионер.

НАВСЕГДА В ПАМЯТИ

Январь 1919 года в Москве... Тревожное суровое время. Советское государство, упорно отбивая натиск белогвардейцев и интервентов, в то же время непрерывно сталкивается с другим противником, не менее грозным, чем Колчак, — с голодом. Основные хлебные районы — Украина, Кубань, Сибирь заняты врагом, а внутри страны излишки продовольствия есть только у кулаков. Голыми руками их не возьмешь.

Осенью продовольственный кризис немного смягчился. Рабочие продотряды, комбеды, органы Наркомпрода смогли увеличить заготовки хлеба из нового урожая. А с наступлением зимы положение

вновь обострилось: запасы иссякли, сказывалась и разруха на транспорте. Даже полуголодный паек — четверть фунта — москвичи получали с перебоями. В январе хлеб выдавался по декабрьским и даже ноябрьским купонам.

Требовались экстренные меры, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность.

17 января для обсуждения тяжелого положения с продовольствием было создано объединенное заседание ВЦИК, Моссовета и II Всероссийского съезда профсоюзов, который проходил в эти дни. На заседании присутствовали и работники многих фабзавкомов, профсоюзов, не являющиеся делегатами съезда. Я был приглашен как председатель Московского союза пицевиков. Все мы хорошо понимали сложность обстановки. Большой театр, где проходило заседание, был переполнен.

Январь в тот год выдался особенно морозным. Топлива не хватало. Сидели в шубах, ватниках, шинелях.

Заседание открыл Я. М. Свердлов. Слово для доклада о продовольственной политике было предоставлено В. И. Ленину. Собравшиеся бурно аплодировали вождю революции. Многие из нас впервые увидели поправившегося Ильича после покушения на него 30 августа 1918 года.

В своей речи Ленин вскрыл причины нынешнего продовольственного кризиса, разъяснил продовольственную политику партии и Советской власти, предложил программу дальнейших действий, которые могли изменить создавшуюся обстановку и хотя бы временно улучшить снабжение рабочих и армии. Весь зал внимательно слушал Ильича. Мы сверяли его слова с жизнью, с повседневной работой и вновь убеждались в глубокой правоте его выводов.

Важнейшим шагом нашей продовольственной политики Ленин назвал создание рабочих продовольственных организаций. Их значение действительно было велико. Профсоюзы участвовали в создании органов Наркомпрода, формировали продотряды. Наш Московский союз пиццевиков еще летом 1918 года по директиве МК партии выделил группу передовых рабочих, которые вместе с металлистами, текстильщиками и другими пролетариями поехали в деревню заготавливать хлеб. Представитель нашего союза кондитер Ф. И. Гордеев был комиссаром продотряда и членом коллегии Погарского упродкома Черниговской губернии. Булочник А. А. Деда выполнял ответственную работу уполномоченного Военпродбюро (Военно-продовольственное бюро ВЦСПС) в Казанской губернии. Среди рабочих-пиццевиков, действовавших на продовольственном фронте, выявились настоящие герои. Одним из них по праву можно считать И. В. Чучкова.

Иван Васильевич Чучков работал мастером в городской пекарне у Серпуховских ворот. Этого пожилого пекаря с окладистой бородой хорошо знало рабочее Замоскворечье. С винтовкой в руках он громил юнкеров в Октябрьские дни, был страстным агитатором за власть Советов. В пекарне Чучков создал первую партийную ячейку, а после Октября с товарищами обеспечивал выпечку хлеба.

Весной 1918 года Иван Васильевич стал комиссаром одного из первых продовольственных отрядов, созданных московскими рабочими. Два эшелона хлеба он отправил с Украины в голодающую столицу. Затем с таким же партийным поручением отправился в Уфимскую губернию. Возвращаясь с продовольственного фронта, Чучков на собраниях рассказывал рабочим:

— С кулаком — дело просто, он враг. Отдай излишки — и все! А с середняком так нельзя, он наш союзник. Кулаку можно пригрозить, середняка надо убедить...

На одном из таких собраний присутствовал В. И. Ленин. По рассказу известной большевички Р. С. Землячки, он внимательно слушал выступления рабочих. И особенно отметил одного старого булочника, очень обстоятельно развивавшего свой взгляд на организацию продотрядов и взаимоотношения с крестьянством. Этим старым булочником и был Чучков.

Иван Васильевич осенью 1918 года добровольно ушел на фронт и погиб в бою с белоказаками. Такие, как Чучков, были душой рабочих организаций. И тысячу раз прав был Ленин, подчеркивая их величайший героизм, величайшую самоотверженность в борьбе за дело революции.

...А мысль Ильича на объединенном заседании уже идет дальше. Участие рабочих в продовольственной политике, говорит он собравшимся в Большом театре, важно не только для спасения от голода; оно имеет социальное, классовое значение. Рабочий класс поднимается к управлению страной, участвует в учете и распределении продуктов.

Кому как не нам, профсоюзным работникам, пришлось на практике оценить социальное значение рабочих организаций! И не только в управлении промышленностью. Простые рабочие — пекари, кондитеры, мукомолы — становились государственными и политическими работниками. В тех же продотрядах они устанавливали связи с крестьянством, разъясняли принципы продразверстки, помогали местным властям составлять планы хлебозаготовок. А борьба с кулачеством?! Это была беспощадная, подчас смер-

тельная борьба и в то же время самая убедительная школа пролетарской диктатуры.

Представителям рабочих организаций приходилось решать массу новых, неизвестных ранее вопросов. Один из продотрядов нашего союза пищевиков действовал в Саратовской губернии. За полгода он перевыполнил установленный план хлебозаготовок, отправив в промышленные центры 705 тысяч с лишним пудов зерна. За хорошую работу отряда Московский союз пищевиков получил в виде премии муку из расчета по 30 фунтов на каждого члена профсоюза. Муку получили главным образом рабочие предприятий, пославших своих людей в продотряд. Продовольствие выдавалось в зависимости от числа членов семьи.

Сейчас это может показаться кое-кому мелочью, но для нас в то время такое распределение было ответственной работой.

В общей сложности Московский союз пищевиков командировал на продовольственный фронт более 600 рабочих. Мы постоянно держали с ними связь, получали от комиссаров письменные отчеты о проделанной работе, отвечали на запросы и жалобы трудящихся, пресекали злоупотребления. Союз организовал и посылку рабочих на уборку урожая в помощь крестьянам. Разве это не была школа общественной жизни?!

Владимир Ильич в своей речи твердо отстаивал государственную монополию на закупку и продажу основных продуктов питания — хлеба, чая, сахара, соли. Снабжение трудящихся продовольствием, считал он, должно быть сосредоточено в твердых руках государства. Если допустить к этому делу частных лиц, то возникнет бешеная спекуляция продуктами. А именно на такой путь толкали правительство

меньшевики и эсеры, пытавшиеся доказать, что свободная торговля вполне допустима.

Не отходя в целом от своей политики, партия, однако, считала возможным изредка отступать. И в этой речи Ленин от имени большевистской фракции ВЦИК внес предложение о срочной выработке декрета, который бы, наряду с другими мерами, временно разрешил рабочим и кооперативным организациям свободную закупку некоторых продуктов, а крестьянам — их рыночную продажу.

В зале присутствовало немало меньшевиков и эсеров, в том числе Мартов, Абрамович, Штейнберг. Последнего я хорошо знал: он подвизался среди пищевиков и не раз выступал против политики большевистской партии. Эсеры-максималисты, входившие в правление нашего союза, считали Штейнберга своим «идейным вождем».

И когда Ильич заговорил о свободной продаже отдельных продуктов, в рядах оппозиции стали злобно улыбаться, шушукаться. Прицелившись взглядом в эту группу, Ленин резко бросил:

— А вы не радуйтесь, господа хорошие! Смеется тот, кто смеется последним. Свободная продажа ненормированных продуктов — это не отказ от монополии, а всего лишь небольшая отдушина, и то временная. Вам, конечно, свободный рынок каждую ночь снится, но наяву вы его не увидите, — заключил Владимир Ильич свою отповедь противникам при общем оживлении зала.

Сидевший рядом со мной текстильщик Мухин не вытерпел и бросил крепкое словцо по адресу меньшевиков и эсеров:

— Вот сволота! Правду говорят, что лучших агентов буржуазия для себя днем с огнем не сыщет. Пора бы гнать их в шею...

— Недолго ждать осталось, — подал голос наш сосед по ряду депутат Моссовета Свободин. — Рабочие нигде уже не верят им...

Ленин продолжал говорить. И многое непонятное для нас становилось ясным, приобретало отчетливую классовую характеристику. Энергичный, но спокойный тон ленинской речи никого не оставлял равнодушным, вселял уверенность в том, что кризис будет преодолен. В словах Ильича не было и тени панического настроения. Только глубокий анализ, только проверенные факты, убедительные выводы и неиссякаемая вера в силы рабочего класса. Мы заражались этой верой, не могли и представить себе, что можно мыслить и рассуждать иначе, чем мыслит и рассуждает Ильич. Особенно он загорался, когда отвечал на реплики меньшевиков, эсеров или других людей, не видевших дальше своего носа.

А таких нападков было хоть отбавляй. Огульно обвиняли, например, работников органов Наркомпрода, будто они «прижимают» хлеб. Человек слышал, что урожай собран, зерно вывезено, а почему же хлеба нет? Он не желает считать, сколько заготовлено продуктов и сколько населения в стране надо прокормить, а дерет глотку: «Куда хлеб припрятали?..»

Ленин и тут вносил ясность. В условиях войны и разрухи, говорил он, Наркомпрод проводит, несомненно, правильную политику, думая не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне. Продовольственники сталкиваются с огромными трудностями в борьбе со спекулянтами и бюрократами, но, опираясь на сознательных рабочих, держатся сплоченно, уверенно проводят государственную политику в интересах большинства народа.

Запомнилось мне выражение Ильича, что если каждый сведет свое потребление несколько ниже сытой нормы и если мы все это правильно распределим, то продержимся без голода.

Чтобы усилить продовольственные органы и расширить участие в них рабочих организаций, Владимир Ильич поддержал предложение о введении рабочей продовольственной инспекции, об укреплении связи местных органов с профсоюзами и рабочей кооперацией. Тогда же решено было создать институт рабочих-практикантов во всех центральных и местных учреждениях для подготовки кадров продовольственников из рабочей среды, для оздоровления верхушечных элементов кооперативных организаций.

По сведениям продовольственников, в уездных продкомах в то время было уже не меньше трети рабочих, главным образом рабочих Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска. Ленин призывал и дальше увеличивать число рабочих в этих органах, чтобы было две трети и больше. Контроль за свободной торговлей отдельными продуктами также возлагался на рабочую инспекцию.

Эти ленинские указы мы, профсоюзные работники, впоследствии старались выполнять неукоснительно. Союз пищиков послал своих представителей в органы рабочей инспекции и организовал закупку ненормированных продуктов. Закупочные комиссии были созданы на кондитерских фабриках «Эйнем» (ныне «Красный Октябрь»), «Сиу» (ныне «Большевик»), на чаеразвесочной фабрике, в городских бойнях и на других предприятиях. Члены этих комиссий выезжали в села, обращались за помощью к комитетам бедноты, проводили деревенские сходы и закупали продукты у крестьян. Тем самым

ставился заслон спекулянтам, мешочникам, а рабочие получали значительную добавку к своему скудному в то время столу.

Вслед за Лениным на заседании выступил Н. Брюханов от Наркомпрода. Он сообщил дополнительные данные о продовольственном положении, высказал соображения, как преодолеть трудности с транспортом, чтобы доставить уже заготовленный хлеб в промышленные центры. Наркомпрод принимал меры и для предотвращения соляного голода. Ведь Колчак и белочехи, захватив Каму, отрезали от Советской России пермские соляные копи. На черном рынке в те дни баснословные деньги платили за просоленные мочала из рогож, в которые когда-то улаковывалась соль. Поистине героическую выдержку проявлял рабочий класс, преодолевая эти невзгоды во имя победы революции!

В. Шмидт, выступавший от имени делегатов II съезда профсоюзов, заявил о полной поддержке профессиональными союзами продовольственной политики большевистской партии и правительства. На призыв партии, говорил он, рабочий класс выделит еще тысячи и тысячи сознательных пролетариев, которые пойдут на продовольственный фронт.

От оппозиции держал речь эсер-максималист Ф. Светлов. Он попытался опровергнуть ленинские положения и выдвинул свою, якобы революционную, а по сути дела кулацкую, программу. Прямо он, конечно, не призывал к частной торговле, но не поддерживал и государственную монополию, объявлял «бюрократами» работников Наркомпрода. Его речь свелась к тому, чтобы передать все снабжение продовольствием в руки «местных организаций». Это значило обречь на голодание Москву, Петроград и другие промышленные центры.

Ленин ответил ему прямо из-за стола президиума:

— Нет нужды повторять доклад, убеждать совершенно безнадежных людей, которым мил и дорог старый буржуазный строй и ненавистна Советская власть. Вас же, Светлов, хочу спросить как умного и знающего человека: неужели Вам не надоело жевать резину и без усталости рассказывать сказку про белого бычка, то бишь про «свободный рынок»? Ведь слушать тошно...

Светлов не нашелся, что ответить. Ленинская логика была неотразимой. Кстати, вскоре Светлов и группа его сторонников порвали с эсерами-максималистами и вступили в большевистскую партию. Мне приходилось еще не раз встречаться с ним по делам профсоюза. Он вспоминал, что тогда, под влиянием Ленина, многое изменилось в его взглядах. Ленин не топтал в грязь политических противников, а говорил с принципиальных позиций. Он как-то сразу поднялся в моих глазах, говорил Светлов, я ощутил его огромную нравственную силу и чистоту... Месяца два ушло на размышления, переживания, на агитацию единомышленников. А потом мы постучались в двери партии и стали ее солдатами.

Светлов действительно стал хорошим бойцом партии и самоотверженно трудился на многих ответственных постах.

Мы расходились из Большого театра с твердой уверенностью, что продовольственный кризис будет преодолен. Выступление Ленина, решительные меры партии и правительства подняли активность рабочих организаций, органов Наркомпрода. Борьба за хлеб вступила в новую фазу и скоро дала результаты.

В 1919—1920 годах мне довелось еще несколько раз видеть и слышать Ленина. Он никогда не упускал из поля зрения профсоюзы, обращался к ним при решении самых важных государственных задач. В апреле 1919 года я слушал выступление Владимира Ильича на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов в Колонном зале Дома союзов, созванной в критический момент наступления Колчака. Ленин призывал профсоюзы мобилизовать лучшие силы рабочих для разгрома врага. В частности, он предложил создать при всех профсоюзах и завкомах комитеты содействия мобилизации. Такие комитеты вскоре были созданы в Москве, в том числе и при нашем союзе пищевиков. В мае — июне 1919 года под их руководством проводилась мобилизация не менее 10 процентов членом союзов на фронт.

В тяжелой военной обстановке приходилось решать хозяйственные задачи. В то время особенно важно было палатить четкое и технически грамотное управление фабриками и заводами. Ведь после национализации большинство предприятий управлялись коллегиально. Во главе их стояли заводоуправления из нескольких представителей: от общего собрания, от фабзавкома, главка, от инженеров-специалистов и т. д.

Коллегиальная форма управления на первых порах выражала естественную потребность трудящихся принять участие в хозяйственных делах, к которым капиталисты раньше не подпускали рабочих на пушечный выстрел. Но постепенно выявлялась и отрицательная сторона такой формы. Заводоуправления плодили много конфликтов и недоразумений, теряли массу времени для решения мелких вопросов на своих заседаниях, тормозили оперативное руко-

водство. Чем дальше, тем настойчивее жизнь требовала замены коллегиального управления единоначалием.

Ленин еще в 1918 году в работе «Очередные задачи Советской власти» считал, что интересы развития производства, укрепления дисциплины требуют подчинения массы работающих воле одного руководителя. Владимир Ильич всегда выступал сторонником единоначалия на производстве, всегда был противником кислесобразного состояния диктатуры пролетариата.

Но не все соглашались с его доводами. В партии были рьяные сторонники коллегиальности, считавшие ее чуть ли не высшим проявлением рабочей демократии. Неискушенному в политике человеку и впрямь могло показаться, что коллективное заводоуправление — это и есть справедливое, демократическое руководство, а директор это вроде бы прежний начальник, стоящий над рабочими. По этому поводу шли жаркие споры.

Один из таких споров разгорелся на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 года, обсуждавшей тезисы председателя ВЦСПС М. Томского к IX съезду партии. Заседание проходило в Белом зале Дома союзов, где обычно собирались пленум и Президиум ВЦСПС. Присутствовало тогда человек сорок, да больше маленький полукруглый зал и не мог вместить. Меня пригласил на заседание председатель Московского совета профсоюзов Г. Мельничанский.

— Приходи. Возможно, будет выступать Ильич.

Со мной вместе пришла и секретарь нашего союза пищевиков А. М. Кудрявцева. Из участников заседания вспоминаются Томский, Лозовский, руководители ряда профсоюзов: Ищенко и Александ-

ров — от водников, Бумажный — от железнодорожников, Озол — от портных, Кутузов — от текстильщиков, Кроть — от пицеевиков, а также Лутовинов и Корзинов, состоявшие в «рабочей оппозиции».

Я устроился в передних рядах и хорошо видел президиум. Зал уже был полон, когда появился Владимир Ильич. В неизменном черном костюме и галстуке в белый горошек, он пригладил руками волосы и, улыбаясь собравшимся, громко произнес: «Здравствуйте, товарищи!» Затем сел за стол президиума между Томским и Лозовским.

Неожиданно появился Мельничанский и на правах хозяина дома подал Ильичу стакан чаю.

— Не взыщите: морковный, с сахарином. Но горячий.

— А морковный разве не чай? — засмеялся Ильич. — Тем более когда нет индийского. А горячий и совсем хорошо. У вас чертовски холодно, Мельничанский. Почему не топите? Большевики дров не дают?

— Не дают, Владимир Ильич.

— Ох, уж эти большевики, — опять улыбнулся Ленин, — послал их бог на нашу голову. — Потом уже серьезно обратился к Мельничанскому: — Отапливайте здание, берегите Колонный зал. Чудесный из чудесных, лучшего я не видел в Европе. Передайте Каменеву, пусть Моссовет поднатужится и достанет вам топлива...

Заседание фракции открылось. Не помню, кто выступал первым, но азартнее всех защищали коллегияльное управление Томский и Лозовский.

Ленин, отстаивая единоначалие, на этом заседании брал слово семь или восемь раз. К чему сводилась его мысль?

Глубочайшее заблуждение, будто коллегияльность

обеспечивает рабочим массам участие в управлении фабриками и заводами, делает их как бы непосредственными хозяевами предприятий, подчеркивал Ленин. Рабочим в нашем государстве принадлежат все фабрики и заводы, они — хозяева всех средств производства, а не только тех предприятий, где работают. Тем более что в коллегиях вовсе не «широкие рабочие массы», а три, пять, семь человек.

Один вопрос — кому принадлежат фабрики и заводы, и совершенно другой — кто и как управляет ими. Томский и Лозовский смешивают эти два вопроса, и у них получается путаница на словах и на деле. А вот насчет того, какая форма управления предприятиями лучше — коллегиальность или единоначалие, они ничего вразумительно не говорят.

Повернувшись в сторону главных оппонентов, Владимир Ильич с усмешкой заявил:

— Все-таки я вас в покое не оставлю и прошу ответить: вы за порядок на производстве, за единоначалие, или за коллегиальный кавардак?

Томский и Лозовский принялись с места возражать Ленину, перебивая друг друга и долго споря между собой. Наконец Ильич не выдержал:

— Вот, смотрите, — со смехом обратился он к нам, — новоявленные Добчинский и Бобчинский. Неизвестно только, у кого из них зуб со свистом.

В зале раздался хохот, причем смеялись и сторонники, и противники ленинской точки зрения.

Единоначалие необходимо нам, как воздух, продолжал Ильич. Оно есть надежный и пока единственный способ подготовки руководящих хозяйственных работников, работников, не только преданных революции, но и компетентных в своей отрасли. Одной преданности теперь недостаточно, не в меньшей мере нужна и компетентность, знание дела,

умение управлять производством. Много ли таких людей мы воспитали за два года? Мало, весьма мало.

Ленин обратился к Кутузову, сидевшему недалеко от меня:

— Иван Иванович! Сколько настоящих, знающих свое дело хозяйственников выдвинули текстильщики из среды рабочих?

— Не считали, Владимир Ильич, — ответил Кутузов с иронией. — Считать некого.

— У текстильщиков не хуже и не лучше, чем у других, — продолжал Ленин. — В самом деле, откуда возьмутся у нас компетентные люди? В коллегиях заводоуправлениях они немногому научатся. Там никто лично не принимает самостоятельных решений и не отвечает за них. Там решения принимаются сообща, и ответственность ложится на каждого по немножку и ни на кого персонально. Такое обучение работников хозяйственному руководству — курам на смех. Томский, Лозовский и иже с ними, делая шаг к отступлению, заявляют: единоначалие вещь, конечно, хорошая, но с ним надо подождать, вперед надо научить работников. А как научить — не говорят. Но ведь давно известно: пока в воду не полезешь — плавать не научишься.

Владимир Ильич страстно продолжал говорить о вреде всезнайства, неуважения к научным методам руководства. Отсутствие компетентности в той или иной отрасли руководства он называл величайшим нашим несчастьем в то время. К сожалению, говорил он, находятся люди, которые смотрят на это дело слишком легко и даже склонны невежество выдавать за добродетель. Чувствовалось, что этот вопрос давно и глубоко тревожит Ленина. Он даже рассказал собравшимся по этому поводу анекдот, извинившись, однако, что не охотник до них.

На Тверской якобы встретились двое рабочих, старые товарищи, коммунисты. Один рассказывает:

— Вчера в Большом театре был.

— Конференция, что ли, или заседание какое? — спрашивает другой.

— Нет. В опере на скрипке играл.

— Никак рехнулся: ты же балалайки никогда в руках не держал.

— А что поделаешь? МЖ послал...

Дождавшись, пока зал утихнет от смеха, Ленин сказал в заключение, что, видимо, все понимают: нельзя играть в оркестре, не владея инструментом, не имея музыкального образования. А вот управлять заводом некоторые считают возможным без научных знаний и навыков, хотя известно, что управлять не менее трудно и сложно, чем дирижировать хором или оркестром.

Отстаивая единоначалие, Ленин, однако, нисколько не ограничивал участия рабочих в управлении производством. Наоборот, профсоюзы облакались широкими полномочиями, через них и другие общественные организации рабочие имели возможность участвовать в организации труда на новых, социалистических началах.

Когда дебаты закончились, приступили к голосованию. Незначительным большинством, в два-три голоса, фракция одобрила тезисы Томского, в которых коллегиальность объявлялась «основным принципом» управления промышленностью. Все вопросительно смотрели на Лепина: что он скажет? Вначале Владимир Ильич нахмурился, будто растерялся. Потом рассмеялся:

— Ай да профсоюзники! Прокатили на воронях.

Несколько человек поднялись с мест и предложили голосовать не только членам фракции, но и

всем приглашенным из актива. Председательствующий Томский не стал спорить, хотя были и возражавшие, и вновь поставил вопрос на голосование, уже с участием актива. Предложение Ленина было принято. Тогда Корзинов от оппозиции заявил:

— А все-таки здесь заседает фракция, и ей одной принадлежит право принимать решения.

— Конечно, фракция ВЦСПС — высокая инстанция, — заметил Владимир Ильич, продолжая улыбаться. — Но, надеюсь, вы не забыли, что есть у нас высшая инстанция — партийный съезд. Там и будет решен наш спор.

Через две недели, в конце марта, собрался IX съезд партии. В специальном постановлении он высказался за то, чтобы «приблизить управление промышленностью к единоличию (так называли тогда единоначалие — *Авт.*), а именно: установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, идти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата».

Профсоюзы принимали участие в выдвижении способных руководителей-хозяйственников, которых назначали директорами. Помню, на фабрике «Эйнем» директором был назначен бывший рабочий-кондитер, активный деятель союза пищевиков П. Н. Колганов, на фабрике «Сиу» — рабочий Г. В. Копалин. Постепенно при поддержке рабочих организаций и с помощью специалистов они овладевали наукой хозяйственного руководства. Единоначалие для всех становилось понятным и необходимым как важнейшая мера хозяйственного строительства, прозорливо намеченная Лениным.

С. ТЕРЕХОВ.

Семен Алексеевич Терехов (1892 – 1965 годы). Член КПСС с 1917 года, кузнец вагонных мастерских Московского участка тяги Московско-Курской железной дороги. Делегат VI съезда партии, активный участник Октябрьской революции в Москве. Делегат Чрезвычайного Всероссийского съезда железнодорожных рабочих и мастеров (декабрь 1917 года) и Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда (январь 1918 года). Участник гражданской войны. Был на партийной, а затем на хозяйственной работе.

ИЛЬИЧ НА СЪЕЗДАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Вскоре после Октябрьских боев за победу пролетарской революции в Москве меня, кузнеца вагонных мастерских Курской дороги, избрали делегатом на Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых.

Вместе с другими делегатами от Московского узла я приехал в Петроград...

12 декабря в здании Института инженеров путей сообщения открылся съезд. Заседания проходили в большой аудитории. Делегаты уселись за студенческими партами, расположенными полукругом.

После доклада о текущем моменте на второй день съезда начались выступления с мест. Предоставили слово и мне.

Вдруг кто-то из президиума кладет передо мной белый кусочек картона. Продолжая говорить, беру

его в руки. Смотрю — визитная карточка. Читаю: «Марк Тимофеевич Елизаров». Он был тогда нашим первым наркомом путей сообщения и председательствовал на этом заседании. Но зачем он передал мне свою визитную карточку? Я замолкаю и вопрошающе смотрю на Елизарова: как, мол, это понимать? А Марк Тимофеевич жестом руки показывает — переверни карточку. Я так и сделал и на обороте прочитал три слова, написанные карандашом:

«Кончай, Ленин ожидает».

Быстро оборачиваюсь и вижу Владимира Ильича, который незаметно примостился на стуле за трибуной. Тут я окончательно смутился, покраснел, не знал, что мне делать, и продолжал стоять молча.

Владимир Ильич заметил мое смущение, подошел ко мне, дружески и ободряюще тронул за плечо и сказал:

— Продолжайте, пожалуйста, продолжайте свою речь...

Но какое там продолжать! Делегаты увидели Ленина, вскочили с мест, приветствуя его.

Наконец овация стихла, и Ленин смог начать свою речь.

— Позвольте, — сказал он, — приветствовать съезд от имени Совета Народных Комиссаров и надеяться, что железнодорожная организация будет вестись в соответствии с громадным большинством воли рабочих и крестьян России...

Бурными аплодисментами встретили делегаты это заявление главы молодого Советского государства.

Далее Ленин говорил о том, что железнодорожная разруха делает невозможным правильный обмен между городом и деревней, который так необходим

для урегулирования продовольственного дела. Эту разруху усугубляет саботаж чиновничьей верхушки.

— И чтоб урегулировать железнодорожное сообщение, — сказал в заключение Владимир Ильич, обращаясь к делегатам, — нам необходима ваша помощь, товарищи... Мы уверены, что настоящий железнодорожный съезд закрепит власть народных комиссаров созданием такой организации, которая поможет нам в борьбе за мир, землю. Итак, товарищи, я кончаю еще раз словами приветствия и пожелания плодотворной работы.

Бурными рукоплесканиями проводили делегаты Владимира Ильича, и в едином порыве съезд избрал его своим почетным председателем.

...После одного из заседаний, вечером, к нам в общежитие зашел член коллегии Наркомата путей сообщения Невский.

— Я хочу с вами посоветоваться, — сказал он. — В Сибири много хлеба, а привезти его мы не можем. Саботажники из числа управленцев устроили на Омской дороге «пробку» и грузовые поезда не ходят. Кого из преданных революции работников-движенцев можно послать в Сибирь, чтобы «расшить» узлы?

Я назвал нескольких товарищей с Московско-Курской дороги и во главе бригады посоветовал поставить В. Ф. Иванова.

— А вы можете рекомендовать этого товарища? — спросил Невский.

— С полной ответственностью...

— Иванов — член партии?

— Большевик-подпольщик.

— А движенческую специальность знает?

— Всю жизнь на этом деле...

На следующий день утром Невский зашел за мной, и мы отправились в наркомат, чтобы вызвать

по телефону Иванова в Петроград. Заходим в здание бывшего царского министерства. Вокруг пусто, ни души. Даже раздеться мы не смогли — у вешалок не было гардеробщика.

— Видите, — говорит мне Невский. — Чиновники саботируют и даже швейцаров запугали. Но у них ничего не выйдет. Мы создадим аппарат из преданных революции людей...

Мы зашли в кабинет, вызвали Москву, и я передал комиссару дороги приказание наркомата приехать в Петроград группу опытных железнодорожников.

Через несколько минут в кабинет вошел изможденный человек с красными от бессонницы глазами и подал пачку телеграмм. Невский познакомил меня с ним:

— Вот единственный в наркомате телеграфист. Он же телефонист. Это он соединял нас с Москвой. Единственный связист-большевик, а все остальные саботируют... Вот ему и приходится одному дни и ночи работать...

Такое было положение в наркомате в те дни.

Наш съезд железнодорожных мастеровых и рабочих полностью стоял на большевистских позициях и выразил недоверие Викжелю — Всероссийскому исполнительному комитету железнодорожного союза. Это была оторванная от масс верхушечная организация, в которой засели эсеры и меньшевики.

Во второй половине декабря Викжель созывал общежелезнодорожный съезд, и, для того чтобы вырвать руководство из рук соглашателей, наш съезд направил туда делегацию из 78 представителей. В их число попал и я.

На этом съезде произошел раскол по основному вопросу — о признании Советской власти. Левый

блок делегатов во главе с большевиками покинул заседание и объявил себя Чрезвычайным Всероссийским железнодорожным съездом¹. По просьбе делегатов Владимир Ильич Ленин сделал на съезде доклад от Совета Народных Комиссаров.

Доклад этот произвел на нас огромное впечатление. Бурными аплодисментами были встречены заключительные ленинские слова:

— ...Вы все знаете, что если большинство железнодорожных организаций объединится и поставит своей задачей поддержку Советской власти, то только тогда все жулики, саботажники, капиталисты и эксплуататоры, весь этот пережиток буржуазного общества будет сметен беспощадной борьбой и только тогда возможно будет организовать правильное железнодорожное хозяйство и получить полное освобождение рабочих, солдат и крестьян от власти угнетателей, только тогда мы получим социализм.

Никогда не забуду ленинской манеры выступать перед массами. Он часто сходил с трибуны, шагал по подмосткам. Он не докладывал сухим академическим тоном, а говорил страстно, не поучал массы, а разъяснял, стремился убедить людей неотразимостью жизненной правды.

Когда Ильич закончил доклад и сел на место, ему тотчас же вручили груды записок. Несколько минут он рассматривал их и раскладывал. А затем подошел к трибуне и сказал:

— Товарищи, записки, которые лежат передо мной, делятся на две группы: одна ставит вопрос об Учредительном собрании — это одна группа. Дру-

---

¹ Левая часть съезда Викжеля влилась в состав съезда профсоюза мастеровых и рабочих, и он объявил себя Чрезвычайным Всероссийским железнодорожным съездом. — *Ред.*

гая группа — о голоде и о хозяйственной разрухе. Я отвечаю по этим двум группам...

И Владимир Ильич произнес речь, в которой особо подчеркнул, что социалистическая революция уже началась и что теперь все зависит от создания товарищеской дисциплины, дисциплины самих трудящихся. Он призывал железнодорожных тружеников взять власть на транспорте в свои руки и при помощи вооруженной организации сломить саботаж и спекуляцию, преследовать всех тех, кто нарушает правильное железнодорожное сообщение.

Эта речь для нас, железнодорожников, была программой действий.

Вернувшись домой, я с новыми силами принялся за работу в Военно-революционном комитете дороги. Наш комитет выполнял ленинские указания — ломал саботаж на транспорте, привлекал к работе честных специалистов, налаживал ремонт локомотивов и вагонов, заботился о продовольствии для железнодорожников.

В это время органы Советской власти на местах стали укрепляться. У нас на Московском узле большую работу развернул Железнодорожный районный Совет. И вот начали раздаваться голоса, что военно-революционные комитеты на железных дорогах свою роль уже сыграли и их нужно распустить, подобно тому как это сделали в городах. Доводы казались логичными, и примерно в конце февраля 1918 года наш комитет, распространявший свою власть на Московско-Курскую, Нижегородскую, Муромскую и Окружную дороги, принял решение о самороспуске. Но в глубине души мы сомневались, правильно ли наше решение, и пришли к выводу, что нужно посоветоваться с Лениным. Выбрали делегацию, в которую вошел и я.

Приехали в Петроград и направились в Смольный. Мы попросили передать Владимиру Ильичу наше постановление о роспуске комитета. Если он считает вопрос важным, то примет нас.

Вскоре открылась дверь и Ленин пригласил нас войти.

— Садитесь, садитесь...

Мы сели, а Владимир Ильич продолжал стоять у стола.

— Так вот, товарищи куряне, — обратился он к нам, — прочитав вашу (при этом он шутливо прищурился) петицию, я не могу с вами согласиться... Если вы считаете, что правы, давайте серьезные доводы. Как вы считаете: революция уже закончилась?

Ильич выждал минутку и продолжал:

— Ведь вы лучше меня знаете, что на транспорте по-прежнему разруха, спекуляция, саботаж, враги вредят на каждом шагу. Кому же как не военно-революционным комитетам твердой рукой бороться со всем этим злом? Мне кажется, что пока еще рано распускать их на железных дорогах...

— А как вы думаете? — обратился Ленин ко мне.

— Да, видимо, поспешили мы, Владимир Ильич, — ответил я, — нельзя их распускать...

— А вы, а вы как думаете? — обратился Ильич к другим членам делегации.

— Ну, вот, вот мы и договорились, — подытожил Ленин беседу и протянул мне наше постановление о самороспуске.

— Только вот что, — сказал Владимир Ильич и заходил по кабинету. — Помните, что главное для ваших военно-революционных комитетов — это действовать вместе с рабочими, все делать вместе с ними, почаще советоваться и привлекать их к борьбе...

Ленин попрощался с нами и, провожая к дверям, сказал:

— Поезжайте, товарищи, на места, на линию. Время теперь очень трудное, и, вы сами понимаете, нужно работать не покладая рук, самоотверженно, ведь мы — большевики...

Много лет прошло с тех пор, но по-прежнему в моей памяти звучат проникновенные слова Владимира Ильича:

— Мы — большевики...

* * *

...И после победы Великой Октябрьской социалистической революции Викжель не хотел сдавать своих позиций и предъявлял Советской власти требования и ультиматумы, действуя якобы от имени железнодорожников. Он даже угрожал всеобщей забастовкой, остановкой движения на всей сети дорог.

В это время на многих предприятиях нашей дороги прошли общие собрания рабочих, выразившие недоверие Викжелю и требовавшие его переизбрания. Об этом дорожный военно-революционный комитет сообщил Московскому Совету. Там предложили, чтобы мы срочно направили своего представителя в Смольный и проинформировали ЦК партии и правительство о революционных настроениях рабочих-железнодорожников. Так мы и сделали.

Впоследствии нам стало известно, что тогдашний нарком путей сообщения Марк Тимофеевич Елизаров рассказал Владимиру Ильичу Ленину о требованиях наших железнодорожников. В это время в приемной Ленина сидели Крушинский и другие заправили Викжеля, ждавшие ответа на свое наглое

требование создать коллегии НКПС из их представителей.

Владимир Ильич внимательно прочитал письменный доклад нашего ревкома и постановления рабочих собраний с выражением недоверия Викжелю. Затем он позвал В. Д. Бонч-Бруевича и сказал, что викжелевцев, этих буржуазных прихвостней, он не примет, и попросил передать им, что вопрос о реорганизации коллегии НКПС не будет обсуждаться.

Это было во второй половине ноября 1917 года.

«Встречи с Лениным». М., изд-во
Министерства путей сообщения.
1962, стр. 72—78.

Ф. МАСЛЕННИКОВ.

Федор Александрович Масленников. Родился в 1891 году. В революционном движении начал участвовать с 1914 года, будучи студентом Петербургского политехнического института. В 1919 году вступил в Коммунистическую партию. Активный участник боев за Советскую власть в Сибири, где командовал инженерным батальоном 1-й Уральской дивизии. Один из организаторов профессионального союза рабочих-строителей в г. Тюмени. Долгое время находился на ответственной работе в Наркомате внешней торговли, в машиностроительной промышленности. В настоящее время персональный пенсионер.

ЖИЗНЬ ПОДТВЕРЖДАЕТ ПРАВОТУ ЛЕНИНА

После того как были разгромлены колчаковские полчища, партия направила меня на хозяйственную работу в г. Тюмень. В большой губернии в тот период я оказался, пожалуй, единственным инженером-коммунистом, и губком партии поручил мне создать и возглавить губернский комитет государственных сооружений — комгосоор, как называлась эта первая в Советской республике строительная организация. Предстояло восстанавливать разрушенное хозяйство губернии, возводить первые промышленные и гражданские постройки.

Несколько плотников, землекопов, каменщиков составили костяк нашего будущего коллектива

строителей. Начали с ремонта дорог, мостов, хозяйственных построек. Организовали заготовку леса, камня, известняка. И сразу же столкнулись с трудностью: не было ни одного специалиста, организатора производства. Без инженеров и техников рискованно было начинать сложные работы по восстановлению промышленных зданий.

Выяснилось, что много инженеров находится в г. Томске, куда они бежали, спасаясь от большевиков. Дали телеграмму в Томский ревком с просьбой вернуть несколько специалистов, согласных сотрудничать с Советской властью. Томские товарищи охотно помогли, сагитировали группу инженеров и даже выделили для них специальный вагон. До Тюмени, правда, добралось всего шесть-семь человек (остальные оказались в Омске или «пропали без вести»), но для начала и это было существенно.

Приехавшие были, конечно, образованными и опытными спецами, даже с известными именами, но они не испытывали никаких симпатий к Советской власти. Работать с ними не представляло особого удовольствия, но другого выхода не было.

Ленин правильно писал еще в 1918 году, что «привлечение к работе буржуазной интеллигенции является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня». В губкоме партии, в губсовнархозе мы часто обсуждали вопросы, связанные с использованием технических специалистов, и считали, что надо постепенно вовлекать их в хозяйственное строительство, пресекать саботаж, если он проявится, а главное — усилить контроль рабочих организаций за их деятельностью.

Уже первые шаги спецов показали, что такой контроль совершенно необходим. Некоторые из них заведомо делали неправильные расчеты в черте-

жах, что грозило опасными последствиями, и только убедившись, что имеют дело с руководителем-инженером, отказались от подобных попыток вредительства.

Нужен был контроль и в организации работ. Владимир Ильич, работая в тот период над своими статьями «Как организовать соревнование?», «Очередные задачи Советской власти» и другими, очень верно подметил, что, чем быстрее пролетариат наладит учет, контроль, организацию труда, тем успешнее подчинит своему влиянию буржуазных специалистов, избавит государство от той «дани», которую оно вынуждено платить им в виде высокого оклада.

В тот период мы особенно остро ощутили необходимость профессиональной организации рабочих. По решению губкома РКП(б) и губпрофсовета началось создание союза строительных рабочих.

Поскольку непосредственно на стройках было занято сравнительно немного людей, решено было объединить в этот союз также рабочих и служащих предприятий, тесно связанных со строительством: лесопильных, кирпичных и других заводов. На всех объектах и предприятиях мы провели рабочие собрания, где были избраны месткомы и завкомы, а также делегаты на губернский съезд строительных рабочих.

Этот съезд в Тюмени состоялся весной 1920 года. Делегаты отстроек и предприятий очень живо и заинтересованно обсуждали вопросы производства и рабочей жизни, задавали много вопросов, вносили предложения, как лучше преодолеть трудности. Съезд принял очень дельные постановления об участии членов союза в повышении производительности труда, укреплении дисциплины, а также по

организационным вопросам. Избран был первый состав губотдела профсоюза, куда вошел и я. У меня сохранилась фотография членов этого губотдела. Большинство из них были еще малограмотные, малоквалифицированные рабочие, но глубоко преданные идеям социализма, отдававшие все силы и энергию строительству новой жизни.

Разъехавшись по местам, делегаты съезда постарались разъяснить его решения всем работающим. Собрания проходили очень бурно, ведь рабочие (а среди них много было вчерашних крестьян из соседних деревень) впервые организовались в союз, и не столько для отпора классовому врагу, сколько для решения новых, мирных задач. Надо было присутствовать на этих собраниях, чтобы ощутить волнующую обстановку создания массовой рабочей организации.

И практические результаты не замедлили сказаться. На стройках и предприятиях значительно укрепилась дисциплина, были разработаны нормы выработки, послужившие основой учета труда и гласности соревнования. Впервые были установлены нормы расхода материалов, технические условия для определения качества работы и другие показатели, что создало в совокупности ту систему организации, без которой немыслимо успешное ведение производства. Профсоюзные ячейки ревниво следили за выполнением норм и других показателей, сравнивали успехи и недостатки отдельных коллективов, осуждали лодырей и прогульщиков.

Организовавшиеся в союз, рабочие смогли осуществлять более действенный контроль и за работой специалистов. Постепенно исчезало взаимное недоверие, рождалась общность интересов в совместном труде. Понятно, что такие интересы возникали лишь

у тех инженеров, которые стремились честно сотрудничать с пролетарской властью.

Уже к середине 1920 года губкомгосоор отремонтировал все дороги и мосты в губернии, привел в порядок коммунальное хозяйство, приступил к строительству кирпичного завода, восстановлению и реконструкции некоторых других объектов. Заложены были и первые жилые дома.

На I Всероссийском съезде комитетов государственных сооружений в Москве я выступил перед делегатами и рассказал, как общими усилиями профсоюза строителей и комитета сооружений достигается в Тюменской губернии укрепление дисциплины, более высокая производительность труда. Опыт наших строителей заинтересовал тогда общественность, и съезд рекомендовал широко его распространять.

На стройках Тюмени, таким образом, я хорошо понял, что профсоюзы могут сыграть огромную роль в воспитании рабочих, привить им чувство ответственности за государственные дела, за решение задач социалистического строительства, в чем кровно заинтересован пролетариат. И поэтому, когда в конце 1920 года меня направили на ответственную хозяйственную работу в Москву и по приезде туда я попал на некоторые дискуссионные собрания о роли профсоюзов в государстве, было странно и непонятно слушать речи отдельных ораторов.

Хорошо известны были заслуги профсоюзов в подготовке и проведении Октябрьской революции, в организации отпора белогвардейцам и интервентам в годы гражданской войны. Но сейчас враги разгромлены, Советская власть укрепилась в центре и на местах, и вполне естественным представлялось активное участие профсоюзов в мирном строитель-

стве. И практика уже подсказывала конкретные формы и методы такого участия.

А тут вдруг слышим речи о «кризисе» профсоюзов и даже о том, что профсоюзы «изжили себя». Мне были совершенно непонятны крикливые фразы Троцкого, призывавшего к военным методам работы в профсоюзах. Демократический дух был органически присущ этим массовым рабочим объединениям, и только человек, далекий от жизни, от истинных интересов и нужд трудящихся, мог требовать «милитаризации» и «закручивания гаек» в профсоюзах.

Требования группы «демократического централизма» («децистов») и «рабочей оппозиции» на первый взгляд представлялись демократичными. Под видом борьбы с бюрократизмом они выступали за коллегиальность в управлении, за признание особых прав профсоюзов в формировании органов хозяйственного руководства. В то время я еще не знал, что такое «анархо-синдикализм», но как практик мог предположить, что отсутствие единоначалия и твердой дисциплины в производстве не приведет к хорошим результатам.

Странной казалась роль и «буферной группы» Бухарина и его сторонников. Их речи о «производственной демократии» кое-кого могли ввести в заблуждение. Но как можно было примирить ленинские идеи с оппортунистическими взглядами Троцкого и других «знатоков» профсоюзного движения (что, собственно, и пытались сделать Бухарин и его сторонники) — этого я не мог себе представить.

Истинную роль профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, сущность их взаимоотношений с правящей Коммунистической партией мне удалось понять лишь из речи В. И. Ленина 30 декабря 1920

года. С этой речью он выступил на объединенном заседании коммунистов — делегатов VIII съезда Советов и членов ВЦСПС и МГСПС. Я был на некоторых заседаниях съезда Советов в числе приглашенных. Таким же образом попал и на это заседание партийной фракции съезда, проходившее в Большом театре.

Ленина слушали очень внимательно. В самом начале речи он дал блестящую характеристику профсоюзам как исторически необходимой и неизбежной организации рабочего класса, охватывающей его, в условиях диктатуры пролетариата, почти поголовно. С одной стороны, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего класса, который осуществляет принуждение. Но это, подчеркивал Ленин, не есть организация государственная, организация принуждения, а это организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма.

Такое определение профсоюзов было совершенно новым, вроде бы неожиданным, но ленинские выводы полностью совпадали с теми представлениями о роли профсоюзов, которые сложились у нас в практической работе. Они шли от жизни, и жизнь подтверждала их правоту. В то же время стало ясно, насколько фальшивы и надуманны формулировки Троцкого, Бухарина, Шляпникова и других оппозиционеров.

Я слушал эту речь и все больше убеждался в правоте Ленина, в его глубоком знании существа дела. Будто гора с плеч свалилась, сомнения исчезли, укрепилось желание во всю силу трудиться над решением тех больших задач, о которых говорил Ильич. Только где-то в глубине души таилась

досада на самого себя за то, что вначале не разобрался, мало знал, мало читал.

Эта единственная речь Ленина, которую мне довелось услышать, оставила неизгладимое впечатление на всю жизнь. Где бы я ни трудился потом — а мне пришлось работать на многих крупных заводах, в органах хозяйственного управления, — всюду стремился укреплять профсоюзные организации, опирался на них в любом деле. И поныне я твердо убежден, что только тот хозяйственник добьется прочного успеха, который тесно связан с профсоюзом, хорошо понимает его роль, умело направляет рабочую организацию на решение практических задач.

Жизнь подтвердила правоту Ленина и в его борьбе против анархо-синдикалистов. Ведь «рабочая оппозиция» не только принижала роль партии в руководстве хозяйственным строительством, но и проявляла близорукость в отношении дальнейшего развития социалистической экономики. Требуя передачи управления промышленностью непосредственно в руки «производителей», Шляпников, Коллонтай, Лутовинов и другие тем самым обрекали народное хозяйство на анархическую раздробленность, вели дело к ликвидации главного преимущества социализма — возможности планомерно развивать экономику.

Подобные взгляды высказывают и некоторые современные ревизионисты и пытаются даже осуществить их на практике. Но передача предприятий в собственность и в полное управление производственным коллективам только внешне выглядит демократичной, а на деле отдает народное хозяйство во власть рынка, подрывает единую основу социализма — общенародную собственность, возрождает местничество, преобладание интересов отдельных объек-

динений и районов над общегосударственными интересами. «...Полным отказом от социализма, — писал Ленин, — является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...»

Ленинские идеи помогли советским профсоюзам занять верное место в системе диктатуры пролетариата, и наши сегодняшние успехи в развитии народного хозяйства и культуры, в воспитании трудящихся и широком привлечении их к управлению государственными и общественными делами — яркое свидетельство торжества ленинизма.

И. ФОТИЕВ.

Илья Васильевич Фотиев. Родился в 1897 году. Член Коммунистической партии с 1919 года. Участник первой мировой и гражданской войн. Революционную работу начал вести среди солдат царской армии. Активно боролся с белогвардейщиной и кулацко-казачьим бандитизмом в Северном Казахстане. Один из первых организаторов профсоюзной работы в Казахстане. С 1921 года — на работе в аппарате ЦК РКП(б), затем на партийной, хозяйственной, научно-преподавательской работе. Участник Великой Отечественной войны, комиссар полка. В настоящее время персональный пенсионер, ведет большую работу в историко-литературном объединении старых большевиков.

АТБАСАРСКИЙ УЕЗД СЛУШАЛ ЛЕНИНА

Казахстан далеко от Питера и от Москвы. Но эхо революции донеслось сюда немедленно, отдалось гулом ожесточенных сражений с белогвардейцами, бурными митингами в станицах и аулах, стачками на медных рудниках и шахтах.

Началась новая полоса и в профсоюзном движении. До революции в Атбасарском уезде Казахстана существовало лишь несколько разрозненных профсоюзных ячеек. Теперь они возникали всюду — на рудниках и шахтах, на мелких предприятиях, в школах, учреждениях. Вскоре после освобождения города Атбасара и уезда от колчаковцев, в начале

1920 года, было создано уездное профбюро, которое возглавил большевик Бойко. Членами профбюро были избраны Богданов, Машинский, Максаков, Мартынова, Минин, Колчаева, я и другие товарищи. Свои первые шаги в профсоюзной работе мы делали, можно сказать, не выпуская винтовки из рук. Схватки с врагами революции продолжались и в 1920—1921 годах, и позднее.

В Москву на IV Всероссийский съезд профсоюзов я выехал сразу после подавления контрреволюционного мятежа в Ишмие. До тех пор только слышал и читал о Ленине, твердо верил в большевистскую правду, боролся за нее не щадя жизни. А тут довелось увидеть Ильича, услышать его речь — он выступил на заседании партийной фракции съезда. Можно представить мое возбужденное состояние, приподнятое настроение, когда я возвращался домой, в Атбасар, после этой памятной поездки в Москву. Радовался тому, что благополучно, в пользу партии и народа закончилась дискуссия о профсоюзах, что принято решение правительства заменить разверстку продналогом, что наступает время мирного строительства новой жизни.

Это радость для всех, для всего народа. А у меня в специальном ящике была отдельная радость, персональная, если можно так сказать. Ни в одном ауле, ни в одном горняцком поселке, наверняка, еще не было граммофона. «Вот будет удивление!» — думал я. А в конверте — пластинки с записью речей Ленина. Представлял, как обрадуются товарищи — горняки, крестьяне, учителя.

Эти три небольшие речи Ленина — о продовольственном налоге; о концессиях и о развитии капитализма; о потребительской и промысловой кооперации — были записаны незадолго до съезда профсою-

зов, 25 апреля 1921 года. Простым, понятным каждому рабочему и крестьянину языком Владимир Ильич объяснял в них самые насущные задачи внутренней политики. Где бы я ни открывал свой «ящик»-граммофон, где бы ни звучал голос Ильича — всюду я видел горячий блеск глаз, всюду потом разгорались жаркие споры о путях строительства новой жизни.

«Наша страна разорена неслыханно сначала войной царской, потом войной гражданской, то есть нашествием помещиков и капиталистов против Советской власти рабочих и крестьян, — говорил Ленин. — Надо поднять хозяйство во что бы то ни стало...»

Каждое слово Владимира Ильича Ленина — правда, и только правда. Страна разорена неслыханно. Нельзя допустить дальнейшего разрушения производительных сил, надо поставить их на службу трудовому народу.

В Казахстане — богатейшие месторождения угля и цветных металлов: Атбасарские, Карагандинские, Спасско-Успенские, Риддерские, Экибастузские копи и рудники. Акционерное общество Атбасарских медных копей образовалось еще в 1906 году. Русский промышленник Рязанов отдал копи англичанам в аренду, а те сразу почуяли прибыльное дело и склонили наследников Рязанова к продаже предприятия. В собственность иностранцев отошли Джезказганский медный рудник, 18 известковых карьеров, четыре каменноугольных месторождения в урочище Байконур. В дальнейшем под вывеской Спасского и Атбасарского акционерных обществ хозяйничали английские, американские, французские капиталисты. Прибрав к рукам богатства нашей страны, они безжалостно эксплуатировали местных жителей, с помощью царских властей подавляли

каждое выступление рабочих, не разрешали создавать рабочих организаций.

После установления Советской власти иностранцы продолжали хозяйничать на предприятиях Казахстана. Но их час пробил, и, чувствуя приближающийся конец, они старались навредить рабоче-крестьянской власти.

Помню, пришло известие: владельцы Джезказганского медного рудника дали распоряжение своему управляющему Козлову и его заместителю Осиповичу разобрать и вывести из строя все оборудование рудника, а шахты затопить. В Джезказгане у нас создан профком. Неужели ребята дрогнут? Посылаем на рудник одного из членов уездного профбюро: что там произошло, как развиваются события? Выяснилось, что рабочие, их более 900 человек, под началом фельдшера-большевика Деева не позволили совершить диверсию. Козлов и Осипович были арестованы и направлены в Атбасар, в органы ВЧК. На собрании, организованном профсоюзным комитетом, рабочие решили в кратчайший срок подготовить оборудование к работе, повысить производительность труда, дать стране больше металла и угля.

Уполномоченные уездных ревкома и профбюро бывали на всех предприятиях уезда. Мы помогали профсоюзам налаживать организационно-массовую, культурно-просветительную работу. В ту пору особенно часто устраивались рабочие собрания. Проходили они очень оживленно и играли большую роль в повышении сознательности рабочих, среди которых уже много было казахов. Они впервые узнали слово «профсоюз», но быстро усвоили его смысл и горячо выступали в пользу укрепления рабоче-крестьянской власти, в защиту интересов трудящихся.

Характерно, что большинство русских работников — партийных, советских, профсоюзных — знало казахский язык. А как это важно — говорить с людьми на их родном языке!

Когда в Казахстан пришли известия о первых коммунистических субботниках в центре страны, этот замечательный почин нашел здесь сразу поддержку. На субботниках рабочие вместе с семьями восстанавливали разрушенные здания, дороги, мосты, благоустраивали поселки.

Хотя профсоюзы еще не охватывали крестьянства, нам, членам уездного профбюро, постоянно приходилось выезжать на село. Особенно весной и летом 1921 года, когда вступило в силу постановление правительства о замене хлебной разверстки продналогом. На своих сходах крестьяне горячо одобряли новый закон Советской власти, вносили предложения об улучшении использования пахотных земель и пастбищ. Всюду с большим удовлетворением слушали они слова В. И. Ленина:

«Продналог почти вдвое меньше разверстки: например, хлеба 240 миллион пудов вместо 423-х. Размер налога точно известен наперед, то есть еще с весны, каждому крестьянину. От этого будет меньше злоупотреблений при взыскании налога. От этого у крестьянина будет больше интереса расширять посевы, улучшать свое хозяйство, стараться об увеличении урожая».

Профсоюзы, как передаточный механизм от партии к массам, многое делали для интернационального воспитания рабочих, крестьян, местной интеллигенции. Во-первых, они с самого начала строились на демократической основе, объединяли в своих рядах людей без различия их национальной принадлежности и вероисповедания. Во-вторых, будучи

школой воспитания масс и обучения их управлению производством, они всей своей деятельностью утверждали идею пролетарской солидарности, дружбы народов. Эта идея прошла серьезную жизненную проверку, была испытана в кровавых схватках с контрреволюцией.

В июне 1920 года ревком и профбюро уезда получили приказ Военного совета Туркестанской стрелковой дивизии, изданный в связи с мятежом в одной из воинских частей. В нем говорилось, что красноармейцы были введены в заблуждение врагами Советской власти. Одновременно было получено письмо-обращение уполномоченного по Семиречью Д. Фурманова и областного военного комиссара Б. Шагабутдинова к казахам, киргизам, уйгурам, дунганам, узбекам и представителям других национальностей. В письме говорилось о тяжелом положении угнетенных народов Востока до революции, о значении Великого Октября в их судьбах и содержался призыв к борьбе с врагами трудового народа, к дружной работе по преодолению вековой отсталости и строительству социализма.

Эти документы мы зачитывали и разъясняли на рабочих собраниях, на сходах в аулах и селах. Многие из присутствовавших на этих собраниях выступали с одобрением ленинской политики дружбы народов. Иногда принимались короткие резолюции: рабочие и крестьяне, русские и казахи заверяли Советскую власть, что будут решительно бороться с врагами революции, отстают свободу и завоевание Октября.

Разъяснительная работа сказывалась на сознании трудящихся. Когда в январе 1921 года вспыхнуло белогвардейское восстание в Ишиме, Петропавловске, Тобольске, Кокчетаве, подавляющее большин-

ство населения не только не оказало поддержки белобандитам, но решительно выступило в защиту Советской власти, проявляло революционную бдительность. Тысячи добровольцев, вооружившись охотничьими и самодельными ружьями, в отрядах самообороны храбро сражались с врагами.

Большую активность в этот период проявили русские женщины. Многие из них выступали на рабочих собраниях и сельских сходах, призывая население к отпору врагу, создавали санитарные отряды. При поддержке населения белогвардейские банды на границе Кокчетавского и Атбасарского уездов были разгромлены. В конце апреля 1921 года пленум уездного профбюро заслушал мой доклад о разгроме сил контрреволюции. На этом же пленуме меня выбрали делегатом IV Всероссийского съезда профсоюзов.

Для Казахстана, как и для других национальных окраин бывшей царской России, особенно настоятельной была ликвидация безграмотности населения. В рабочих поселках нашего уезда школы можно было пересчитать по пальцам, а в казахских аулах — и подавно. Там, где существовало обучение детей местного населения, оно всецело находилось в руках мусульманских священников. Их «методика», как десятилетия назад, основывалась на телесных наказаниях учеников. Правда, в первые годы после Октября уже появились новые кадры учителей, в том числе и коренной национальности, которые объединились в профсоюз, сосредоточивший свои усилия на повышении их квалификации, введении новой методики обучения детей в казахских школах. Но мулла со своей линейкой еще довольно продолжительное время оставался в юрте, которая называлась школой. И пока не хватало кадров,

работники народного образования добивались, чтобы он учил детей читать, писать и считать теми методами, которые взяла на вооружение советская школа.

Уездное профбюро и союз учителей заботились о снабжении школ всем необходимым для нормальной учебы, постепенно улучшали быт учительства, привлекали его к проведению культурно-просветительной работы среди населения.

Хорошо помню одно собрание учителей, проходившее в клубе города Атбасара. Собрались и городские учителя, и приехавшие из селений. Обсуждался вопрос о методике обучения детей в степных школах. Выступило что-то около 20 человек, в том числе несколько казахов, знавших русский язык. На этом собрании при союзе учителей и городском отделе народного образования была создана специальная комиссия для внедрения новой методики обучения.

Улучшалась постановка дела и в школах для взрослых по ликвидации неграмотности. Такие школы обычно создавались профсоюзными организациями на предприятиях, а на селе — органами наробраза. Наряду с основами грамоты учителя разъясняли слушателям политические события. Профсоюзные ячейки на предприятиях сделали немало удачных попыток установить шефство над сельскими школами, помогали удовлетворять растущие культурные запросы крестьян — и казахов, и русских. Это был ответ рабочего класса на призыв Ленина помогать деревне в ее культурном развитии.

Во всей разносторонней профсоюзной работе мы руководствовались ленинскими советами — держать тесную связь с массами трудящихся, жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь

определять настроение масс, потребности, уметь завоевывать безграничное доверие простых людей товарищеским отношением к ним, заботливым удовлетворением их нужд. Работники ревкома и уездного профбюро постоянно бывали на рудниках, в шахтах, в селах и аулах, выступали на собраниях, беседовали с рабочими и крестьянами в семьях. К нам, в помещении профбюро, также приходило много народу и днем, и по вечерам. Приходили по разным поводам, с разными вопросами, нередко даже по личным делам. Это живое общение с трудовым людом помогало успешнее решать практические задачи, обогащало наш опыт и знания, повышало сознательность масс. Без такой связи с трудящимися, о которой постоянно напоминал Ленин, невозможно было одолеть силы контрреволюции, укрепить рабоче-крестьянскую власть, нельзя было успешно строить новую жизнь.

Нынешний расцвет экономики и культуры Казахстана — яркое воплощение в жизнь заветов Ильича, которые с энтузиазмом были восприняты в рабочих поселках и степных кочевьях пятьдесят лет назад.

А. ПЛАТОНОВА.

Анна Федоровна Платонова. Родилась в Москве в 1896 году в семье портного. Трудовой путь начала ученицей в швейной мастерской. В 1912 году, будучи работницей швейной фабрики, вступила в профсоюз швейников, принимала участие в рабочем движении, за что арестовывалась царской охранкой. В марте 1917 года вступила в члены РСДРП(б). Принимала участие в Октябрьском вооруженном восстании 1917 года в Москве. После Октября работала инструктором Московского союза швейников, возглавляла культотдел ЦК союза швейников, была избрана членом президиума ЦК союза. После окончания Института красной профессуры находилась на партийной работе, заведовала Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Находясь на пенсии, продолжает научную и общественную работу.

ТАК ЖЕ СОВРЕМЕННО, КАК И ПОЛВЕКА НАЗАД

Всероссийский союз швейников, с которым тесно была связана моя революционная работа, с момента своего возникновения в 1917 году твердо стоял на позициях большевистской партии, на позициях Ленина. Его организаторами были стойкие большевикиленинцы — Ф. И. Озол, П. Т. Пирожков, Н. И. Ионов, В. В. Сахаров, Е. Егорова, П. Ф. Сахарова. У меня сохранилось много документов и фотогра-

фий первых лет работы союза, и они хорошо помогают восстановить в памяти минувшее.

До революции у швейников очень невысок был уровень концентрации производства, работали они преимущественно в мелких кустарных мастерских. Однако рабочие хорошо понимали свои классовые задачи, профессиональному союзу совершенно чужда была теория «нейтральности», проповедуемая мелкобуржуазными партиями. Когда победила Октябрьская революция, союз повел решительную борьбу вместе со всем рабочим классом за утверждение диктатуры пролетариата. I Всероссийский съезд профсоюза швейников, проходивший в январе 1918 года, решил всемерно и беззаветно поддерживать Советскую власть.

Первой задачей, которую поставил съезд, была организационная перестройка союза по производственному признаку, на началах демократического централизма, на что неоднократно обращал внимание В. И. Ленин. До революции сложились узкоцеховые союзы: пролетариев иглы, швей-кустарей, шляпников, картузников, закройщиков и т. д. Предстояло преодолеть эту раздробленность, замкнутость, ибо только мощная централизованная организация могла способствовать в недалеком будущем развитию швейной промышленности, ее переходу от кустарных мастерских к крупным фабрикам.

Объединение мелких союзов в единую профессиональную организацию работников швейной промышленности произошло в 1918 году.

Союз швейников отличал довольно высокий в то время уровень организационно-массовой работы. Сразу же после создания Всероссийского центрального органа началось объединение местных союзов в областные и городские; на места регулярно рассыла-

лись циркуляры и контролировалось их выполнение, налаживалась строгая отчетность, хорошо поступали членские взносы и т. д. Без всего этого нельзя было успешно осуществить главные задачи, поставленные партией во главе с Лениным перед профсоюзами: по-новому налаживать организацию труда, поднимать его производительность, укреплять дисциплину, развертывать производственную пропаганду. Журнал «Пролетарий иглы» — один из старейших большевистских журналов, детище ленинской «Правды» — регулярно публиковал материалы о хорошей постановке профсоюзной работы на местах, о достижениях фабрик и мастерских, критиковал отстающих и недисциплинированных. Тесная связь между организациями, их осведомленность о том, что делается друг у друга, позволяли добиваться быстрее восстановления и развития этой важной для страны отрасли промышленности.

Одними из первых швейники повсеместно внедрили нормирование и твердый внутренний распорядок труда, разработали положения о поощрениях и наказаниях работников.

Когда саботаж капиталистов и сокращение производства военного обмундирования породили в конце 1917 года — начале 1918 года массовую безработицу среди швейников, Центральный комитет союза принял решение создавать всюду, где это возможно, общественные мастерские. На места были разосланы примерный план создания общественных мастерских, их типовая структура.

В конце 1917 года проявил инициативу и начал подготовку к открытию государственной фабрики на 500 работающих для изготовления гражданского платья Московский союз швейников. Согласно смете, представленной союзом, Центротекстиль отпустил

фабрике в кредит тканей на 600 тысяч рублей, а ВСНХ ассигновал 300 тысяч рублей. Вслед за москвичами и петроградцами крупные мастерские открыли Астраханский, Владимирский, Смоленский, Омский, Воронежский и другие союзы швейников. В то время делегаты с мест приезжали в ЦК союза не столько по профсоюзным делам, сколько с просьбой о закупке тканей, получении кредита и т. п.

ЦК пришлось возглавить организацию швейного производства и управления в масштабе страны, поскольку не было еще новых хозяйственных органов в этой отрасли. Профсоюз по сути дела руководил швейной промышленностью вплоть до 1920 года, когда в системе ВСНХ была создана Главодежда. Кроме того, ЦК союза послал многих своих работников в государственные и хозяйственные органы. В ВСНХ были направлены Ф. И. Озол, в Центротекстиль — Ф. В. Терентьев, П. Ф. Сахарова, П. В. Решетко. Членом ВЦИК и ЦИК СССР избирался секретарь ЦК профсоюза Н. И. Ионов. Многие товарищи были командированы в губсовнархозы, в Губтекстиль, в советские органы, назначены директорами и комиссарами фабрик. А ведь вчера еще они были портными, закройщиками, скорняками! Профсоюзы действительно стали резервуаром государственной власти, как называл их Владимир Ильич.

По призыву Ленина швейники самоотверженно встали на защиту Советской республики от белогвардейцев и интервентов. Как и в других профсоюзах, у нас была проведена мобилизация 10 процентов членов союза в Красную Армию, а затем дополнительная мобилизация 5 тысяч рабочих, в том числе почти всех членов ЦК союза. Летом 1919 года в руководстве ЦК союза остался только один его член — М. Ф. Шкирятов.

Многие швейники ушли в продовольственные отряды, став их организаторами. 9 декабря 1918 года на заседании Петроградского союза швейников его председатель тов. Крылов докладывал, что за сентябрь этого года для продовольственного комитета швейниками погружено, несмотря на саботаж железнодорожников, 95 вагонов, в октябре — 105.

А снабжение армии одеждой? Это одна из героических страниц истории союза швейников.

Чтобы увеличить выпуск обмундирования, ЦК союза швейников добывается централизации управления швейной промышленностью. В 1919 году создается Центрошвей, а в 1920 — Главодежда.

В Москве изготовлялось примерно 40 процентов всей одежды для красноармейцев. Но здесь возникла острая нехватка рабочей силы. Московский союз швейников через Наркомтруд добился мобилизации на фабрики портных, работавших дома. Руководители союза П. Ф. Сахарова, М. И. Хрынин, И. С. Абрамов вместе с активом часто бывали на фабриках, разъясняли рабочим необходимость чрезвычайных мер помощи Красной Армии. И швейники работали с удвоенной энергией, иногда по полторы-две смены.

Самоотверженно трудились швейники Питера. Во время Кронштадтского мятежа они день и ночь изготовляли белые маскировочные халаты для воинов, которые шли на штурм крепости по льду Финского залива.

Таким образом, делегаты IV Всероссийского съезда швейников имели полное право заявить в своем приветствии В. И. Ленину: «Рабочие швейной промышленности сумели построить свое производство и одеть Красную Армию».

Этот съезд проходил в Москве, в Доме союзов, 4—6 февраля 1921 года. Впервые собрались деле-

гаты от всех областей и окраин, многие приехали из только что освобожденных районов. Настроение у всех было приподнятое — наконец-то враг разбит, окончена война! В президиум поступило много просьб от делегатов — пригласить на съезд В. И. Ленина. Однако до последней минуты мы не знали, будет ли наше приглашение принято.

При обсуждении основных докладов на съезде выявились противоречивые точки зрения о путях дальнейшего развития швейной промышленности. Предстояло перестраивать производство на мирные рельсы, создавать новые фабрики и мастерские не только в центре, но и в отдаленных областях, в национальных республиках. А возможности были очень невелики, особенно остро давал себя знать недостаток материалов для одежды. Поэтому некоторые делегаты придерживались мнения, что промышленность нужно сосредоточить преимущественно в центре. Часть делегатов, главным образом из отдаленных районов (Туркестана, Сибири), резко критиковали ЦК союза и Главодежду за невнимание к окраинам.

Разделились мнения и по поводу методов управления промышленностью: большинство высказывалось за единоначалие, но много нашлось сторонников и коллегиальности. Не все еще разобрались в материалах IX съезда РКП(б) по поводу того, в каких звеньях управления производством применяется единоначалие, в каких — коллегиальность.

Еще более острый конфликт возник на заседании большевистской фракции съезда при выборах членов ЦК союза. Фракция по сути дела раскололась, выдвинув два отдельных списка кандидатур. С такими предложениями коммунистам немыслимо было выступать на съезде, где присутствовало много

беспартийных и представителей других партий. Поэтому члены президиума съезда Ф. И. Озол и Н. И. Ионов сообщили о конфликте Центральному Комитету партии.

В. И. Ленин принял непосредственное участие в разрешении спорных вопросов среди швейников. На заседания фракции были командированы представители ЦК РКП(б). Их доклады дважды обсуждались на заседании Политбюро ЦК партии под председательством Ленина. Политбюро предложило фракции ликвидировать конфликт таким путем: отвести из каждого списка по одной кандидатуре, после чего составить единый список кандидатов в члены ЦК союза и предложить его делегатам съезда. Фракция приняла это предложение.

...Шло девятое пленарное заседание нашего съезда. Я выступала с заключительным словом по докладу о культурно-просветительной работе среди швейников. Этому участку профсоюзной работы ЦК союза и местные организации также уделяли много внимания. Культурная работа охватывала подготовку кадров, повышение общей грамотности членов союза, развитие культуры, работу с женщинами и детьми. К концу 1920 года в системе нашего союза действовало 19,5 профсоюзных школ и 10 курсов. Для рабочих открывались, как правило, краткосрочные курсы и школы ученичества, для административно-технического персонала — дневные курсы повышения квалификации. Среди швейников насчитывалось примерно 30—35 процентов неграмотных. Профсоюзы помогали органам народного образования взять на учет всех неграмотных, создали школы ликбеза. Это было началом той великой культурной революции, которую Ленин считал составной частью программы строительства социализма...

Во время моего выступления и появился в президиуме нашего съезда Владимир Ильич. Делегаты встали с мест, раздался гром аплодисментов, и я, будучи на трибуне, сразу даже не поняла, чем вызвана эта овация. Оглянувшись, увидела Ленина и растерялась. А он подошел к трибуне и, улыбаясь, подал мне руку. Мы обменялись рукопожатием, и я с радостью прервала свое выступление для речи нашего дорогого гостя. А делегаты продолжали аплодировать Ильичу. Зал затих, лишь когда Владимир Ильич показал на свои часы, что он обычно делал в таких случаях.

Речь он начал с того, что высказал удовлетворение по поводу благополучного разрешения конфликта, о котором говорилось выше. «Я уверен, товарищи, что это небольшое столкновение и успешное разрешение его будет теперь нам залогом того, что в дальнейшей работе вы, и как члены союза и как члены партии, сумеете решить все те немалые трудности и задачи, которые перед нами еще стоят».

Эти трудности и задачи действительно были немалые. Партия готовилась к осуществлению новой экономической политики и нацеливала внимание всех своих работников на практические задачи производства, на хозяйственное строительство. Ленин заявил, что не будет много говорить об этих задачах, потому что всем знакомым с производством эти задачи строительства, как он выразился, гораздо ближе и понятнее, чем ему, и распространяться было бы излишним. Владимир Ильич подчеркнул роль профсоюзов в государственном и хозяйственном строительстве. «Профессиональные союзы, — говорил он, — объединяют сейчас промышленных рабочих почти поголовно, они объединяют тот класс, на плечи которого за три года выпало больше всего тяже-

сти». Поэтому все трудящиеся страны, и в первую очередь беднейшее крестьянство, сочувствуют рабочему классу и готовы оказать ему свою поддержку в строительстве нового общества. Ленин вновь и вновь обращал внимание на то, чтобы профсоюзы выступали не только как союзы трудящихся, не только как строители нашего хозяйства — в этом их главная задача, но и как силы государственные, которые строят новое общество, без помещиков и капиталистов, и могут построить это новое коммунистическое общество, так как их поддерживает громадное большинство трудящихся масс.

Большую часть своей речи на съезде швейников Ленин посвятил международному рабочему движению. Он с воодушевлением говорил о том, какое огромное революционизирующее влияние оказывают победы рабочего класса России на профессиональное движение в странах Запада. Это движение постепенно освобождается от социал-реформистского влияния и в связи с нарастающим экономическим кризисом все активнее противостоит силе капитала. Именно таково было в тот период положение в профсоюзах Германии, Англии, Америки.

Капитал, подчеркивал Владимир Ильич, «это — сила международная, и чтобы победить его до конца, нужны и совместные действия рабочих тоже в международном масштабе». Он выразил уверенность, что международное рабочее движение и впредь будет расти и крепнуть и тем самым окажет огромную помощь первому в мире пролетарскому государству.

В связи с этим вспоминаю, что союз швейников одним из первых среди профессиональных союзов нашей страны начал устанавливать контакты с родственными рабочими организациями других стран.

Уже на I Всероссийском съезде швейников в январе 1918 года по приглашению ЦК союза присутствовал председатель союза рабочих производства одежды Финляндии. В 1920 году ЦК профсоюза имел встречи с представителями Берлинского союза портных и союза дамских портных Соединенных Штатов Америки. С ними велись переговоры о создании международного объединения швейников.

Из Германии была получена интересная корреспонденция: в Берлине состоялось многолюдное собрание работников иглы (присутствовало 2100 человек), заслушавшее доклад о поездке своих представителей в Россию. Немецкие швейники с глубоким интересом следили за успехами российского рабочего класса. Эту корреспонденцию напечатал советский журнал «Пролетарий иглы».

Наша делегация побывала в Америке, и после этой поездки связи русских и американских швейников значительно расширились и окрепли. Объединения рабочих этой отрасли в США тогда насчитывали до 350 тысяч членов. Лидеры союзов неохотно шли на сближение, но рядовые члены проявляли искреннюю симпатию к Советской России. Среди них возникло движение за оказание технической помощи русской швейной промышленности. 14 мая 1921 года, то есть через три месяца после IV съезда нашего союза, группа американских портных-эмигрантов доставила в Москву комплект машин и взялась наладить выпуск одежды. В Москве была создана специальная фабрика на 600 человек, оборудованная американскими машинами, где работали и наши швейники, и прибывшие из Америки мастера. Фабрике было присвоено имя III Интернационала. В январе 1922 года американские рабочие прислали нам

в подарок еще партию машин, установленных впоследствии на опытно-технической фабрике в Москве.

В. И. Ленин с большим одобрением относился к производственной помощи рабочего класса других стран российскому пролетариату. Он находил, что «широкая экономическая помощь мирового пролетариата является в данный момент лучшей и наиболее практической поддержкой Советской России в ее тяжелой экономической войне против империалистических концернов и лучшей поддержкой в деле строительства социалистического хозяйства».

ЦК союза швейников предпринял попытку объединить левые элементы профсоюзов ряда стран. Летом 1921 года состоялось совещание представителей шести стран: Советской республики, Германии, США, Франции, Швейцарии, Югославии. На совещании решено было создать организационное бюро с местом пребывания в Берлине, которое установило бы связи со всеми швейниками Запада. Но попытка не увенчалась успехом: берлинское бюро не установило таких связей.

Более результативной оказалась 1-я Международная конференция революционных рабочих-швейников, проходившая в Москве 4—6 декабря 1922 года. Она также была созвана по инициативе Всероссийского союза швейников. На ней, кроме советских представителей, присутствовали делегаты от Америки, Болгарии, Германии, Франции, Югославии и других стран.

Конференция выработала ряд организационных мер. В частности, были созданы Международный комитет пропаганды и его бюро в ряде стран. Задачи комитета определялись следующим образом: пропаганда принципов революционной классовой борьбы за создание единства действий между союза-

ми швейников разных стран в их борьбе против угнетения и эксплуатации рабочего класса; решительные действия против исключения революционных элементов из союзов; борьба за организацию производственных союзов и, наконец, за создание единого интернационала швейников. Местом пребывания секретариата Международного комитета пропаганды швейников была избрана Москва.

Международный комитет в дальнейшем продолжал начатую работу: устанавливал связи с революционно настроенными союзами, пропагандировал ленинскую идею классовой борьбы и международной солидарности пролетариата.

...Всю речь Владимира Ильича на нашем IV съезде я слушала, находясь на трибуне, совсем близко от него. Говорил Ленин просто и в то же время проникновенно, страстно. При взгляде на него казалось, что перед тобой обыкновенный человек, ничем не отличающийся от других. Но, выступая перед людьми, Ленин преобразился, и только тут во всей полноте я ощутила его величие и огромную силу воздействия на других.

Провожая Ленина, делегаты, как и при встрече, долго и бурно аплодировали, не скрывая, выражали свои чувства. Для меня эта встреча, конечно, осталась навсегда в памяти, в сердце. Перечитывая ленинскую речь, я вновь и вновь убеждаюсь в том, что сейчас она звучит так же современно, как и почти пятьдесят лет назад. Не иссякает богатство и не тускнеет блеск ленинской мысли, не увядает его оптимизм, все так же заражает и вдохновляет людей его глубокая вера в победу рабочего класса!

М. ПОГОРЕЛЬСКИЙ.

Моисей Семенович Погорельский. Родился в 1892 году. В революционном рабочем движении начал участвовать в 1905 году. В период февраля—октября 1917 года боролся за установление Советской власти в г. Ярославле. Член Коммунистической партии с 1927 года. В дальнейшем был членом президиума Центрального комитета профессионального союза работников кожевенного производства, редактировал журнал «Голос кожевника», активно участвовал в пропаганде ленинского плана строительства социализма. Ныне персональный пенсионер, автор многих воспоминаний о рабочем движении.

ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО ОКРЫЛЯЛО ЛЮДЕЙ

С того дня, когда я впервые услышал имя «Ленин», прошло почти шестьдесят пять лет, но хорошо помню, как это было. 18 октября 1905 года, в разгар Всероссийской политической стачки, в Минске состоялся многолюдный митинг рабочих. Собравшийся народ выражал свое возмущение царским манифестом о «свободах».

Хотя мне тогда было всего 13 лет, но я уже полгода работал на крупнейшем предприятии Минска — машиностроительном заводе Якобсона, Лифшица и компании (ныне завод имени С. М. Кирова). Когда рабочие с красными знаменами и революционными

песнями двинулись на привокзальную площадь для участия в митинге, мы, заводские мальчишки, конечно, были среди них.

На митинге выступало много ораторов. Из их речей я и узнал о большевистской партии, о Ленине. По приказу губернатора Курлова участникам митинга было предложено разойтись, но рабочие не подчинились этому требованию. Тогда жандармы и казаки открыли огонь...

Прошли годы. Мне уже стало известно, что Ленин — вождь революционных рабочих, что он вынужден руководить партией из-за границы, где издает большевистские газеты, брошюры, книги и посылает их в Россию. Мой сосед, наборщик одной из минских типографий, давал мне читать нелегальную литературу, которая на многое открывала глаза.

В октябре 1915 года завод Якобсона и Лифшица, работавший на войну, был эвакуирован в Ярославль. В этом городе мне довелось участвовать в революционных событиях 1917 года. В Ярославском Совете рабочих и солдатских депутатов мы с огромной радостью голосовали за ленинские декреты о мире, о земле, о первом рабоче-крестьянском правительстве, проводили в жизнь новые законы Советской власти.

Имя Ленина стало символом революции, символом новой жизни. Как и многие, я мечтал увидеть и услышать Ленина. Это заветное желание осуществилось 23 декабря 1921 года. Я уже работал в Москве и получил гостевой билет на первое заседание IX Всероссийского съезда Советов.

Заседания съезда проходили в Большом театре. В тот день он будто раздался вширь и вглубь — такая масса народу собралась здесь. Тесно было не только в зале, но и в проходах, в фойе. Но никто не обращал на это внимания. Всеми собравшимися

владел необычайный душевный подъем, искренней радостью светились лица делегатов и гостей — рабочих, крестьян, красноармейцев. Все знали, что с отчетным докладом о работе ВЦИК и Совнаркома выступит вождь революции — великий Ленин.

Он появился в президиуме как-то незаметно, после других руководителей партии и правительства. Но по залу мгновенно разнеслось: «Ленин пришел!» Гулом аплодисментов наполнился театр, отовсюду неслись приветственные возгласы: «Ура!», «Да здравствует наш вождь товарищ Ленин!», «Слава партии Ленина!»

Свой доклад Владимир Ильич начал неожиданно просто и вместе с тем захватывающе. Он говорил с собравшимися, как с близкими друзьями, с товарищами по работе. И мы чувствовали, что все те победы и успехи Советской власти, которые были достигнуты после Октября, — это наши общие победы и успехи, принадлежащие всей партии, всем трудящимся.

Доклад Ленина о внутренней и внешней политике республики на IX съезде Советов представляет собой блестящий образец марксистского анализа исторических событий, образец постановки задач перед партией и народом. Многие положения этого доклада вошли в сокровищницу марксизма-ленинизма и навсегда сохранят свое значение. Сейчас, когда вновь и вновь перечитываешь ленинские строки, в памяти оживают те волнующие события, страстная речь Ильича, его голос, жесты. Как ярко и образно он умел передавать свои мысли!

Партия осуществляла тогда новую экономическую политику. От коммунистов, от всех партийных, советских, профсоюзных работников требовалось умение хозяйствовать, умение торговать.

А некоторые отмахивались от этой тяжелой работы, требовавшей выдержки, аккуратности, настойчивости, отговаривались тем, что они сделали великое вчера. Ленин насмешливо говорил: «...Вы мне напоминаете басню про гусей, которые кичились, что «Рим спасли», но которым на это крестьянин ответил хворостиной: «Оставьте предков вы в покое, а вы что сделали такое?»

Среди профсоюзных работников были еще живучи неправильные взгляды времен дискуссии о профсоюзах. Ленин разоблачил их до конца: «Любому профсоюзу, который в общих чертах ставит вопрос о том, должны ли профсоюзы участвовать в производстве, я скажу: да перестаньте болтать (после этих слов в зале раздались аплодисменты. — *М. П.*), лучше ответьте мне на вопрос практически и скажите (если вы на ответственном посту, как авторитетный человек, работник коммунистической партии или профсоюза): где вы поставили хорошо производство, сколько лет вы его ставили, сколько вам человек подчинено — тысяча или десять тысяч, дайте мне список тех, кого вы ставите на хозяйственную работу, которую вы довели до конца, а не то, чтобы за 20 дел братья, а потом по недосугу ни одного не доводить до конца». Эти высказывания Владимира Ильича до сих пор не потеряли своего значения.

У Советской страны в тот период было много трудностей, в ряде губерний население голодало. Ленин подробно говорил об этом в своем докладе. Но в его речи не было и нотки уныния или растерянности, а, наоборот, предлагались практические меры, звучала непоколебимая вера в творческие силы рабочего класса и крестьянства, в торжество социализма.

Когда он кончил говорить, снова раздались аплодисменты и приветствия. Собравшиеся выражали свою огромную признательность Ильичу, свою решимость вместе с ленинской партией бороться за осуществление коммунистических идеалов.

Весной 1922 года я был направлен на работу в Центральный комитет профсоюза работников кожевенного производства — старейший в России профессиональный союз. Мне предстояло вести в Центральном комитете редакционно-издательскую работу в качестве одного из руководителей журнала «Голос кожевника». Председателем ЦК союза тогда был старый большевик, замечательный человек Виктор Павлович Капранов, чьим именем названы ныне обувная фабрика в Москве, Дом культуры в Ленинграде.

Вводя меня в курс дела, Виктор Павлович обратил внимание на то, что В. И. Ленин внимательно следил за деятельностью профсоюза кожевников, хорошо знал сильные и слабые стороны работы кожевенной промышленности. Капранов порекомендовал мне глубоко изучить все ленинские документы, связанные с профсоюзным движением вообще, с профсоюзом кожевников в особенности.

Кожевники, как один из сплоченных и организованных отрядов российского рабочего класса, особенно часто фигурировали в ленинских выступлениях первой половины 1918 года. Это был период, когда партия во главе с Лениным, используя мирную передышку, детально разрабатывала задачи хозяйственного строительства, создания основ социалистической экономики.

Владимир Ильич хорошо понимал, что в тяжелой обстановке разрухи и отсталости рабочему классу важно было использовать все возможности для

налаживания нормальной хозяйственной жизни, для сохранения и укрепления существующего производства, пока не хватало сил для его дальнейшего развития. Не располагая собственными кадрами инженеров, техников, администраторов, пролетариат должен был привлечь буржуазных специалистов и направить их деятельность в своих интересах, одновременно учась у них, перенимая опыт, знания, накопленные капиталистами.

Кожевники с первых месяцев Советской власти правильно поняли и осуществили ленинскую идею рабочего контроля и привлечения буржуазных специалистов к организации производства, сотрудничества с ними в интересах и под контролем пролетариата. Правда, для этого имелись объективные предпосылки. В кожевенной промышленности еще до революции, особенно в годы первой мировой войны, получили некоторое развитие элементы государственного капитализма. И сразу же после Октября, в январе 1918 года, ВСНХ использовал бывшее государственное капиталистическое объединение, образовав Главкожу и ее органы на местах. В создании этих органов непосредственное участие принимал ЦК союза кожевников. По его рекомендации правление Главкожи было создано на две трети из представителей рабочих, на одну треть — из предпринимателей. Примерно в такой же пропорции формировались и местные хозяйственные органы. Их функции предусматривали: сбор сырья, сдачу его владельцам заводов, учет производства, контроль, образование цен и т. п. Через эти органы рабочие вплотную подходили к организации управления производством, учились на практике ведению крупных хозяйственных дел.

Кожевники аккуратно вели учет и контроль, а это, как известно, Ленин считал первейшим усло-

ием налаживания хозяйственной жизни. При активном участии профсоюза были проведены перепись всех основных фондов и сырья, укрупнение заводов с целью концентрации производства и наилучшего использования сырья. Кстати, перепись кожевенных предприятий началась еще до революции. Комиссии из рабочих и специалистов детально обследовали предприятия, определяя возможности их дальнейшей работы. Мелкие предприятия решено было сырьем не снабжать. Профсоюз распределял рабочих этих заводов по другим предприятиям.

Примерно половина всех кожевенных заводов объединилась новыми, советскими трестами, созданными на основе старого аппарата. Их руководящие коллегии также составлялись из рабочих и буржуазных специалистов. После национализации кожевенной промышленности (июнь 1918 года) у частных остались лишь предприятия с основным капиталом менее 500 тысяч рублей. На этих заводах взаимоотношения рабочих с предпринимателями всецело регулировали профсоюзы.

Вот эта довольно стройная и четкая по тем временам структура отрасли, организация производства и дала основание В. И. Ленину в своем докладе «Об очередных задачах Советской власти» на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года заявить:

«Лучше всего стоит дело у тех рабочих, которые этот государственный капитализм проводят: у кожевников, текстилей, сахарного производства, потому что они с трезвостью пролетария знают свое производство и хотят сохранить его и сделать более крупным, — потому что в этом наибольший социализм. Они говорят: я еще сейчас с такой задачей не слажу, я капиталистов посажу, 1/3 мест предоставлю им и научусь у них». Ленин называл недаль-

повидными людьми тех, кто не верил в рабочий класс, кто боялся сесть за один стол с купцами и делягами, опасаясь их разлагающего влияния на пролетариат.

В работе «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» Владимир Ильич продолжает и развивает эти мысли: нужно не только сломить саботаж буржуазии, но и учиться у нее организации производства, поскольку опыта самостоятельного налаживания крупного производства у пролетариата пока нет.

«И лучшие рабочие России поняли это, — писал Ленин. — Они начали учиться у капиталистов-организаторов, у инженеров-руководителей, у техников-специалистов. Они начали твердо и осторожно с более легкого, постепенно переходя к труднейшему. Если в металлургии и в машиностроении дело идет медленнее, то это потому, что оно труднее. А рабочие текстиля, табачники, кожевники не боятся, как деклассированные мелкобуржуазные интеллигенты, «государственного капитализма», не боятся «учиться у организаторов трестов». Эти рабочие в центральных руководящих учреждениях, типа «Главкожи» или «Центротекстиля», сидят рядом с капиталистами, *учатся у них*, налаживают тресты, налаживают «государственный капитализм», при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма».

Через четыре дня после того, как «Правда» закончила публиковать статью «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», 15 мая 1918 года, Владимир Ильич выступил с докладом о текущем моменте на Московской областной конференции РКП(б). Призывая ее участников налаживать производство, вести точный учет производимого и потребляемого, Ленин вновь привел пример кожевников: их креп-

кую организованность, рабочий контроль на частных предприятиях.

Высокая ленинская оценка укрепляла решимость рабочих-кожевников и в дальнейшем действовать таким же образом: они совершенствовали деятельность своих профсоюзов, применяли новые формы рабочего контроля, стремились организовать производство на высоком техническом уровне. Профсоюзные ячейки частных предприятий строго следили за действиями хозяев, не позволяли им нарушать коллективные договора, добивались неуклонного выполнения трудового законодательства.

Бывали, конечно, случаи, когда частники в погоне за прибылью ущемляли права рабочих, снижали зарплату, самовольно увеличивали продолжительность рабочего дня. Работники центральных профсоюзных органов, в том числе и автор этих воспоминаний, не раз выезжали на места (Одесса, Ярославль, Оренбург, Кимры и т. д.), когда возникали подобные конфликты и даже забастовки. Профсоюз всегда находил силы сломить самоуправство хозяев и удовлетворить законные требования рабочих. Ленин был всецело прав, когда говорил, что, если политическая власть и командные высоты в экономике находятся в руках рабочего класса, ему не страшны капиталисты и он может смело допускать их на определенное время к развитию производительных сил.

В то же время профсоюз боролся против развращающего влияния частного капитала на некоторых рабочих. Кое-где хозяйчики пытались подкупать квалифицированных рабочих мелкими подачками, переманивали их с одного завода на другой. Журнал «Голос кожевника» печатал много материалов, посвященных образцовой постановке работы, особенно воспитательной, разъяснительной в отдельных проф-

ячейках. Опыт лучших организаций позволял всюду повышать сознание рабочей массы, воспитывать ее в социалистическом духе.

Профсоюз кожевников одним из первых начал содействовать внедрению хозяйственного расчета на предприятиях. В 1920 году уже многие заводы перешли на самоокупаемость, их коллективы работали с прибылью для государства, смогли вкладывать средства в развитие производства.

Огромную роль в жизни профсоюза кожевников сыграл III Всероссийский съезд союза. Он был гораздо многочисленнее первых двух съездов, так как на нем присутствовали делегаты многих освобожденных от врага районов страны: Сибири, Туркестана, Урала, Белоруссии. От 60 губерний съехались 292 делегата, представлявших 164 тысячи рабочих отрасли.

Но война еще не была окончена. Съезд собрался осенью 1920 года, как раз в период наступления панской Польши и Врангеля на Советскую Россию. Империалисты предприняли последнюю отчаянную попытку взять в клещи Республику Советов.

2 октября на съезде выступил Владимир Ильич Ленин. Его речь представляет интерес не только для кожевников и обувщиков, но и для каждого советского человека. В ней — глубокая характеристика политики империалистических государств, пытавшихся задушить ненавистную им власть рабочих и крестьян, меткие и острые наблюдения классовых противоречий, четкая постановка задач перед трудящимися.

— Главная трудность на всех фронтах, — говорил Ленин, — недостаток снабжения, недостаток теплой одежды и обуви. Шинели и сапоги — вот самое главное, чего недостает нашим солдатам, вот из-за

чего так часто срывались наступления, вполне победоносные... И союзу кожевников и собранию, представляющему собой весь пролетариат кожевников, надо на это обратить самое большое внимание. Товарищи! От вас зависит сделать так, чтобы предстоящее наступление на Врангеля, для которого мы готовим все силы, было бы произведено возможно более успешно и быстро... Надо, чтобы до предстоящей зимы на юге Крым был бы возвращен, а это зависит от энергии, от почина самих рабочих, и, может быть, в первую голову от каждого русского кожевника и от союза кожевников.

На призыв вождя делегаты съезда ответили воззванием ко всем рабочим и служащим кожевенной промышленности. В нем говорилось:

«Мы прекрасно учитываем, что судьбы нашей промышленности, наших фабрик и заводов решают судьбу рабочей революции, определяют нашу собственную судьбу. Поэтому мы должны сделать все для того, чтобы в кратчайший срок обуть и одеть Красную Армию». Съезд постановил: ввести обязательный 10-часовой рабочий день на ударных предприятиях, выпускающих обмундирование для армии, и признать необходимым добровольное увеличение продолжительности рабочего дня на остальных кожевенных предприятиях, усилить интенсивность труда, проводить массовые субботники, укреплять трудовую дисциплину.

Это воззвание было принято съездом единогласно. Как и речь Ленина, оно мобилизовало кожевников на еще более производительный, самоотверженный труд. Они сделали все возможное, чтобы улучшить снабжение Красной Армии и тем самым помочь ей разгромить белогвардейцев и интервентов.

Сверяя по Ленину свои шаги, кожевники в дальнейшем успешно преодолели трудности восстановительного периода, реконструировали производство на новой технической основе, неизменно уделяли внимание передовой организации труда. Они вырастили из своей среды замечательные кадры рабочих-организаторов, таких, как В. П. Капранов, И. С. Юзефович, А. Т. Темкин, П. А. Маклаков, Ф. П. Серегин, обучили тысячи своих специалистов.

Кожевенная и обувная промышленность ныне представляет собой высокоразвитую, технически оснащенную отрасль производства. На небывалую высоту поднялся культурно-технический уровень рабочих и служащих. Сбылось то, о чем мечтали и за что боролись отцы и деды нынешних рабочих в Кимрах и Осташкове, в Болохове и Ельце, в Питере и Москве, в Минске и Вильно и других старейших центрах кожевенно-обувного производства. Профсоюз кожевников, окрыленный добрым словом Ильича, играл огромную роль во всех этих преобразованиях.

А. ГРАФОВ.

Арсений Ильич Графов (1895—1969 годы). Выходец из бедной крестьянской семьи. В годы первой мировой войны служил рядовым солдатом, участвовал во многих боях. Сразу же после Февральской революции примкнул к партии большевиков, а с 1919 года стал ее членом. Много сил и энергии отдал претворению в жизнь учения В. И. Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства, борьбе с кулачеством. Был председателем Московского губернского отдела профессионального союза работников земли, много раз избирался заместителем и председателем ЦК Всероссийского профсоюза работников земли и леса.

СЧАСТЬЕ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Чем больше размышляешь о прошлом, об историческом значении Великого Октября, тем глубже осознаешь, что мы, современники Ленина, счастливый народ. Под руководством Коммунистической партии, партии Ленина, нам посчастливилось закладывать фундамент и строить первое в мире рабоче-крестьянское государство, государство трудящихся.

Нелегко нам это далось. С оружием в руках, в кровавой и бескровной борьбе мы отвоевывали и строили новую жизнь — готовили богатейшее материальное и культурное наследство нашим детям и внукам, всем будущим поколениям.

Выходцы из рабочих или беднейших крестьян, без образования, все, как правило, самоучки, мы

должны были заново создавать социалистическую экономику и культуру. Высшее образование получали уже после того, как закрепили Советскую власть и подготовили надежных помощников. Все шло так, как учил великий Ленин. Трудящиеся, говорил он, должны прежде всего взять власть в свои руки, тогда откроются для них неисчерпаемые возможности овладения наукой и культурой.

Так и было.

Не проторенной дорогой шли мы, а пробивались никому неведомой целиной. Часто спотыкались, падали, но поднимались и снова шли вперед.

Лично мне довелось в те огненные годы работать на одном из сложнейших участков социалистического строительства — в деревне.

В канун Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Ильич указывал нам:

«В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, — в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции...»

Так рассматривал Ленин вопрос о значении союза рабочего класса и беднейшего крестьянства. Этим и определялись формы и содержание работы в деревне. Огромную роль в этом деле сыграл профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих. Инициатором создания профсоюза сельскохозяйственных рабочих был Владимир Ильич Ленин. Он же обосновал цели и задачи этого профессионального союза, определил основные формы и методы его работы.

После Февральской революции, возвратившись из эмиграции на родину, В. И. Ленин настойчиво напоминает партии о роли сельскохозяйственных рабочих в революционных событиях и необходимости создания их самостоятельной классовой организации.

В это время рабочие всех отраслей промышленности и транспорта стали создавать свои профессиональные союзы. В сельском же хозяйстве были созданы лишь отдельные ячейки профсоюза сельскохозяйственных рабочих в Московской и Петроградской губерниях и в Латвии. Подавляющее же большинство сельскохозяйственных рабочих не были объединены в профсоюз, так как в массе своей работали в небольших кулацких хозяйствах, мелкими группами и даже в одиночку.

Если же учесть не только разобщенность сельскохозяйственных рабочих России, но и их культурную отсталость, забитость в результате кабальных условий труда и быта, то станет очевидным, что без помощи городских, промышленных рабочих сельскохозяйственным рабочим было чрезвычайно трудно создавать свой профессиональный союз, могущий объединить их в масштабе всей страны.

Именно поэтому в июне 1917 года, когда в Петрограде проходила 3-я Всероссийская конференция профессиональных союзов, В. И. Ленин выступил в «Правде» с двумя статьями под общим заглавием «О необходимости основать союз сельских рабочих России».

В первой статье он писал:

«Перед заседающей теперь в Питере всероссийской конференцией профессиональных союзов должен быть поставлен один чрезвычайной важности вопрос. Это вопрос об основании всероссийского союза *сельских рабочих*.

Все классы России организуются. Более всех эксплуатируемый, беднее всех живущий, наиболее раздробленный и задавленный, класс сельскохозяйственных наемных рабочих России как бы забыт...

Величайший и безусловный долг передового отряда пролетариев России — профессиональных союзов промышленных рабочих — придти на помощь своим братьям, сельским рабочим».

Как известно, большинство делегатов этой конференции состояло из меньшевиков и эсеров. Они не прислушались к призыву В. И. Ленина, встали на путь узкоцеховых интересов и не помогли сельскохозяйственным рабочим в создании своей самостоятельной классовой организации.

Профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих в масштабе всей страны был создан только после Октябрьской революции большевиками. В создании этого профсоюза мне посчастливилось принять активное участие.

В начале января 1918 года я прибыл с фронта к себе на родину — в Верейский уезд Московской губернии, где находилась моя семья.

В Верейском уездном комитете партии меня приняли на учет как сочувствующего и поручили руководить Вышегородским волостным земельным отделом, а потом, в середине 1918 года, — уездным земельным отделом. Избрали меня и в члены уездного исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов.

На мою долю выпала очень трудная, но почетная задача — быть участником организации коммун, совхозов, сельскохозяйственных трудовых артелей и профсоюзных ячеек в них в первые годы Советской власти. Хотя опыта и знаний мы тогда не имели, но смело и энергично претворяли в жизнь идеи Ленина, указания партии и правительства.

Профячейки в совхозах проводили большую работу не только по налаживанию хозяйства. Они оказывали помощь местным властям в осуществлении всех мероприятий партии и Советского правительства. Они уже тогда являлись своеобразной школой коммунизма.

В лице членов профсоюза и его рабочих комитетов в совхозах мы имели надежных защитников Советской власти в деревне. Из профсоюзных активистов выросли впоследствии кадры управляющих совхозами, уездные и губернские руководящие работники профсоюза сельских рабочих.

Нужно сказать, что профсоюз работников земли в Верейском уезде долгое время действовал оторванно от других профсоюзных организаций Московской губернии. Мы даже не знали о существовании такого профсоюза, как Московский союз земледельцев, и только в 1919 году организационно оформили в нем свое членство.

Для объединения работы профсоюзных ячеек в масштабе уезда вскоре было избрано уездное отделение профсоюза работников земли. И хотя я не входил в состав членов уездного отделения союза, мне как заведующему земельным отделом приходилось все вопросы, касающиеся совхозов, решать совместно с ним.

В декабре 1918 года я как представитель Верейского уездного земотдела десять дней участвовал в работе I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, на котором впервые увидел и услышал Владимира Ильича Ленина.

Съезд проходил в Колонном зале Дома союзов. В здании было холодно: дрова экономили для больниц и детских домов. Тускло горел электрический свет: электроэнергию экономили для предприятий,

работающих на Красную Армию, и на первейшие нужды нашего молодого социалистического государства.

Мы уже знали, что на съезде будет выступать товарищ Ленин. С нетерпением и волнением ждали этого выступления. И вот долгожданная минута настала. В президиуме во время вечернего заседания появился Владимир Ильич. Казалось, что дрогнули белые массивные колонны, качнулись огромные люстры от бури аплодисментов и приветственных возгласов. Делегаты стоя приветствовали своего вождя и учителя.

Ленин приветливо помахал обеими руками в зал. Новой, еще более мощной волной прокатился ураган рукоплесканий, когда председательствующий предоставил слово Ленину.

Владимир Ильич уже сердито помахал рукой: дескать, хватит.

Нет, этого не забудешь никогда.

Говорил Владимир Ильич страстно, убедительно и в то же время предельно ясно и просто. С особой силой он подчеркнул, что главной задачей земельной политики Коммунистической партии и Советского правительства является сейчас неуклонное проведение широкой организации сельскохозяйственных хозяйств и общественной обработки земли. «Тут нам предстоит, — говорил Ленин, — борьба шаг за шагом, вершок за вершком; придется отвоевывать завоевания новой, социалистической России, бороться за общественную обработку земли».

На этом же съезде В. И. Ленин имел беседу с группой делегатов и об организации профсоюза сельскохозяйственных рабочих. В конце беседы делегаты просили Ленина оказать им помощь в организации профсоюза.

— Придется помочь, — улыбнувшись, ответил Владимир Ильич.

И Ленин действительно помогал нам создавать и укреплять профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих.

В марте 1919 года состоялся I съезд сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии. На съезде выступил с речью Владимир Ильич, в которой убедительно обосновал своевременность, необходимость и возможность организации профсоюза работников сельского хозяйства. В июне 1919 года на I Всероссийском съезде союза сельскохозяйственных рабочих был оформлен в государственном масштабе профессиональный союз работников земли (Всеработзем). В декабре 1920 года на II съезде Всеработзема было принято решение об объединении его с профсоюзом работников леса. С этого времени он стал называться Всероссийским профессиональным союзом работников земли и леса (Всеработземлес).

На 1-м Всероссийском совещании по партийной работе в деревне 18 ноября 1919 года мне снова посчастливилось увидеть и послушать Владимира Ильича.

В своей речи Ленин разъяснил нам политику партии по отношению к среднему крестьянину и к специалистам сельского хозяйства. Он учил нас строить свои взаимоотношения со специалистами по примеру использования старых военных специалистов в Красной Армии. Ленин говорил, что нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры, а этот запас находится в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизм мы не можем.

В справедливости этих ленинских слов я скоро убедился, когда встречался со специалистами Московского губернского земотдела.

На I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей (декабрь 1919 года) В. И. Ленин опять выступил с большой программной речью, которая явилась как бы дальнейшим развитием его идей о взаимоотношениях с крестьянством.

Особенно мне запомнилось в речи В. И. Ленина то место, где он разъяснял отношение Советской власти к среднему крестьянину. Ленин требовал, чтобы мы, организуя коммуны и товарищества, не отрывались от окрестного крестьянского населения, а старались улучшить его хозяйство.

Немаловажная роль в преобразовании деревни на социалистических началах принадлежала молодым профсоюзным ячейкам. Профсоюзы, созданные в совхозах, показали себя активной силой. Поэтому, несмотря на все трудности, совхозы день за днем укрепляли свое хозяйство, они ежедневно отправляли в Москву молоко, овощи и мясо. Профсоюзные активисты занимались ликвидацией неграмотности среди совхозных рабочих и крестьян ближайших деревень, организовали избы-читальни, клубы.

Работа профсоюза работников земли в Верейском уезде была замечена, и в ноябре 1919 года на Московском губернском съезде этого профсоюза я был избран в члены правления губотдела союза, став его председателем. Тяжело было расставаться с прежней работой в уезде — так много осталось еще несделанного, незавершенного. Но ничего не поделаешь, пришлось переезжать на новое место — в Москву.

С первых же дней работы в Московском губотделе союза я увидел, что во многих уездах еще не организованы отделения нашего союза, и это сильно

тормозило дело. Надо было срочно создать уездные отделения, ибо с каждым совхозом губотдел не мог связаться непосредственно.

Еду в уезды. С помощью партийного и профсоюзного актива провожу уездные собрания, оформляю отделения. Часто приходилось недосыпать, быть полуголодным, усталость валила с ног, и все-таки работа успешно продвигалась вперед, налаживалась связь со всеми уездами.

В июне 1919 года, как я уже говорил, состоялся I Всероссийский съезд профсоюза сельскохозяйственных рабочих.

В. И. Ленин был избран почетным председателем президиума съезда. Присутствовать на съезде В. И. Ленин не смог, но он живо интересовался работой съезда и прислал в ВЦСПС записку, в которой рекомендовал помочь деньгами профсоюзу работников земли и советовал избрать на должность секретаря ЦК профсоюза опытного товарища, коммуниста.

ЦК нашего союза в это время испытывал большие финансовые затруднения, и записка Ленина в ВЦСПС о помощи союзу имела большое значение. История сохранила ленинскую записку как дорогую реликвию. Когда профсоюз сельскохозяйственных рабочих был создан и начал действовать, В. И. Ленин непрерывно следил за его работой и всемерно помогал его развитию.

По решению президиума Моссовета и губисполкома в октябре 1920 года было созвано в Москве совещание председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Советов Московской губернии. На совещание прибыло около двух тысяч делегатов. Открылось оно 14 октября 1920 года в Большом театре.

В состав президиума совещания входил и я как представитель от Московского губотдела союза сельскохозяйственных рабочих.

Следует иметь в виду, что многие делегаты были против продразверстки в деревне, против трудовой и гужевой повинности, против мероприятий, проводившихся в сельсоветах группами бедноты.

Открыл совещание член президиума Моссовета Петр Гермогенович Смидович.

Когда он начал вступительное слово, с мест слышались резкие, явно враждебные выкрики:

- Прекратить продразверстку!
- Хватит грабить крестьян!
- Долой гужповинность!

В зале поднялся шум. Смидовичу с большим трудом удалось закончить свою речь.

Продолжать заседание было невозможно. Объявили перерыв до утра следующего дня.

Члены президиума совещания и ряд ответственных работников Моссовета и губисполкома пошли в общежития, где остановились делегаты. Они беседовали с делегатами, что называется, по душам. Явно враждебных взглядов уже не было. Были довольно сдержанные высказывания против продразверстки. Но все делегаты заявили, что они желают послушать доклад товарища Ленина о международном и внутреннем положении страны.

О создавшейся на совещании обстановке сообщили Владимиру Ильичу. Он согласился выступить.

Когда В. И. Ленин появился на трибуне, в зале раздались восторженные аплодисменты. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики был выслушан с большим вниманием.

Ленин разъяснил, насколько важно Советскому правительству иметь в своем распоряжении хлеб для

снабжения рабочих и всех жителей городов, Красной Армии. Владимир Ильич подчеркнул, что только восстановив промышленность, можно дать крестьянству необходимые товары, продукты, начав тем самым правильный обмен деревенского хлеба на городские продукты.

После выступления Ленина и обсуждения его доклада на совещании наступил резкий перелом. Совещание закончилось дружным пением «Интернационала».

В декабре 1921 года на III съезде профсоюза меня избрали председателем ЦК Всеработземлеса.

Масштаб работы значительно увеличился. Сразу же пришлось решать ряд сложных вопросов, имеющих большое значение для союза.

С первого дня возникновения Всеработземлеса как всероссийской профсоюзной организации остро встал вопрос: кого должен объединять в своих рядах союз работников земли и леса? Нам, ранее работавшим в периферийных органах, было ясно, что основным контингентом для объединения в союзе были работники совхозов, работники леса, служащие и специалисты земельных органов, батраки-одиночки, работающие по найму.

К концу 1921 года союз Всеработземлес насчитывал в своих рядах уже около миллиона членов и имел свои отделы почти во всех губерниях страны. Но надо прямо сказать, что во многих местах губотделы и уездные отделения работали чрезвычайно слабо. На местах не хватало кадров профработников. Совершенно не были охвачены членством многие батраки-одиночки.

Такова была обстановка, с которой мне пришлось столкнуться в первые же дни работы на посту председателя ЦК союза. Нужно было срочно решить

вопрос о кадрах, охватывать членством батраков. Так считали мы, члены президиума ЦК Всеработземлеса. И вдруг, как снег на голову, в январе 1922 года встает вопрос о приеме в члены союза Всеработземлес малоимощных крестьян-единоличников, которых в то время насчитывалось до 7 миллионов.

Вопрос этот поставили перед союзом члены комиссии ЦК РКП(б), готовившей рекомендации по работе партии в деревне для предстоящего XI съезда партии. Следует отметить, что на II Всероссийском съезде Всеработземлеса, проходившем в декабре 1920 года, уже ставился вопрос о включении в члены союза малоимощных крестьян-одиночек. Съезд тогда единодушно отклонил такое предложение, мотивировав тем, что слабость наших аппаратов ни в коем случае не дает возможности включить в наш союз непролетарские и даже полупролетарские массы деревни, занятые в своих единоличных хозяйствах. Это включение означало бы отход от общероссийского профессионального движения и самым пагубным образом отразилось бы на организационной работе союза.

Идея приема в союз новых 7 миллионов членов на первый взгляд казалась весьма заманчивой. И тот, кто не знал истинного положения вещей в нашем союзе, мог легко попасться на эту удочку. И кое-кто уже попался. Организованная на XI съезде секция по работе в деревне рассматривала рекомендации комиссии по данному вопросу, и некоторые ее участники склонны были поддержать рекомендации комиссии.

Учитывая сложившуюся обстановку и хорошо понимая, чем все это может кончиться, я решил высказать свои возражения лично Владимиру Ильичу. Но встретиться с ним на съезде мне не удалось.

В. И. Ленин был очень занят. Тогда я воспользовался случаем и встретился с Надеждой Константиновной Крупской. Внимательно выслушав меня, она спросила:

— А как же быть с крестьянами маломощных хозяйств?

Я напомнил Надежде Константиновне о решении IX Всероссийского съезда Советов по вопросу о сельском хозяйстве, который проходил незадолго до XI съезда партии.

— А вы говорили об этом членам комиссии ЦК партии?

— Конечно, но они решили перенести наши разногласия на рассмотрение съезда.

Надежда Константиновна задумалась.

— Хорошо, — сказала она после значительной паузы, — это передам Владимиру Ильичу. Мне тоже кажется весьма сомнительным предложение комиссии о принятии в профсоюз 7 миллионов единоличников.

Окрыленный поддержкой Надежды Константиновны, я с нетерпением ждал, что скажет Владимир Ильич.

Буквально на второй день на имя председателя комиссии было получено письмо от В. И. Ленина, в котором он, в частности, писал:

«Последний съезд Советов дал линию. Задача партсъезда, по-моему, в сельскохозяйственной секции обсудить ее применение с точки зрения *практики и опыта мест...*»

Я, конечно, был очень рад такому повороту дела. Высказанные в письме Ильича мысли легли затем в основу решений XI съезда партии о работе в деревне. В них говорилось, что съезд поручает ЦК учредить постоянную комиссию при ЦК для изуче-

ния опыта о работе в деревне и для разработки руководящих указаний в этой области под председательством одного из членов ЦК и при участии представителей Наркомзема и Всеработземлеса.

Съезд признал необходимым в числе других мер усилить профессиональный союз работников земли и леса, на основе чего станет возможной экономическая организация пролетаризированного и маломощного крестьянства.

Для меня, как и для других членов президиума ЦК Всеработземлеса, было ясно, что маломощное крестьянство будет вовлекаться в систему сельскохозяйственной кооперации. Наш же профсоюз должен активизировать работу для вовлечения в союз батраков, которых к октябрю 1922 года насчитывалось не менее миллиона.

Таким образом, отстояв свои взгляды на членство крестьян маломощных хозяйств, мы получили возможность заняться объединением батрачества.

Конкретную программу по этому вопросу разработал в декабре 1922 года IV съезд нашего союза.

Создание в советской деревне сельских и волостных организаций Всеработземлеса, вовлечение батраков в профсоюз, организация защиты их интересов от кулацкой кабалы, преодоление чрезвычайно больших трудностей в воспитательной работе, ликвидация неграмотности и повышение культурно-политического уровня батрачества — все это создавало такое своеобразие в работе этого союза в те годы, какого не могло быть ни в одном другом профсоюзе нашей страны.

За время своего существования Всеработземлес сыграл большую роль в жизни нашей страны.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. Андреев. По пути, указанному Лениным	3
А. Васильев. Как учил Ленин	7
А. Бабицын. На новых, социалистических началах	30
А. Медведков. Трудный экзамен	40
Н. Богданов. Налаживать хозяйственную жизнь .	55
М. Животов. Владимир Ильич и плановое управление промышленностью	76
Р. Терехов. «Ваш союз будет одним из самых передовых...»	80
И. Германов. Как союз стал большевистским . . .	97
Ф. Тарасов. «Из класса угнетенного стать господствующим»	108
С. Авдеев. Три встречи с Ильичем	124
М. Казакова. Вдохновленные ленинской правдой .	134
А. Никишин. Как мы были у Ильича	148
А. Носков. Навсегда в памяти	157
С. Терехов. Ильич на съездах железнодорожников.	174
Ф. Масленников. Жизнь подтверждает правоту Ленина	183
И. Фотиев. Атбасарский уезд слушал Ленина .	192
А. Платонова. Так же современно, как и полвека назад	201
М. Погорельский. Ленинское слово окрыляло людей	213
А. Графов. Счастье моего поколения	225

Издательство ВЦСПС ПРОФИЗДАТ —
ул. Кирова, 13

ВЕЛИКИЙ ДРУГ. М., Профиздат, 1970 г.
240 стр.

ЗК26

Редактор Л. П. Копылова
Художник В. И. Чистяков
Худ. редактор А. П. Ерасов
Техн. редактор Л. А. Зайцева

Подп. к печати 5/1 1970 г. А 03601
Бумага типографская № 1 70×108¹/₃₂=7,5 п. л.
(усл. 10,50 л.) Уч.-изд. 9,50 л. Тираж 25 000 экз.
Цена 54 коп. Зак. 411.
Объявлено в Тематическом плане
Профиздата на 1969 г., № 126.

1-я типография Профиздата, Москва,
Крутицкий вал, 18.

Цена 54 коп.

ПРОФИЗДАТ
1970

54 x 03

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КИНОСТУДИО СССР

★ великий друг

★ Великий друг